

Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала

К 70-летию
Геннадия Борисовича Здановича

Сборник научных трудов
Часть 1

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»
Государственное учреждение культуры
«Историко-культурный заповедник областного значения "Аркаим"»

АРКАИМ — СИНТАШТА: ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ ЮЖНОГО УРАЛА

К 70-ЛЕТИЮ
ГЕННАДИЯ БОРИСОВИЧА ЗДАНОВИЧА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Часть 1

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Р е ц е н з е н т
доктор исторических наук А. Д. Таиров

А 82 **Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала : к 70-летию**
Г. Б. Здановича : сб. науч. тр. : в 2 ч. / отв. ред. Д. Г. Зданович ; редкол.: Н. Б. Ви-
ноградов, С. А. Григорьев, А. В. Епимахов ; Челяб. гос. ун-т ; Ист.-культур. за-
поведник обл. значения «Аркаим». Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010.
Ч. 1. 214 с.

ISBN 978-5-7271-1006-5

Первый в археологии сборник научных статей, полностью посвящённый исследованию памятников уникальной синташтинской археологической культуры эпохи бронзы Южного Урала. Публикуемые тексты значительно расширяют свод материалов по синташтинской культуре и дают представление о современном многообразии подходов и точек зрения к её изучению. Издание приурочено к 70-летию со дня рождения известного российского археолога Геннадия Борисовича Здановича.

Адресовано археологам, историкам, лингвистам, краеведам, студенческой молодёжи и представителям научной общественности, заинтересованным в исследовании древней отечественной истории.

ББК Т442(2)я434

ГЕННАДИЙ БОРИСОВИЧ ЗДАНОВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 7

Зданович Геннадий Борисович: этапы творческого пути9

Интервью с Г. Б. Здановичем 23

*Список публикаций Г. Б. Здановича.
45 лет научной деятельности: 1964–2008 гг.* 29

Марсадолов Л. С.

Аркаим и Аржан как модели мира 43

Пьянков И. В.

Аркаим и индоиранская вара 56

Кириллов А. К., Румянцев А. Ю.

Сарым-Саклы: опыт исследования укрепленных поселений
аркаимско-синташтинского типа с позиций археоастрономии 65

Хованский А. И.

Внутренняя хронология Синташтинского культурного
комплекса 74

Берсенева А. Г., Епимахов А. В., Зданович Д. Г.

Синташтинский лук: археологические материалы и варианты
реконструкции 82

Гайдученко Л. Л.

Биологические остатки из укрепленных поселений «Страны
городов» Южного Зауралья 96

Гайдученко Л. Л., Зданович Г. Б., Малютина Т. С.

Особенности обеспечения мясной пищей населения укрепленно-
го поселения Аландское на ранних этапах его обитания 109

Джоунс-Блей К.

Индоевропейский погребальный обряд, Ригведа и Авеста 118

Зданович Д. Г., Куприянова Е. В.

Лошади и Близнецы: к «археологии ритуала» Центральной
Евразии эпохи бронзы 130

Зданович Д. Г.

Княженские курганы: точка на археологической карте 162

Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Гаврилюк А. Г.

Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский
IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины..... 179

Петров Ф. Н.

Каменный пест с зооморфным навершием с поселения эпохи
бронзы Хрустальное III 207

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Сборник научных трудов «Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала» приурочен к 70-летию юбилею Геннадия Борисовича Здановича. Это первый в археологии сборник, полностью посвящённый древностям Южного Урала рубежа эпох средней — поздней бронзы (синташтинская культура), изучение которых занимало и занимает важное место в научной деятельности юбиляра. Открытие памятников типа Синташты и Аркаима заполнило собой существенную лакуну в наших знаниях о древней истории региона, новые материалы сыграли ключевую роль в понимании многих вопросов динамики и направления развития культур евразийских степей в эпоху палеометалла. Научный интерес к этим уникальным памятникам непрерывно растёт, формируются новые подходы к их изучению, постоянно появляются публикации, содержащие оригинальные теоретические выводы.

Сборник состоит из двух частей. Первая часть включает в себя статью о жизни и деятельности Геннадия Борисовича Здановича и его интервью (взял интервью Ф. Н. Петров), дополненные библиографическим указателем научных и основных научно-популярных публикаций Г. Б. Здановича в период с 1964 по 2008 г. (составители В. А. Волгин и Д. Г. Зданович), и двенадцать публикаций, отражающих многообразие научных интересов Г. Б. Здановича в русле сформированного им комплексного междисциплинарного подхода к аркаимско-синташтинским древностям «Страны городов». В числе исследуемых тем — сопоставление планировки Аркаима и Большого синташтинского

кургана с элитными погребальными комплексами степей раннего железного века на основе отражения в их конструкции сходных «моделей мира» (Л. С. Марсадолов). Нужно отметить, что новые радиоуглеродные даты, полученные на материалах экспедиции Г. Б. Здановича и Т. С. Малютиной, убедительно датируют Большой синташтинский курган синташтинским хроноинтервалом. В связи с этим указанные сопоставления представляются в особенности интересными и перспективными.

Авторы целой серии статей сборника рассматривают древности аркаимско-синташтинской культуры в индоевропейской ретроспективе. Архитектура и культура памятников типа Аркаим сопоставляются с данными о легендарной иранской Варе (В. И. Пьянков), синташтинский погребальный обряд — с индоевропейскими письменными источниками (К. Джоунс-Блей). В статье Д. Г. Здановича и Е. В. Куприяновой ритуальные парные захоронения лошадей Центральной Евразии трактованы на основе индоевропейских представлений о Божественных Близнецах. Прослежена динамика развития обряда, в научный оборот вводятся результаты раскопок Северо-Казахстанской экспедиции под руководством Г. Б. Здановича, а также материалы авторов.

Статья А. К. Кириллова и А. Ю. Румянцева продолжает традиции изучения памятников «Страны городов» с позиции археоастрономии, зародившейся на рубеже 1980–1990-х гг. В публикации обобщены результаты многолетних работ авторов на укреплённом поселении Сарым-Саклы.

Отдельное направление научных исследований — анализ органических остатков из раскопок укрепленных поселений аркаимско-синташтинского типа. Представлен полный реестр таких остатков и их контекстов (Л. Л. Гайдученко); разработана — на примере стратифицированного поселения Аландское — модель динамики обеспечения мясной пищей жителей поселения в раннесинташтинское, синташтинское и петровское время (Л. Л. Гайдученко, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина).

Ряд статей посвящен анализу конкретных категорий материальной культуры. К изучению керамики обратился в своей статье А. И. Хованский. На основе современных методик анализа орнамента он предложил свою схему относительной хронологии комплекса памятников на р. Синташта. На наш взгляд, вопросы относительной хронологии сегодня занимают одно из ключевых мест в синташтинской проблематике. В статье А. Г. Берсенёва, А. В. Епимахова и Д. Г. Здановича обобщена информация о синташтинских усиленных луках, в том числе о новейших находках; представлены варианты реконструкции луков.

Публикации представлены в первую очередь материалами могильников: Княженских курганов (Д. Г. Зданович) и

могильника Александровский IV (Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк). В публикациях поднят значительный круг проблем обобщающего и теоретического плана: закономерности в размещении погребальных памятников синташтинского типа в пространстве и — шире — вопросы социальной палеогеографии «Страны городов»; особенности курганной архитектуры Зауралья эпохи бронзы, проблемы её формирования и развития.

Завершает сборник публикация новой находки мелкой каменной пластики — песта с зооморфным навершием (Ф. Н. Петров). В отличие от целого ряда предыдущих находок предмет имеет хорошо выраженный археологический контекст.

Представленные в сборнике материалы не только показывают актуальность дальнейшего изучения аркаимско-синташтинского периода в истории бронзового века Урала, но и позволяют заново вернуться к обсуждению многих дискуссионных вопросов, «загадок» Аркаима и Синташты. Авторам сборника удалось поднять лишь их малую часть, за пределами книги осталось множество имён, точек зрения, концепций. Хотелось бы выразить надежду, что издание таких тематических сборников станет традицией.

ЗДАНОВИЧ ГЕННАДИЙ БОРИСОВИЧ: ЭТАПЫ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Геннадий Борисович родился 4 октября 1938 года в Махачкале (Дагестанская АССР, ныне — Республика Дагестан). Летом 1941 года мать вместе с двумя детьми поехала в Алма-Ату (Казахстан) навестить своих родителей. Там их и застала война. Дед, чтобы прокормить большую семью, построил в горах зимку, пахал, сеял, занимался ремеслом, возродив традиционное натуральное хозяйство. Поэтому воспоминания детства у Геннадия Борисовича связаны с запахом земли и домашних ремесёл, самодельными игрушками и ощущением безграничных возможностей человека. В Алма-Ату, пройдя все этапы войны — от финской до японской, вернулся отец. Здесь семья и осела. Здесь Геннадий Борисович обучался в школе и кинотехникуме, увлёкся фотографией, немного рисовал и писал стихи. Своё будущее связывал с творческой работой, поэтому и принял в 1961 году решение поступать на факультет журналистики Уральского государственного университета. Однако, приехав в Свердловск, он резко поменял своё решение и подал документы на исторический факультет. Его привлекла открывшаяся на факультете специализация по археологии.

Студенческие годы Здановича связаны с именем Владимира Фёдоровича Генинга. Талантливый и увлечённый археолог, требовательный и новаторски настроенный педагог, он много внимания уделял учебному процессу и полевой подготовке студентов. Спецкурсы В. Н. Чернецова, Г. Ф. Дебеца, Е. Н. Черных, участие в экспедиционных

исследованиях Л. Я. Крижевской и М. Г. Мошковой расширяли профессиональный кругозор студентов. В 1963 году Г. Зданович участвовал в работе Всесоюзной студенческой конференции в Москве, через год — в IV Уральском археологическом совещании в Перми, где впервые общался со светилами уральской археологии: О. Н. Бадером, К. Ф. Смирновым, А. П. Смирновым, Е. Е. Кузьминой. Всё это вдохновляло. Эти годы был получен бесценный опыт самостоятельных разведочных исследований и раскопок курганов. Итогом обучения в УрГУ стала дипломная работа «Ранний железный век Казахстана».

В 1966 году Г. Зданович окончил исторический факультет и был направлен по собственному желанию в Северо-Казахстанский областной краеведческий музей научным сотрудником. Одновременно началась и педагогическая деятельность Г. Здановича в Петропавловском педагогическом институте. Петропавловский период длился до 1972 года. Он был коротким, но продуктивным. Петропавловское Приишимье на археологической карте Казахстана было белым пятном. Работа в музее предполагала комплексное исследование региона. В связи с этим за шесть лет Здановичем было осуществлено практически полное разведочное обследование области, раскопаны десятки памятников различных эпох от каменного века до средневековья. Но основное внимание было уделено памятникам бронзового века, относившимся к ареалу фрагментарно исследованной и достаточно загадочной

андроновской культуры. На основе традиционных методик и собственных наблюдений у Геннадия Борисовича сложилась своя методика раскопок поселений широкими площадями, сформировался опыт исследования стратиграфических напластований. Раскопки однослойных поселений и могильников позволили корректировать выводы по стратиграфии и хронологии многослойных памятников и создать общую картину развития бронзового века Северного Казахстана. В петропавловский период был накоплен организационный опыт. Тогда же сложился костяк творческого коллектива. Наряду со С. Я. Зданович полноценным помощником стал выпускник пединститута В. Ф. Зайберт, сформировалась команда студентов, из которых первыми археологами-специалистами стали М. К. Хабдулина и Т. С. Малютина. Большая работа со школьниками проводилась на базе Дворца пионеров. Из постоянного школьного состава также «выросли» археологи А. А. Плешаков и Н. С. Татаринцева. В этот период были исследованы такие реперные памятники современного андроноведения, как поселения Новоникольское I, Петровка II, Бишкуль IV; Ильинка, могильники Петровка, Семипалатное, Амангельды, Алыпкаш. Открытие петровского и ильинского типов керамики позволило выстроить хроностратиграфию бронзового века Северного Казахстана. В этот же период формировались навыки музейной работы. Первая археологическая экспозиция Северо-Казахстанского музея была построена молодым специалистом Г. Б. Здановичем в 1967 году на материалах случайных находок. Вторая развёрнутая экспозиция по тематическому плану совместно со С. Я. Зданович была развёрнута в новом здании музея в 1973 году.

Уже в начале 1970-х годов у Геннадия Борисовича сложилось представление, что все интересные памятники бронзового века региона исследованы и для дальнейшего творческого процесса нужен приток новых материалов, расширение территории изысканий. Открытие в Караганде государственного университета способствовало решению этой проблемы. В 1972 году Г. Зданович прошёл конкурс на должность ассистента кафедры истории Казахстана и с семьёй переехал в Караганду. Основным районом интенсивных разведочных работ стала Целиноградская область. Было найдено крупное поселение финальной бронзы — Саргары — и рядом с ним синхронный могильник. Они и стали ведущими объектами исследований этого периода. Археология стала популярным увлечением карагандинских студентов. В лаборатории всегда былолюдно и весело. Километры профилей и сотни погребений прорисованы студенческим пополнением. Из карагандинской лаборатории вышли известные ныне археологи: А. Д. Таиров, В. В. Варфоломеев, Э. Р. Усманова, Н. О. Иванова, К. Карабаспакова, А. А. Таирова. Отъезд Г. Б. Здановича из Петропавловска не прервал там археологические исследования. Эстафету принял В. Ф. Зайберт. Под его руководством проводятся археологические исследования преимущественно памятников каменного века, воспитывается новое поколение археологов. В 1975 году Г. Б. Зданович защитил кандидатскую диссертацию «Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья». Положения, изложенные в этой обобщающей работе, получили в последующем подтверждение в материалах исследований Т. М. Потёмкиной и В. В. Евдокимова.

Археологи Уральского государственного университета, 1966 г.

Первый ряд, слева направо: В. Е. Стоянов, Б. Б. Овчинникова, Л. П. Шорикова, Е. М. Шилина (Мырсина),
В. Ф. Генинг;
второй ряд, слева направо: В. В. Евдокимов, Г. Б. Зданович, М. К. Болотов

На бракосочетании Г. Б. и С. Я. Здановичей. Свердловск, 23 февраля 1965 г.

Среди присутствующих: Р. Д. Голдина, В. В. Евдокимов, Б. Б. Овчинникова

*Поселение Петровка II, 1968 г.
Л. Я. Крижевская, С. Я. Зданович, Г. Б. Зданович*

*В лаборатории педагогического института. Петропавловск, 1968 г.
Слева направо: А. А. Плешаков, Г. Б. Зданович, Р. Агишев, С. Я. Зданович*

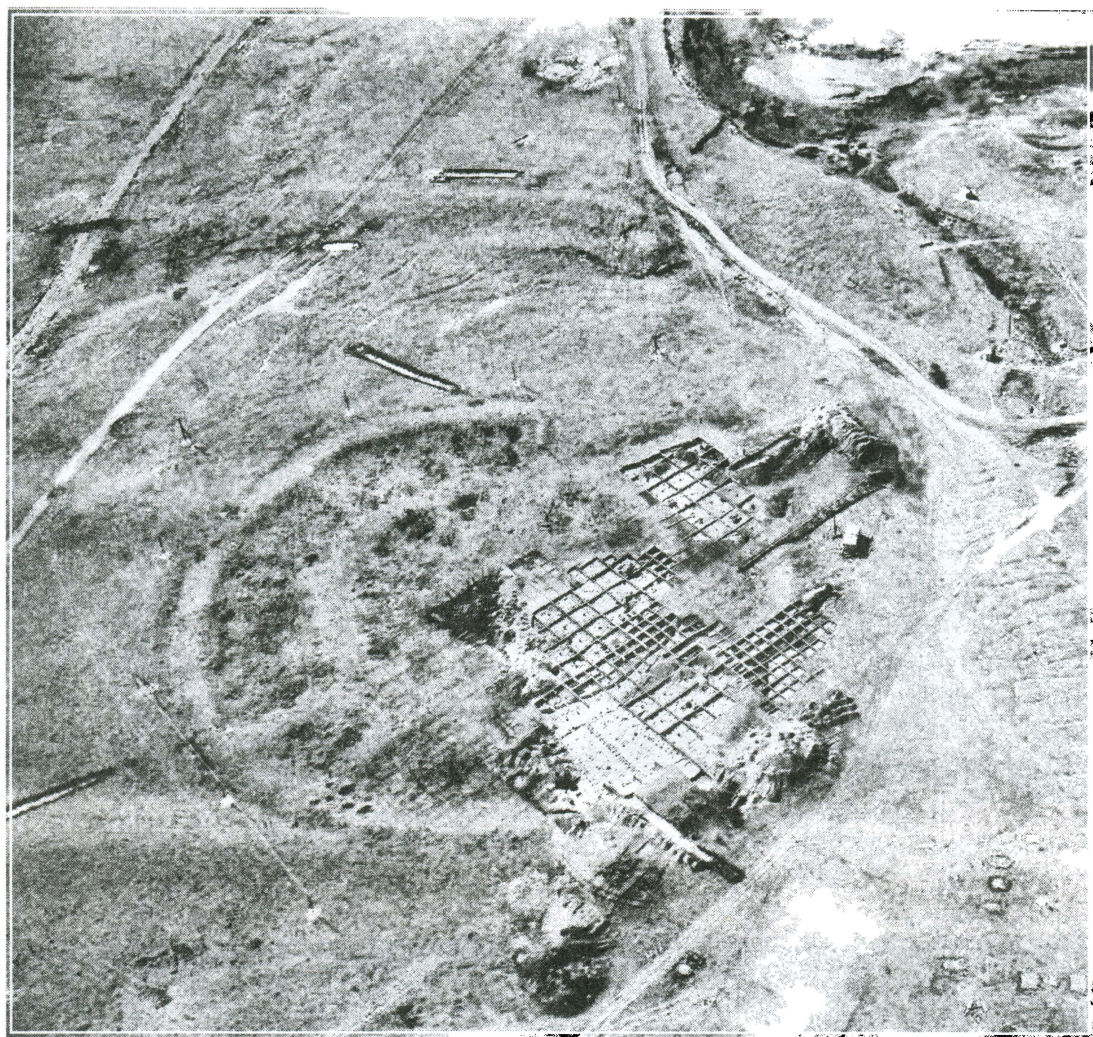
Поле как жизнь

Разведка по р. Нура. Центральный Казахстан, 1975 г.

*XVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.
Челябинский государственный университет, 1985 г.*

Раскопки поселения Аркаим, 1989 г.

Раскопки Большого Синташтинского кургана, 2006 г.

На раскопках кургана 25 Большекараганского могильника, 1991 г.

Слева направо: Д. Г. Зданович, Л. Л. Гайдученко, Р. У. Линдстром, Г. Б. Зданович, А. Роговской

Заповедник Аркаим, 1999 г.

На переднем плане: Г. Б. Зданович, В. И. Сарияниди; слева от Г. Б. Здановича — Н. А. Мажитов

Экскурсия в Музее природы и человека. Аркаим, 2005 г.

Конференция «Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.». Аркаим, 1999 г.

Г. Б. Зданович, К. Ламберг-Карловски и другие участники конференции

Международная конференция «Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации».

Туркменистан, 2006 г.

Г. Б. Зданович и Е. Е. Кузьмина

Посещение заповедника французским археологом Анри де Люмле. Аркаим, 2007 г.

*70-летний юбилей Г. Б. Здановича.
Челябинский государственный университет, 6 октября 2008 г.*

*70-летний юбилей Г. Б. Здановича. Поздравление казахстанских учеников.
Челябинский государственный университет, 6 октября 2008 г.
Слева направо: В. Ф. Зайберт, А. А. Плешаков, М. К. Хабдулина.
Ведущий торжественного заседания В. В. Грудзинский*

*Жизнь впереди. Г. Б. Зданович с дочерью Верой (В. Г. Будыкиной) и внучками Анной и Ксенией.
Челябинск, 1995 г.*

Однако в карагандинский период не удалось реализовать самую главную идею — расширить территорию исследований. В Центральном Казахстане продолжали работать ученики А. Х. Маргулана, а потребность в укреплении источниковой базы по-прежнему существовала. К тому же в республике явно нарастали проблемы националистического плана. Геннадий Борисович вновь переезжает с семьёй, на этот раз в Россию, в новый вуз.

С 1976 года творческая деятельность Г. Б. Здановича связана с Челябинским государственным университетом. Челябинск не был «археологическим» городом, хотя здесь в своё время работали К. В. Сальников и В. С. Стоколос и был педагогический институт. Был и местный специалист — Н. Б. Виноградов, который уже поработал с В. Ф. Генингом на раскопках Синташтинского могильника. Теперь он получил возможность развивать свой собственный археологический опыт и сразу же подключился к совместным археологическим исследованиям на базе пединститута. В ЧелГУ была создана хоздоговорная лаборатория. Кадровую проблему помогли решить выпускники. Из Казахстана приехали Т. С. Малютина, М. К. Хабдулина, Н. О. Иванова, супруги А. Д. и А. А. Таиловы, из Свердловска — Е. М. Беспрозванный. Подготовку школьников — участников экспедиций — во Дворце пионеров и школьников возглавила выпускница КарГУ Н. И. Зилизецкая (Худякова). Хоздоговорные и новостроечные работы существенно расширили хронологический и территориальный диапазоны исследований: копали средневековое городище на р. Уфа, тагарские могильники на юге Красноярского края, золотоордынские памятники в Крыму, стоянки каменного века на оз. Чебаркуль.

Но основные объекты оставались в Казахстане, и новая экспедиция получила название Урало-Казахстанской экспедиции. На историческом факультете ЧелГУ Г. Б. Зданович в разное время возглавлял кафедры всеобщей истории; археологии, этнографии и социальной истории. Относительно обучения студентов сохранялась старая концепция — готовить специалистов разных направлений с хорошей полевой и лабораторной подготовкой. Через археологическую экспедицию прошли сотни школьников и студентов, их заслуги отмечены десятками грамот и призов на студенческих региональных и российских конференциях. Из студенческой среды вышли ныне известные челябинские археологи: С. Г. Боталов, В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Г. Гаврилюк, А. В. Епимахов, Д. Г. Зданович, И. Э. Любчанский, Т. В. Любчанская, Ф. Н. Петров, Е. В. Куприянова. Десятки выпускников продолжают служить археологии, работая в образовательных и государственных учреждениях. В полевых экспедициях проходили подготовку выпускники других вузов: В. П. Костюков, Г. Самигулов, Н. М. Меньшенин. Сегодня Челябинск — город с развитой «археологической инфраструктурой», и в этом немалая заслуга Г. Б. Здановича.

В 1987 году одним из отрядов УКАЭ было открыто укреплённое поселение Аркаим, что стало логическим продолжением той информативной цепочки, которая выстроилась на казахстанских материалах. С исследованием Аркаима, с тем, что происходило вокруг Аркаима, связан не просто особый этап в жизни отдельного человека, а, вероятно, новый этап в организационной и методической практике археологической деятельности. Прежде всего, беспрецедентным на постсоветском

идеологическом пространстве явился сам факт сохранения древнего городища, признание приоритета памятника истории перед хозяйственным объектом. Создание в 1991 году заповедника на базе памятников первобытной истории позволило апробировать новую форму охраны культурного наследия. В результате комплексных исследований были получены конкретные результаты по параллельному исследованию природы и общества. И, наконец, были заложены основы музея нового типа — музея-заповедника под открытым небом на месте археологического памятника. В научно-методической области получили разработку методы дистанционного исследования (дешифрирование аэрофотосъёмки) и геофизического метода. Комплексные исследования пос. Аркаим сформировали научный коллектив принципиально

нового типа. В него вошли геологи И. М. Батанина, А. И. Левит, Н. В. Левит, В. В. Зайков, Ю. А. Лаврушин, почвоведы И. З. Иванов, Л. Н. Плеханова, биолог Л. Л. Гзйдученко, геофизики В. Я. Тибелиус и Б. Н. Пунегов, астроном А. К. Кириллов и другие специалисты смежных дисциплин.

В 2002 году Г. Б. Зданович защитил докторскую диссертацию «Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы». Основные проблемы на современном этапе связаны с пропагандой археологических знаний и охраной археологических памятников. В 2003 году вышла первая книга по Кизильскому району из задуманного цикла «Археологический атлас Челябинской области». Подготовлен том по Нагайбакскому району. Ведётся работа по проектированию музейной экспозиции в музейном комплексе заповедника Аркаим.

ИНТЕРВЬЮ С Г. Б. ЗДАНОВИЧЕМ

4 октября 2008 года, в день семидесятилетия Г. Б. Здановича, мы задали Геннадию Борисовичу несколько вопросов о прошлом, настоящем и будущем Челябинской археологии.

Вопрос: Как Вы оцениваете значение археологии — в Вашей жизни и в жизни всего нашего общества?

Г. Б. Зданович: Когда мы начинали работать в Северном Казахстане в конце 1960-х годов, археология была отдушиной от официозной идеологии. В археологию шли лучшие, мыслящие люди, а мы, на базе изучения древнего мира, могли дать им тот идеал коммунизма, на котором мы воспитывались, но в реальной жизни практически не видели.

Археология была по-настоящему привлекательна в то время, когда основной ценностью для молодёжи было знание. Сейчас ценности, к сожалению, изменились. Больше всего ценятся развлечения и богатство. И мы, археологи советской школы, не вписываемся в это общество. Вообще я считаю огромной удачей, что оказался в археологии. Она позволила мне быть независимым и инициативным.

Наверное, хорошо, что мы со Светланой Яковлевной начали работать на периферии, в Петропавловске, а не в столице. Когда я пришёл в археологию, у меня за спиной был багаж хорошего технического образования: кинотехникум, два курса мехфака сельскохозяйственного института. Это позволяло в археологии работать сразу на хорошем техническом уровне. У меня был опыт, оказавшийся бесценным в археологии.

Современную технику я не знаю — но, наверное, это протест против техники, в которую я не могу «залезть». Я ремонтировал машины, телевизоры, мне близок прошедший век в его системе общения человека с вещью. И мне близка древность именно в этом отношении — изготовление вещей собственными руками.

Я воспитывался у деда-крестьянина: глинобитные полы, традиционное сельское хозяйство, даже мыло мы и то варили сами. Я прожил начало своей жизни в традиционном обществе. Именно с этим, наверное, связано то, что я не могу принять так называемый постмодерн, эту окружающую нас постсовременность.

Я убеждён, что археология очень много даёт для понимания мира. И в современном мире я соучаствую через древность. Поэтому я всегда себя легко тратил и раздаривал. Но пришли другие времена. У меня возникает ощущение, что мы вошли в такое состояние мира, в котором древность не нужна.

Я оказался человеком одной темы, а может быть, и одного памятника. Это произошло не сразу. В Уральском государственном университете я писал диплом по раннему железному веку. Впоследствии эту тему продолжили М. К. Хабдулина и А. А. Рубе, а вслед за ними — и А. Д. Таиров, который первоначально занимался каменным веком. Приехав в Петропавловск, я планировал работать, в первую очередь, по раннему железному веку — но первые памятники, которые мы начали всерьёз исследовать, принадлежали эпохе бронзы.

Конечно, Северный Казахстан в те годы был фактически белым пятном на археологической карте нашей страны, и мы изучали все эпохи. В значительной мере именно на базе изучения казахстанских материалов и выросла челябинская археологическая школа.

Нашими первыми памятниками в Северном Казахстане стали могильник у села Петровка и поселение Петровка II. В то время степь всё ещё продолжали считать неким проходным коридором — и вдруг мы со Светланой оказались на стационарных поселениях и вскоре выделили петровскую культуру. Её утверждение вначале было очень сложным, эту культуру не признавали. Однако впоследствии стало ясно, что именно изучение петровской культуры позволяет поставить «с головы на ноги» всю хронологию степной эпохи бронзы.

Чуть позже, в начале 1970-х годов, В. Ф. Генинг начал свои работы на Синташтинском комплексе памятников. И если первоначально он достаточно скептически отнёсся к выделению петровской культуры, то в дальнейшем, на фоне материалов Синташты, отбросил этот скептицизм. Мы начали осваивать проблему взаимосвязи «синташты» и «петровки».

Однако вскоре у меня возникло ощущение, что количество материала у нас всё более увеличивается, а вот на его понимании это практически не сказывается. Какое-то время казалось, что нас спасёт математическая статистика. Потом — что принципиальный прорыв позволят сделать естественнонаучные методы. Но всё это, к сожалению, не стало панацеей — хотя каждый из этих методов что-то давал для наших исследований. Мне кажется, что сейчас нам очень не хватает философского подхода — для того, чтобы увидеть древнего

человека. Мы можем разобраться в материальной культуре только тогда, когда мы увидим за ней смыслы. В большинстве современных предметов никакого смысла нет — это просто вещи, которыми можно пользоваться.

Большим событием для нас со Светланой Яковлевной и всей экспедиционной молодёжи было исследование Саргары — поселения заключительного этапа бронзового века. Это была вершина!

После Петровки и Саргары, уже переехав в Караганду, мы продолжали вести исследования в Северном Казахстане — потому что было ощущение незавершённости. Потом мы переехали в Челябинск. И здесь вначале мне приходилось исследовать памятники, не относящиеся к эпохе бронзы. Я чувствовал безвременье. Я всё равно где-то на уровне подсознания весь был в «синташте» и «петровке».

Очень важный толчок к дальнейшим исследованиям снова дала Синташта. «Водохранилища» должны были повысить уровень водохранилища, и мы выехали на Синташту в 1983 году, через десять лет после УрГУ, после начала работ на этом уже широко известном в науке комплексе. Мы заложили раскоп в одном метре от старого раскопа Пряхина и оказались на оборонительной стене. Это было совершенно неожиданно, никто не предполагал, что на синташтинском поселении основным является ранний слой. Все раскопы до этого были заложены на видимых на местности поздних впадинах — а мы заложили раскоп на абсолютно ровном месте, и именно наши работы поставили Синташту в ряд ключевых археологических памятников Евразии, поскольку позволили увязать в единую систему могильник и поселение. А потом последовало открытие Аркаима.

Так я оказался человеком одной исторической эпохи — очень кратковременной эпохи культурного взрыва, «свидетелем» одного из звёздных часов человечества. Открытие этой эпохи произвело взрыв во всей археологии степного пространства. Аркаимская тема становится ключевой для понимания и предшествующих, и последующих эпох. Время Синташты и Аркаима было временем торжества мифологического мышления, сконцентрировавшего в себе огромное культурное пространство. В информационном плане эту культуру можно уверенно сопоставить с Древней Грецией, для Евразийского пространства Аркаим стал центром глобальной генерации смыслов.

Вопрос: Чем является для Вас Аркаим, как Вы оцениваете опыт исследования этого памятника?

Г. Б. Зданович: В последние десятилетия Синташта и Аркаим стали ключевым моментом для понимания эпохи бронзы Евразийского степного пространства. Усилился интерес к сопоставлению «синташты», культуры многоваликовой керамики, катакомбной культуры, абашевской культуры, а также к значению «синташты» в возникновении великих культур позднего бронзового века, в формировании срубно-алакульской общности. Изучение синташтинских и петровских памятников имело принципиальное значение для понимания хронологического горизонта, предшествующего срубно-алакулю.

Принципиально новой здесь является территориальная составляющая. Когда речь идёт об археологической культуре, территориальные признаки преподносятся как очевидные и основополагающие. Однако это теоретическая посылка. Археологические культуры бронзового

века степной и лесостепной Евразии, как правило, занимают огромные территории протяжённостью в тысячи километров. Коллективы древних людей со схожими чертами материальной культуры успешно осваивают разные ландшафты — достаточно назвать ямную культуру, которая распространена практически во всех ландшафтных зонах, катакомбную культуру, абашевскую, фёдоровскую и так далее. Границы между культурами размыты, они глубоко взаимопроникают друг в друга. Мы видим, что носители срубных традиций из наших степей проникают глубоко в таёжные массивы — туда, где есть хотя бы маленькие степные пространства. В Средней Азии степные культуры распространяются вплоть до Пянджа, на всех территориях классических земледельческих оазисов мы видим степную керамику.

При изучении таких огромных культурных общностей невозможно приблизиться к пониманию информационных систем, функционирующих в одной культуре и в межкультурных пространствах. Исключена верная оценка демографических событий. Большинство факторов, связанных с территориальной составляющей, при научном анализе или не работают, или восстанавливаются весьма умозрительно. В этом плане синташтинская «Страна городов» является уникальным объектом для системного анализа территории культуры. А именно территория является основным системообразующим фактором для всякой культуры. Мы видим здесь на чётко очерченной территории культуру с определённым набором признаков: это укреплённые поселения, сопутствующие им могильники, рудники, производственные площадки и т. д.

Укреплённые поселения синташтинского типа известны только на территории Южного Зауралья. Пространство протяжённостью около 350 километров структурировано системой укреплённых центров. Изучая эту систему, мы получили возможность делать корректные демографические выводы, возможность представить всю территорию с точки зрения ресурсов — биоресурсов, минерально-сырьевой базы и т. д. Мы получили возможность представить, как в реальности функционировало древнее общество.

В архитектуре и планиграфии поселений «Страны городов», в географических особенностях выбора мест для создания укреплённых центров мы видим, как древнее население этой культуры настойчиво воплощало мифологическую модель соединения Неба и Земли. Эта мифологическая система реализована в «Стране городов» до деталей. При этом сакрализировывались не только внутреннее пространство городища, но и вся окружающая территория. Это прослеживается и в обязательном наличии «горы» рядом с поселением, и в «островном» положении данных объектов. В древности городище Аркаим со всех сторон омывалось водой, сейчас это происходит только во время паводка. Обратите внимание на фотографию Аландского — это тоже классика островного положения укреплённого центра. На поселении Сарым-Саклы, которое расположено на мысу, был вырыт ров, специально замыкавший водное пространство вокруг его стен. Конечно, всё это примеры сакрализации пространства. Мы постоянно ощущаем здесь единство космоса и человека. Этот универсальный космизм мышления утрачен нами к настоящему времени.

Я убеждён, что без возврата к космическому мышлению, к осознанию нашей ответственности за Землю и за всю Вселенную, человеку нечего делать на Земле. Предотвратить экологическую катастрофу возможно только через изменение внутренней культуры человека. А это требует возврата к древнему космическому мышлению. Мы должны вновь осознать ответственность человека перед Вселенной.

Вопрос: *На чём строится Ваша убеждённость в сакральном характере архитектуры синташтинских поселений?*

Г. Б. Зданович: Давайте обратимся к материалам укреплённых центров «Страны городов». Все эти поселения сооружены по заранее намеченному плану. Этот план был нанесен на земную поверхность, были вырыты котлованы жилищ — и при этом оставлены цоколи или фундаменты высотой 40–50 см, размечены хозяйственные ямы, очаги и т. д. Никакой возможности развития поселения строители не предусматривали.

При этом никаких выселок около поселений с круглой планировкой нет. Если рядом с прямоугольными поселениями есть подолы — неукреплённые поселения около крепостных стен, то вблизи круглых поселений никаких подолов нет, пространство вокруг них должно было быть свободным.

В результате пожаров, перевыпасов и других катастроф люди оставляли эти поселения. По прошествии какого-то времени через два, три поколения они возвращались. Они отыскивали старые фундаменты стен. Как сейчас храмы строятся на древних фундаментах когда-то разрушенных храмов, так и здесь, непосредственно на том же фундаменте строился новый дом. Люди замешивали

новые блоки с использованием глины, прокалённой в огне предыдущего пожара, и строили из них стены на том же основании, что и раньше. На Аландском мы прослеживали до трёх таких восстаний. Строители отыскивали те же самые очаги, те же колодцы — и делали новые колодцы внутри старых, а это намного сложнее, чем построить всё заново. Перед нами яркое подтверждение глубокой ритуализации внутрипоселенческого пространства.

Следующий момент касается характеристик культурного слоя. На поселениях позднего бронзового века мы находим огромное количество культурных остатков. Культурные слои достигают метровой толщины, они свидетельствуют о длительной жизни людей. На Аркаиме и других синташтинских памятниках нет ничего подобного. Культурных остатков на них многократно меньше. Это объясняется тем, что синташтинские центры представляют собой сакральное пространство — здесь тщательно убирается весь мусор.

Аналогичную картину мы наблюдаем по материалам раскопок в Трое. Ранние слои здесь дают огромное множество бытовых остатков. Но в Трое VI-а нет ни одной соринки. Это 1900–1800-е годы до нашей эры — время Аркаима, и ситуация с культурными слоями полностью совпадает с Аркаимом — это ритуальная чистота.

Я уверен, что ранние пласты Ригведы и Авесты создавались на нашей территории. Здесь мы опирались на исследования Т. Я. Елизаренковой. Вероятно, многие понятия Ригведы и Авесты можно понять только через культуру Аркаима. Так, в Ригведе нет ни одного понятия о доме в единственном числе. Понятие «дом» всегда употребляется во множественном числе. Когда описывается

возвращение ариев в своё жилище — никогда слово «жилище» не употребляется в единственном числе, они возвращаются в жилища. Можно привести и многие другие примеры.

Памятники «Страны городов», безусловно, представляют нам вспышку высокой духовной культуры. Здесь сакральными были не только вещи — сакрализировалось всё окружающее пространство. И, вероятно, спланировано было не только каждое поселение — спланирована была вся «Страна городов».

В советское время хотя археология и признавалась исторической наукой, мы всё-таки были вещеведами. Мы до сих пор продолжаем бояться интерпретаций. Но ещё Ницше говорил: «Фактов нет. Существуют только интерпретации». Аркаим для меня — это время, когда человек живет в мифе и в мире, а не вовне его. Если до Аркаима я был погружён именно в изучение прошлого, то открытия Аркаима и «Страна городов» — это для меня уже открытие будущего. Это принципиально другой уровень интерпретации материала, другой уровень постижения древности. К сожалению, именно здесь мы и сталкиваемся с отсутствием подлинной базы — в том числе и методологической. Современные методы исследований сделали археологию очень финансовоёмкой, она требует теперь финансирования на уровне ведущих фундаментальных наук.

Россия представляет собой многомерное, разноландшафтное и многонациональное пространство. За многие тысячелетия общей истории здесь сформировались непреходящие ценности совместного евразийского бытия. Без археологии мы никогда не сможем увидеть и понять те корни, которые всех нас объединяют.

Многие специалисты видят в археологии только систематизацию и классификацию. Думаю, что любая наука должна уметь выходить за пределы своего научного аппарата. Пользуясь этим

аппаратом, мы обязаны понимать, что самая суть нашей науки должна иметь статус общечеловеческого знания.

Интервью взял Ф. Н. Петров

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Г. Б. ЗДАНОВИЧА. 45 ЛЕТ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: 1964–2008 гг.

От составителей

Указатель содержит описания 177 печатных материалов, опубликованных Г. Б. Здановичем в период с 1964 по 2008 г. Научные публикации представлены с возможно более полным охватом материала, литература научно-популярного характера учтена ограниченно, лишь в тех случаях, когда она имеет, на взгляд составителей, самостоятельное научное значение.

Указатель состоит из трёх разделов: 1) монографии, 2) статьи, сообщения, тезисы выступлений, 3) основные научно-популярные публикации. Внутри каждого раздела библиографические описания расположены в порядке прямой хронологии, в разделе 2 внутри каждого года — в алфавитном порядке заглавий. Все публикации были обследованы *de visu*. Вспомогательный справочный аппарат состоит из указателя археологических памятников и указателя соавторов.

В. А. Волгин, Д. Г. Зданович

1. Монографии

1. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович ; науч. ред. М. Ф. Косарев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с. Библиогр.: с. 172–177.

2. Синташта : археолог. памятники арийских племён Урало-Казахст. степей : в 2 ч. / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг ; отв. науч. ред. В. И. Матющенко ; УрО РАН, Челяб. гос. ун-т. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с. [32] л. цв. ил.: ил.

3. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район Челябинской области / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина, Н. В. Левит, С. А. Батанин ; науч. ред. С. Я. Зданович ; макет, оформление А. Н. Конюхов ; Администрация Челяб. обл., Специализир.

природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим», Челяб. гос. ун-т, Ин-т истории и археологии УрО РАН. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 240 с.: ил. Библиогр.: с. 232–235. (Тр. музея-заповедника «Аркаим»).

4. Аркаим — «Страна городов» : Про странство и образы. (Аркаим : горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина ; науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск : Крокус : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.: ил. Библиогр.: с. 193–198.

5. Эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена / Л. Н. Плеханова, В. А. Демкин, Г. Б. Зданович ; отв. ред. О. И. Худяков ; Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. М. : Наука, 2007. 236 с.: ил. Библиогр.: с. 210–228.

2. Статьи, сообщения, тезисы выступлений

1964

6. Находки из кургана на р. Куртамыш / Г. Б. Зданович // *Вопр. археологии Урала*. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 86–93.

1967

7. Лихачёвское городище на р. Ишим / Г. Б. Зданович // V Уральское археологическое совещание : тез. докл. и сообщ. Сыктывкар, 1967. С. 136–137.

1968

8. Археологические работы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 320-321.

1969

9. Покровский могильник на реке Ишим / Г. Б. Зданович // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / АН Казахской ССР. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 69-70.

10. Работы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 404-406.

1970

11. Археологические исследования в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 392-393.

12. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 147-153.

1971

13. Работы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 404-407.

1972

14. Работы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 496-497.

1973

15. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области / Г. Б. Зданович // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 21-43.

16. Об антропоморфном изображении из Прииртышья / Г. Б. Зданович, В. И. Мошинская // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 199-202.

17. Поселение Явленка 1 — памятник эпохи бронзы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7. С. 40-52.

18. Работы в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт, Т. А. Бойко, М. К. Хабдулина // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 447-449.

19. Стратиграфия поселения Новоникольское I / Г. Б. Зданович // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 113-127.

1974

20. Исследования в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт, М. К. Хабдулина // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 469-470.

21. К вопросу о происхождении культур развитой бронзы Северного Казахстана / Г. Б. Зданович // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974. С. 296-301.

22. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции / Г. Б. Зданович // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 59-61.

23. Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV / В. Ф. Зайберт, Г. Б. Зданович // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 71-75.

24. Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (раскопки 1970 г.) / Г. Б. Зданович // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 61-68.

1975

25. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. Б. Зданович. М., 1975. 21 с.

26. Раскопки могильника Кенес / Г. Б. Зданович, М. К. Хабдулина // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 486-488.

1976

27. Некоторые материалы по архитектуре развитой бронзы Среднего Прииртышья / Г. Б. Зданович // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 121-129.

28. Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана / Г. Б. Зданович, М. К. Хабдулина // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 95-96.

29. Работы в Целиноградской области / С. Я. Зданович, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютин, М. К. Хабдулина // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 520–521.

30. Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес / Г. Б. Зданович // Вопросы истории языка и литературы. Караганда, 1976. Вып. 3. С. 153–162.

1977

31. Племена Северного и Западного Казахстана в эпоху бронзы / Г. Б. Зданович // История Казахской ССР : в 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1. Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. С. 148–161.

1978

32. Поселение Новоникольское I / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютин, В. Ф. Зайберт // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 513–514.

1979

33. Археологические памятники Среднего Приишмья / Е. А. Бекишева, Т. А. Бойко, Г. Б. Зданович, М. К. Хабдулина // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 529–530.

34. Могильник Приплодный Лог I / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютин, О. И. Мартынюк // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 171–172.

35. Первый могильник петровского типа на Южном Урале / Н. Б. Виноградов, Г. Б. Зданович // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 161–162.

1980

36. Изменение полигональности чернозёмов Северного Казахстана в позднем голоцене / И. В. Иванов, М. М. Афонин, Г. Б. Зданович // Прогноз изменения криогенных почв под влиянием хозяйственного освоения территории : тез. докл. Всесоюз. конф. Пушино, 1980. С. 67–70.

37. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка / Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович // Сов. археология. 1980. № 3. С. 183–193.

38. Погребальные комплексы Среднего Приишмья / Г. Б. Зданович // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 433–434.

39. Исследование Кулевчинского комплекса эпохи бронзы / Н. Б. Виноградов, Г. Б. Зданович // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 137–138.

1981

40. Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья / Г. Б. Зданович, А. А. Плешаков // Сов. археология. 1981. № 3. С. 258–261.

41. Новый петровский могильник на Ишиме / Г. Б. Зданович // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 436.

1983

42. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) / Г. Б. Зданович // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 147–148.

43. Работы в Челябинской области / Г. Б. Зданович, А. Д. Таиров // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 147–148.

1984

44. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве / Г. Б. Зданович // Краткие сообщения Института археологии АН СССР : Палеолит и бронза на территории СССР. М., 1984. Вып. 177. С. 29–37.

45. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане / М. К. Хабдулина, Г. Б. Зданович // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья : межвуз. сб. Челябинск, 1984. С. 136–158.

46. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) / Г. Б. Зданович, И. В. Иванов, М. К. Хабдулина // Сов. археология. 1984. № 4. С. 35–48.

47. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья : межвуз. сб. Челябинск, 1984. С. 3–23.

48. Почвенно-археологические исследования в Северном Казахстане / Г. Б. Зданович, В. Ф. Зайберт, И. В. Иванов // История

развития почв СССР в голоцене : тез. докл. Всесоюз. конф., Пущино, 4–7 дек. 1984 г. Пущино, 1984. С. 52–54.

1985

49. Древности Челябинской земли : культурно-хронологические проблемы / Г. Б. Зданович // Тезисы IX итоговой научной конференции Челябинского государственного университета. Секция гуманитарных наук. Челябинск, 1985. С. 29.

50. Оборонительные сооружения поселения Синташта / Г. Б. Зданович, В. В. Геннинг // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 147–148.

51. Оборонительные укрепления эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович, В. В. Геннинг // Достижения советской археологии в XI пятилетке : тез. докл. Всесоюз. археолог. конф. Баку, 1985. С. 151–152.

52. Щитковые псалии среднего Приишимья / Г. Б. Зданович // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 110–119.

1986

53. Современные методы исследования исторических процессов / Г. Б. Зданович // Тезисы X итоговой научной конференции. Секция гуманитарных наук. Челябинск, 1986. С. 40.

54. Щитковые псалии из среднего Приишимья / Г. Б. Зданович // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1986. Вып. 185. С. 60–65.

1987

55. Десять лет работы Урало-Казахстанской археологической экспедиции (УКАЭ). Итоги. Перспективы // Тезисы XI итоговой научной конференции. Секция гуманитарных наук. Челябинск, 1987. С. 36.

56. Древнейшее поселение городского типа на Южном Урале / Г. Б. Зданович // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска : тез. докл. Челябинск, 1987. С. 5–6.

57. Курган Темир / Г. Б. Зданович, М. К. Хабдулина // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 45–65.

1988

58. Переходные эпохи в археологии : аспекты исследования (На материалах СКАЭ–УКАЭ) / Г. Б. Зданович, В. К. Шрейбер // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 3–19.

59. Раннегородская культура степной Евразии / Г. Б. Зданович // Наука в ускорении социально-экономического развития : тез. докл. / Челяб. ун-т. Челябинск, 1988. С. 66.

1989

60. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-Казахстанских степях / Г. Б. Зданович, В. Ф. Зайберт // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 82–97.

61. Протогородская культура бронзового века Зауралья как составная часть «Степной цивилизации» Евразии / Г. Б. Зданович // Проблемы археологии скифо-сибирского мира : (социальная структура и общественные отношения) : тез. всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 148–150.

62. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность / Г. Б. Зданович // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций : сб. тр. Алма-Ата, 1989. С. 179–189.

1990

63. Переходные эпохи в археологии : к методике исследования / Г. Б. Зданович, В. К. Шрейбер // Археологические культуры и культурные трансформации : материалы методолог. семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990. С. 88–93.

1991

64. Аркаимские этюды / Г. Б. Зданович // Музей и художественная культура Урала : сб. докл. науч.-практ. конф. Челябинск, 1991. С. 3–13.

65. Бронзовая скульптура с реки Кумляк / Г. Б. Зданович, В. П. Кандалов // Музей и художественная культура Урала : сб. докл. науч.-практ. конф. / Челяб. обл. карт. галерея. Челябинск, 1991. С. 106–111.

1992

66. Архитектура поселения Аркаим / Г. Б. Зданович // Маргулановские чтения – 1990 : сб. материалов конф. М., 1992. Ч. 1. С. 79–84. Ил.: с. 242–243.

67. Заповедник «Аркаим» — перспективы исследования / Г. Б. Зданович, Л. Л. Гайдученко // Маргулановские чтения : тезисы. Петропавловск, 1992. С. 84–86.

1995

68. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 100–106.

69. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал) / В. В. Зайков, Г. Б. Зданович, А. М. Юминов // Россия и Восток : проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 2. С. 157–162.

70. Проблемы экологического образования / Г. Б. Зданович, С. Г. Агеев // Социоестественная история: генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 4. Генетические коды цивилизаций : материалы третьей науч. конф. «Человек и природа — проблемы социоестественной истории». (Респ. Крым, г. Феодосия, сент. 1994 г.). М., 1995. С. 155–158.

71. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (Опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 48–62.

72. Эколого-образовательный полигон — Аркаим / Л. Л. Гайдученко, Г. Б. Зданович, В. Н. Фуксман, О. Ю. Цитцер // Вместе со всей планетой : науч.-практ. рекоменд. по эколого-образоват. работе за рамками стандарт. учеб. программ. Пушино, 1995. С. 89–96.

73. Environments of the Bronze Age in the South Urals / G. B. Zdanovich, E. A. Spiridonova, Yu. A. Lavrushin // International union for quaternary research XIV International congress : Abstracts (Berlin, 3–10 aug. 1995). Berlin, 1995. P. 310–311.

1996

74. Абашевская культура и синташтинский очаг культуругенеза / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии : тез. докл. междунар. конф. Тамбов, 1996. С. 60–61.

75. Аркаим / Г. Б. Зданович // Башкортостан : кр. энцикл. Уфа, 1996. С. 124–125.

76. Аркаим в контексте современности / Г. Б. Зданович // Культура, искусство и информатизация на рубеже третьего тысячелетия (Ку Ис Инфо – 96): Первый Уральский форум : сб. докл. Челябинск, 1996. Вып. 1. С. 33–35.

77. Археoaстрономические исследования на городище Аркаим (эпоха бронзы) / А. К. Кириллов, Г. Б. Зданович // Археoaстрономия: проблемы становления : тез. докл. междунар. конф., Москва, 15–18 сент. 1996 г. М., 1996. С. 69–71.

78. Мониторинг археологических памятников и проблемы сохранения культурно-исторического наследия на юге Челябинской области / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии : тез. докл. конф., Самара, 18–20 дек. 1996 г. Самара, 1996. С. 16–19.

79. Музей-заповедник «Аркаим» и проблема устойчивого развития юга Челябинской области / С. Г. Агеев, Г. Б. Зданович, Л. Л. Гайдученко // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии : тез. докл. конф., Самара, 18–20 дек. 1996 г. Самара, 1996. С. 19–21.

80. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) / С. Г. Боталов, С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала : тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1996. С. 64–88.

81. Синташта / Г. Б. Зданович, В. Ф. Геннинг, Г. Б. Зданович // Башкортостан : кр. энцикл. Уфа, 1996. С. 527–528.

1997

82. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья / Г. Б. Зданович // Рос. археология. 1997. № 2. С. 47–62.

83. Заповедник «Аркаим» и становление региональной политики в области культурного и природного наследия / Г. Б. Зданович // Проблемы изучения, сохранения и использования природного и историко-культурного наследия Оренбургской области. Оренбург, 1997. С. 60–64.

84. Медные рудники бронзового века в зауральской степи / В. В. Зайков, Г. Б. Зданович, А. М. Юминов, А. Ф. Бушмакин // Степи Евразии: сохранение природного разнообразия и мониторинг состояния экосистем : материалы междунар. симп. Оренбург, 1997. С. 18–19.

85. Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим / Г. Б. Зданович, В. И. Мордвинцева, А. Д. Таиров // Рос. археология. 1997. № 4. С. 176–80.

1998

86. Музей-заповедник «Аркаим» — научный и просветительный центр Южного Урала / Г. Б. Зданович // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей : материалы междунар. науч. сем., посвящ. году народ. Единства и нац. истории Казахстана. Лисаковск, 1998. С. 11–18.

1999

87. Гармонизация пространства Страны городов / Г. Б. Зданович // XIV Уральское археологическое совещание, 21–24 апр. 1999 г. : тез. докл. Челябинск, 1999. С. 76–78.

88. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала / В. В. Зайков, А. Ф. Бушмакин, А. М. Юминов, Е. В. Зайкова, Г. Б. Зданович, А. Д. Таиров // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тысячелетии до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к междунар. конф., 25 авг.— 2 сент. 1999 г. Челябинск, 1999. С. 313–317. Текст на рус. и англ. яз.

89. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала : задачи, результаты, перспективы / В. В. Зайков, А. Ф. Бушмакин, А. М. Юминов,

Е. В. Зайкова, Г. Б. Зданович, А. Д. Таиров // Уральский минералогический вестник. Миасс, 1999. Вып. 9. С. 186–205.

90. Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тысячелетии до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к междунар. конф., 25 авг.— 2 сент. 1999 г. Челябинск, 1999. С. 210–213. Текст на рус. и англ. яз.

91. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / Г. Б. Зданович // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тысячелетии до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы к междунар. конф., 25 авг.— 2 сент. 1999 г. Челябинск, 1999. С. 42–45. Текст на рус. и англ. яз.

92. Geoarcheological research into the historical relics of the South Urals: problems, results, prospects / V. V. Zaykov, A. Ph. Bushmakina, A. M. Yuminov, E. V. Zaykova, G. B. Zdanovich, A. D. Tairov, R. J. Herrington // Geoarcheology: exploration, environments, resources. London, 1999. P. 165–176.

93. Arkaim archaeological park: a cultural-ecological reserve in Russia / G. B. Zdanovich // The constructed past: Experimental archaeology, education and the public. London ; N. Y., 1999. P. 283–291.

2000

94. Синташта / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 489. Ил.: с. 42.

95. Воровская Яма — новый рудник бронзового века на Южном Урале / В. В. Зайков, Г. Б. Зданович, А. М. Юминов // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2000. С. 112–129.

96. Аркаим / Г. Б. Зданович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 27. Ил.: с. 41.

97. Петровская культура / Г. Б. Зданович // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 420–421.

98. The «Country of towns» of South Trans-Urals and some aspects of steppe assimilation in the Bronze Age / G. B. Zdanovich // Late Prehistoric exploration of the Eurasian steppe. Cambridge, 2000. Vol. 2. P. 379–396. [препринт]

2001

99. «Аркаим» / Г. Б. Зданович // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 49.

100. Поселение Берсуат / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 74–75.

101. Сохранение культурного наследия Челябинской области и задачи регионального законодательства / Г. Б. Зданович, И. А. Кочкина // Материалы депутатских слушаний по вопросам развития культуры и искусства в Челябинской области. (20 окт. 1999 г.). Челябинск, 2001. С. 53–56.

102. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / Г. Б. Зданович // Авеста и мировая цивилизация : тез. докл. междунар. симп. (Душанбе, 4–5 сент. 2001 г.). Душанбе, 2001. С. 127–130. Текст на тадж. яз. : с. 36–39; на англ. яз. : с. 165–168.

2002

103. Аркаим в контексте общерусской национальной идеи / Г. Б. Зданович // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002. – С. 32–34.

104. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур. География и хронология / Г. Б. Зданович // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 118–130.

105. «Страна городов» Южного Зауралья и некоторые аспекты освоения степей в эпоху бронзы / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Stratum plus. 2001–2002. № 2. С. 486–502.

106. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 – археология / Г. Б. Зданович ; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2002. 55 с.

107. Опыт типологии керамики укрепленного поселения Аркаим на фоне историко-культурного развития степных культур эпохи средней бронзы / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002. С. 63–69.

108. Ancient copper mines and products from base and noble metals in the Southern Urals / V. V. Zaykov, A. M. Yuminov, A. Ph. Bushmakina, E. V. Zaykova, A. D. Tairov, G. B. Zdanovich // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. Washington D.C., 2002. Vol. I. P. 417–442.

109. Planography of the fortified centers of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals according to aerial photography data / G. B. Zdanovich, I. M. Batanina // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. Washington D.C., 2002. Vol. I. P. 121–138.

110. Southern Trans Urals region in the Middle Bronze Age / G. B. Zdanovich, D. G. Zdanovich // Workshop 7. Archäologie und Computer. 20–22 November 2002. Eine Zusammenarbeit von Forschungsgesellschaft Wiener Stadtarchäologie, Magistrat der Stadt Wien. Geschäftsgruppe Kultur und Wissenschaft — Stadtarchäologie, Magistratsabteilung 14 — Automationsunterstützte elektronische Datenverarbeitung, Informations — und Kommunikationstechnologie [ADV]. [Vienna], 2002. P. 38.

111. The «Country of Towns» of Southern Trans-Urals and some aspects of steppe assimilation in the Bronze Age / G. B. Zdanovich, D. G. Zdanovich // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Cambridge, 2002. P. 249–263.

2003

112. Андреевское укрепленное поселение, археол. памятник / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 128.

113. Аркаим, археол. комплекс / Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 175.

114. Аркаим, музей-заповедник / Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 175–176.

115. «Аркаим», науч. учреждение, Специализир. природно-ландшафт. и историко-археолог. центр / Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 176.

116. Берсуат, археол. памятники / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 369.

117. Воровская яма, рудник эпохи бронз. века, археол. памятник / В. В. Зайков, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 717.

118. Индустриальные и интеллектуальные следствия горнодобывающей деятельности на Урале: от протоцивилизации до ноосферы / В. В. Зайков, А. М. Юминов, Г. Б. Зданович // «Творча спадина В. І. Вернадського і сучасність»: «Вернадські читання»: доповіді і повідомлення 3-ї міжнарод. наук. конф., Донецьк, 22–24 травня 2003 р. Донецьк, 2003. С. 134–136.

119. Керамика укрепленного поселения Аркаим / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода : сб. науч. тр. Челябинск, 2003. С. 99–131.

120. Музей-заповедник «Аркаим» : проблемы культурного и природного наследия / Г. Б. Зданович // Природное и культурное наследие Урала : материалы I регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 5–7.

121. Путеводитель Южно-Уральской геологической экскурсии / И. Б. Серавкин, А. М. Косарев, В. В. Зайков, Г. Б. Зданович и др. / Екатеринбург : ИГиГ УрО РАН, 2003. 50 с.

122. Укрепленное поселение Аландское / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. М. : ГИМ, 2003. Ч. I. С. 142–144.

123. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Степная цивилизация Вос-

точной Евразии. Астана, 2003. Т. 1. Древние эпохи. С. 72–87.

124. The composition of gold and silver artifacts from the southern Urals / V. V. Zaykov, A. M. Yuminov, G. B. Zdanovich, A. D. Tairov // Mineral exploration and Sustainable Development. Rotterdam, 2003. P. 1051–1054.

2004

125. Археология средней бронзы Южного Урала в системе охраны природного и культурного наследия / Г. Б. Зданович // Заповедное дело : проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем : материалы междунар. конф., посв. 15-летию гос. заповедника «Оренбургский». Оренбург, 2004. С. 46–47.

126. Керамика Аркаима: опыт типологии / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2004. № 4. С. 67–82.

127. Культурные слои археологических поселений эпохи бронзы и их участие в формировании почв Аркаимской долины / Л. Н. Плеханова, Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Ломоносов-2004 : тез. докл. XI междунар. конф. студентов и аспирантов по фундамент. наукам, секция «Почвоведение». (Москва, 12–15 апр. 2004 г.). М., 2004. С. 122–123.

128. Музей-заповедник Аркаим в контексте современности / Г. Б. Зданович // Металлогения древних и современных океанов – 2004. Достижения на рубеже веков. Миасс, 2004. Т. II. Месторождения благородных металлов, проблемы минералого-геохимических исследований. С. 290–292.

129. О поиске рационального в научном мировоззрении и мифологии в охране природной среды (к постановке проблемы) / Г. Б. Зданович // Заповедное дело : проблемы охраны и экологической реставрации степных экосистем : материалы междунар. конф., посв. 15-летию гос. заповедника «Оренбургский». Оренбург, 2004. С. 103–104.

130. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (К проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Этнические взаимодействия

ствия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 56–61. Библиогр.: с. 215–232.

131. The experiment in applying 3D technology of magnetic fields interpretation at the archaeological site «Arkaim» / V. Kochnev, G. Zdanovich, B. Punegov // The E-way into the four dimensions of cultural heritage. CAA 2003. Computer applications and quantitative methods in archaeology. Proceedings of the 31st Conference, Vienna, Austria, April 2003. Vienna, 2004. P. 64–68. (Bar International Series 1227).

2005

132. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале / В. В. Зайков, А. М. Юминов, А. Ю. Дунаев, Г. Б. Зданович С. А. Григорьев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 101–115.

133. Керамика Аркаима: сравнительный анализ / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Рос. археология. 2005. № 2. С. 20–31.

134. Крепость в археологии бронзового века Южного Урала и в поэтической традиции Авесты и Ригведы / Г. Б. Зданович // Авестийская астрология — открытие Эры Водолея. М., 2005. С. 35–51.

135. Минеральные индикаторы медных руд для древней металлургии Южного Урала / В. В. Зайков, А. Ю. Дунаев, С. А. Григорьев, А. М. Юминов, Г. Б. Зданович // Археоминералогия и ранняя история минералогии : материалы Междунар. семинара / Ин-т Коми НЦ Уро РАН. Сыктывкар, 2005. С. 129–130.

136. Опыт применения 3D-технологий интерпретации магнитных полей на археологическом объекте «Аркаим» / В. А. Кочнев, И. В. Гоз, Г. Б. Зданович // Инженерная геофизика – 2005 : тез. междунар. науч.-практ. конф., Геленжик, 27 марта — 2 апр. 2005 г. [М.], 2005. С. 163–167.

137. Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Зауралья / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Археология Урала и Западной Сибири : сб. науч. тр. к 80-летию со дня рожд. В. Ф. Генинга. Екатеринбург, 2005. С. 110–128.

2006

138. Единство культурного и природного наследия степного Зауралья / Г. Б. Зданович // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям : тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2006. С. 3–5.

139. Историко-географическое и культурное пространство «Страны городов». К формированию мировоззренческого (археoaстрономического) кода / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина, Т. С. Малютина // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала : тез. докл. полевого семинара. Челябинск, 2006. С. 7–11. Библиогр.: с. 42–47.

140. Методика исследований медных рудников бронзового века / А. М. Юминов, В. В. Зайков, А. Ю. Дунаев, Г. Б. Зданович // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана : материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф., г. Уфа, март 2006 г. Уфа, 2006. С. 212–214.

141. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV / Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк, Т. С. Малютина // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 41–47.

142. Поселение Берсуат XVIII / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, Л. Ю. Петрова // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 153–172. Гл. 2. Эпоха бронзы. Библиогр.: с. 483–518. (Сер. «Этногенез уральских народов»).

143. Сарым-Саклы, укрепл. поселение, археол. памятник / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 5. С. 752.

144. Синташта, комплекс археол. памятников / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 6. С. 45–46.

145. Синташта 2 / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 6. С. 46.

146. Современное состояние исследований / С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 85–88. Гл. 2. Эпоха бронзы. Библиогр.:

с. 483–518. (Сер. «Этногенез уральских народов»).

147. Степное, культовый комплекс, археол. памятник / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 6. С. 279.

148. «Страна городов», культ.-ист. территория / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 6. С. 291–292.

2007

149. Аркаим — «Страна городов»: планировка и смысл укрепленного центра / Г. Б. Зданович // Проблемы устойчивого развития городов : сб. ст. участников IV Междунар. науч.-практ. конф. Миасс, 2007. Т. II. С. 18–21.

150. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина, Д. Г. Зданович // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потёмкиной). Курган, 2007. С. 103–108.

151. Племена бронзового века / Г. Б. Зданович, В. С. Горбунов, Н. А. Мажитов // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан / гл. ред. А. И. Акманов. М., 2007. С. 20–55.

152. Чекатай, культовый комплекс, археол. памятник / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2007. Т. 7. С. 143.

3. Основные научно-популярные публикации

157. Синташта — перекрёсток истории / Г. Б. Зданович // Рифей, 1987 : Урал. краевед. сб. Челябинск, 1987. С. 148–160.

158. На пути к цивилизации / Г. Б. Зданович // Наука Урала. 1988. 1 янв. С. 4.

159. За две тысячи лет до Трои / Г. Б. Зданович // Вокруг света. 1989. № 3. С. 36–41.

160. Аркаим / Г. Б. Зданович // Рифей, 1990 : Урал. краевед. сб. Челябинск, 1990. С. 229–243.

161. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? / Г. Б. Зданович // Фантастика и наука (Гипотезы. Прогно-

2008

153. Аркаим как научный и культурный феномен XX–XXI вв. / Г. Б. Зданович // Археология в современной культуре России (региональные аспекты): круглый стол, п. Аркаим, 22–23 августа 2007 г. : материалы заседаний. Челябинск, 2008. С. 48–50.

154. Новые находки плиток с головой барана и фигурных пестов / Г. Б. Зданович, И. Э. Любчанский, Ф. Н. Петров, А. Д. Таиров, Я. Лукпанова, Э. Р. Усманова, С. Н. Шилов, О. П. Ченченкова, В. В. Ткачёв // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст : материалы темат. науч. конф. СПб., 2008. С. 56–60.

155. Погребения с украшениями из могильников бронзового века Северного Казахстана / Г. Б. Зданович, Е. В. Куприянова // Е. В. Куприянова. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008. С. 186–203.

156. «Страна городов» в культурном и природном пространстве зауральской степи / Г. Б. Зданович // Парадигма современной науки глазами молодых : материалы междунар. науч. конф. студентов, аспирантов, молодых учёных, посвящённых памяти основателей филиала Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова. Костанай, 2008. С. 5–12.

зы) : междунар. ежегодник. М., 1992. Вып. 25. С. 256–271.

162. Аркаим: арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация / Г. Б. Зданович // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42.

163. Вместо введения: Заповедник Аркаим и становление региональной политики в области культурного и природного наследия / Г. Б. Зданович // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 3–8.

164. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 54–62.

165. «Страна городов» / Г. Зданович, А. Кедров // Врата Рифея : сборник. М., 1996. С. 8–22.

166. Аркаим, «Страна городов» / Г. Б. Зданович // Знание-сила. 1999. № 5–6. С. 92–99.

167. Музей-заповедник «Аркаим» в Стране городов / Г. Б. Зданович, И. В. Иванов, Л. Н. Плеханова // Природа. 2001. № 9. С. 50–58.

168. Страна городов / Г. Б. Зданович // Родина. 2001. Ноябрь. С. 22–26.

169. Заповедник Аркаим / Г. Б. Зданович / Челяб. гос. ун-т, Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим». Челябинск, 2002. 16 с.

170. Экскурсии по музею-заповеднику «Аркаим»: история и культура : путеводитель / Г. Зданович, С. Зданович, М. Галиуллина, О. Хрустинская ; фото С. Жаткова ; Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим»; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2002. 18 с.: 1 л. карты в 2 слож.

171. Карта-схема музея-заповедника «Аркаим» / Г. Зданович, С. Зданович, М. Галиуллина, О. Хрустинская ; Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим». Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2002. (289 × 224 слож. в 4–2-х ст. печать.)

172. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур / Г. Б. Зданович // Аркаим и «Страна городов»: археолог. очерки : материалы к экскурсии / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова, А. К. Кириллов ; Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим», Челяб. гос. ун-т. Челябинск : Крокос, 2003. С. 3–20.

173. Ландшафтная археология «Страны городов» / Г. Б. Зданович // Аркаим и «Страна городов»: археолог. очерки : материалы к экскурсии / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова, А. К. Кириллов ; Специализир. природ.-ландшафт. и ист.-археолог. центр «Аркаим», Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2003. С. 21–32.

174. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур / Г. Б. Зданович // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 49–66.

175. Аркаим: исследования прошлого в поисках будущего / Г. Б. Зданович, Ф. Н. Петров // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 305–316.

176. Введение / Г. Б. Зданович // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 3–10.

177. Могила «учителя», или образ горы в культуре «Страны городов» / Г. Б. Зданович // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 75–86.

УКАЗАТЕЛЬ СОАВТОРОВ

Агеев С. Г. **70, 79**

Афонин М. М. **36**

Батанин С. А. **3**

Батанина И. М. **3, 4, 78, 90, 112, 123, 139, 143, 145, 147, 148, 152, 164**

См. также: Batanina I. M.

Бекишева Е. А. **33**

Боталов С. Г. **80**

Бойко Т. А. **18, 33**

Бушмакин А. Ф. **84, 88, 89**

См. также: Bushmakin A. Ph.

Виноградов Н. Б. **35, 39**

Гаврилюк А. Г. **141**

Гайдученко Л. Л. **67, 72, 79**

Галиуллина М. **170, 171**

Генинг В. В. **2, 50, 51**

Генинг В. Ф. **2, 81, 94, 144**
 Гоз И. В. **136**
 Горбунов В. С. **151**
 Григорьев С. А. **80, 132, 135, 146**
 Демкин В. А. **5**
 Дунаев А. Ю. **132, 135, 140**
 Зайберт В. Ф. **13, 14, 18, 20, 23, 32, 48, 60**
 Зайков В. В. **69, 84, 88, 89, 95, 117, 118, 121, 132, 135, 140**
См. также: Zaykov V. V.
 Зайкова Е. В. **88, 89**
См. также: Zaykova E. V.
 Зданович Д. Г. **71, 105, 137, 150, 172, 173**
См. также: Zdanovich D. G.
 Зданович С. Я. **8, 10, 11, 13, 14, 18, 20, 29, 37, 170, 171**
 Иванов И. В. **36, 46, 48, 167**
 Кандалов В. П. **65**
 Кедров А. **165**
 Кириллов А. К. **77, 172, 173**
 Косарев А. М. **121**
 Кочкина И. А. **101**
 Кочнев В. А. **136**
См. также: Kochnev V.
 Куприянова Е. В. **155, 172, 173**
 Левит Н. В. **3**
 Лукпанова Я. **154**
 Любчанский И. Э. **154**
 Мажитов Н. А. **151**
 Малютина Т. С. **29, 32, 34, 68, 74, 100, 107, 116, 119, 122, 126, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150**
 Мартынюк О. И. **34**
 Мордвинцева В. И. **85**
 Мошинская В. И. **16**
 Петров Ф. Н. **154, 175**
 Петрова Л. Ю. **142**
 Плеханова Л. Н. **5, 127, 167**
 Плешаков А. А. **40**
 Серавкин И. Б. **121**
 Таиров А. Д. **43, 85, 88, 89, 154**
См. также: Tairov A. D.
 Ткачёв В. В. **154**
 Усманова Э. Р. **154**
 Фуксман В. Н. **72**
 Хабдулина М. К. **18, 20, 26, 28, 29, 33, 45, 46, 57**
 Хрустинская О. **170, 171**
 Цитцер О. Ю. **72**
 Ченченкова О. П. **154**
 Шилов С. Н. **154**
 Шрейбер В. К. **58, 63**
 Юминов А. М. **69, 84, 88, 89, 95, 118, 132, 135, 140**
См. также: Yuminov A. M.
 Batanina I. M. **109**
 Bushmakina A. Ph. **92, 108**

Herrington R. J. **92**
Kochnev V. **131**
Lavrushin Yu. A. **73**
Punegov B. **131**
Spiridonova E. A. **73**
Tairov A. D. **92, 108, 124**
Yuminov A. M. **92, 108, 124**
Zaykov V. V. **92, 108, 124**
Zaykova E. V. **92, 108**
Zdanovich D. G. **110, 111**

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Аксайман (могильник) **1, 41**
Аландское (укреплённое поселение) **4, 122, 130, 150**
Александровский IV (могильник) **141**
Алыпкаш (могильник) **33, 155**
Амангельды I (могильник) **1, 13**
Андреевское (укреплённое поселение) **4, 122**
Аркаим (укреплённое поселение) **4, 64, 66, 67, 75, 76, 77, 82, 96, 99, 104, 107, 113, 119, 126, 133, 134, 149, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 171, 172, 174, 175**
Бахта (укреплённое поселение) **4**
Берлик (могильник) **38**
Берлик II (могильник) **1**
Берсуат (Берсуат XVIII; укрепленное поселение) **4, 100, 116, 142**
Бишкуль IV (поселение) **1, 13, 23**
Боголюбово I (поселение) **1, 13**
Большекараганский (могильник) **80**
Бурлук I (могильник) **1, 8, 10**
Виноградовка X **14**
Вишнёвка 1 (стоянка) **13**
Воровская Яма (древний рудник) **3, 69, 84, 88, 89, 92, 95, 108, 117, 132**
Жабай-Покровка (могильник) **18, 20, 29**
Жабай-Покровка I (поселение) **18**
Жабай-Покровка II (поселение) **18**
Журумбай (укреплённое поселение) **4**
Ильинка I (поселение) **12**
Исиной (укреплённое поселение) **4**
Каменный Амбар (Ольгино) (укреплённое поселение) **4**
Камысты (укреплённое поселение) **4**
Кара-Оба (курган) **38**
Кенес (могильник) **1, 26, 30, 38**
Кизильское (укреплённое поселение) **4**
Коноплянка (укреплённое поселение) **4**
Куйсак (укреплённое поселение) **3, 4, 68**
Кулевчи III (поселение) **35, 39**
Кулевчи VI (могильник) **39**
Курган на р. Куртамыш **6**
Куропаткино II (могильник) **18**

Лихачёвское (городище) **7**
Новоникольское I (поселение) **1, 11, 13, 14, 19, 24, 32**
Обалы (курган) **38**
Париж (укреплённое поселение) **4**
Петровка II (поселение) **1, 14**
Петровка IV (поселение) **1**
Петровка (могильник) **10, 37**
Покровский (могильник) **8, 9**
Приплодный Лог I (могильник) **34**
Путиловская Заимка (стоянка) **43**
Путиловская Заимка I (могильник) **43**
Путиловская Заимка II (могильник) **1, 43**
Родники (укреплённое поселение) **4**
Саргары (поселение) **18, 20**
Саргары (могильник) **18**
Сарым-Саклы (укреплённое поселение) **4, 143**
Семипалатное (могильник) **1, 11**
Синташта (культурно-исторический комплекс) **2, 4, 81, 94, 144, 157**
Синташта II (укреплённое поселение) **2, 4, 50, 81, 94, 144, 145, 157**
Степное (укреплённое поселение, культурный комплекс) **4, 147**
Темир (курган) **57**
Улубай (могильник) **33, 155**
Устье (укреплённое поселение) **4**
Чекатай (культурный комплекс) **4, 152**
Черноречье III (укреплённое поселение) **4**
Явленка (могильник) **10**
Явленка I (поселение) **8, 10, 17**
Явленка II (стоянка) **8**

Л. С. Марсадолов

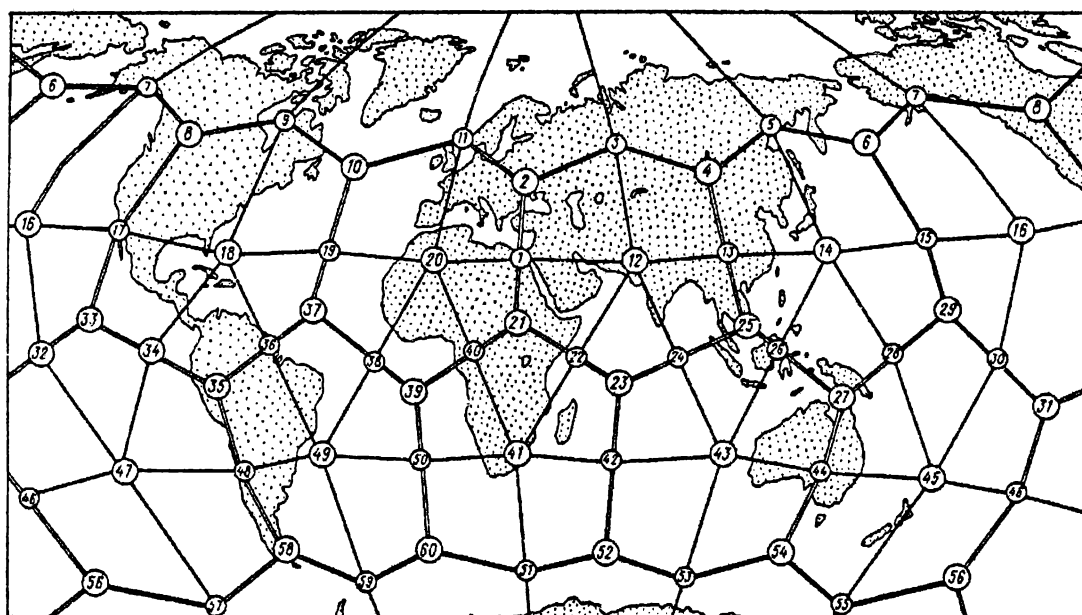
АРКАИМ И АРЖАН КАК МОДЕЛИ МИРА

Центр Азии был определён в XIX в. методом математического расчёта центра пересечений линий из крайних точек на географической карте Азии. Следует отметить, что этот метод не безупречен, так как береговая линия материка неоднократно менялась; существует проблема выбора крайних географически значимых точек на карте; сложность рельефа — горы — равнины, их «вес и объём» при расчётах и т. д. На космическом снимке территории Тувы видно, что район города Кызыла, где ныне помещают «Центр Азии», не образует в плане геометрической фигуры с чётко выраженными очертаниями. В этом регионе известно очень небольшое число исторических памятников. В 70 же километрах к северу от современного центра Азии расположена довольно компактная, чётко выраженная, в плане подтреугольная (при взгляде из космоса) Турано-Уюкская котловина, ограниченная со всех сторон горными хребтами [17. С. 4]. К северу от Пазырыкских курганов на Алтае также находится большая подтреугольная горная геологическая страна.

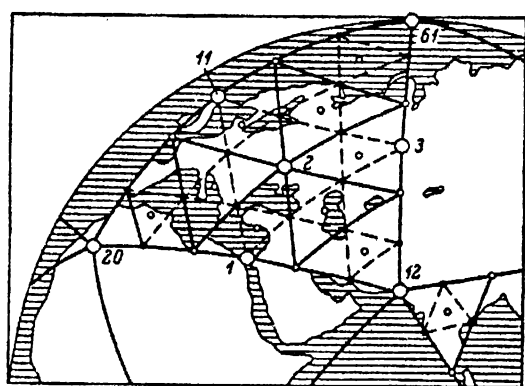
Объяснить «аржанский треугольник» можно исходя из более глобальных геосторических моделей. Начиная с глубокой древности Земля в целом и более мелкие образования в сознании людей представлялись в виде геометрических фигур — квадрата, круга, шара и т. д. Со времён Пифагора–Платона (VI–IV вв. до н. э.) и позднее многие учёные представляли Землю в виде большой геокристаллической модели (работы

И. Кеплера, А. Гумбольдта, А. Пуанкаре, С. И. Кислицына и др.: см. 34. С. 243–251). Возможно, одной из наиболее перспективных идей является предложенная Н. Ф. Гончаровым, В. А. Макаровым и В. С. Морозовым (1981) икосаэдродекаэдрическая система Земли, своеобразный силовой каркас планеты (рис. 1). В 1-м узле этой модели находится комплекс древнеегипетских пирамид в Гизе, во 2-м узле — древнерусский город Киев, в 11-м — Стоунхендж в Англии и т. д. Четвёртый узел в этой модели был безымянным, но сейчас можно с уверенностью отметить, что именно в нем был воздвигнут курган Аржан [22]. Не исключено, что в 3-м узле находится комплекс сооружений Синташты–Аркаима. Более крупные геоструктуры, в свою очередь, состоят из более мелких треугольных подсистем (рис. 1: 2, 5).

В центре одного из таких «треугольников» скорее осознанно, чем случайно и был воздвигнут курган Аржан. Известно, что саяно-алтайские жрецы-шаманы в скифское время использовали различные наркотические средства (вероятно, это началось значительно раньше и продолжалось позднее). В состоянии «транса», возможно, они могли проникать в тонкий мир и обозревать сверху окружающую местность. А такая геометрически правильная и политико-географически удобная долина на пограничье с другими областями не могла не привлечь их внимания [18. С. 57–62]. В аржанской (Турано-Уюкской) котловине расположено около десяти «цепочек» больших

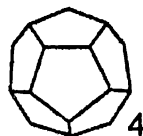
1

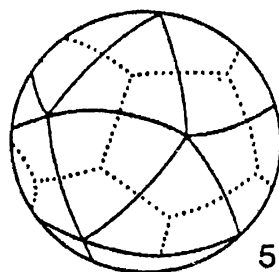
2

Икосаэдр 3

Додекаэдр 4

5

Рис. 1. Икосаэдро-додекаэдрическая модель Земли:

1 — «силовой каркас» Земли = энергетически важные точки (основные «узлы»: **1** — комплекс древнеегипетских пирамид в Гизе, **2** — древнерусский город Киев, **3** — Аркаим и Синташта, **4** — Аржан, **11** — Стоунхендж в Англии; и т. д.);

2 и 5 — разбивка на более мелкие и крупные подсистемы;

3 — модель икосаэдра; **4** — модель додекаэдра

(по материалам Н. Ф. Гончарова, В. А. Макарова, В. С. Морозова, Н. П. Юшкина, И. И. Шафранского, К. П. Янулова и др.). Составлено Л. С. Марсадоловым

курганов племенных вождей кочевых народов I тыс. до н. э. [7 и др.] — это самое грандиозное курганное поле в Саяно-Алтае. В центре долины был сооружен самый большой в Саяно-Алтае курган Аржан, раскопанный в 1971–1974 гг. археологической экспедицией под руководством М. Х. Маннай-оола и М. П. Грязнова (рис. 2).

Материалы кургана Аржан заинтересовали специалистов разных областей науки. Неоднократно рассматривались вопросы хронологии, погребального обряда, конского снаряжения, искусства, вооружения, «оленных» камней и т. д. Многие археологи отметили, что сложная деревянная конструкция кургана Аржан в целом напоминает символ

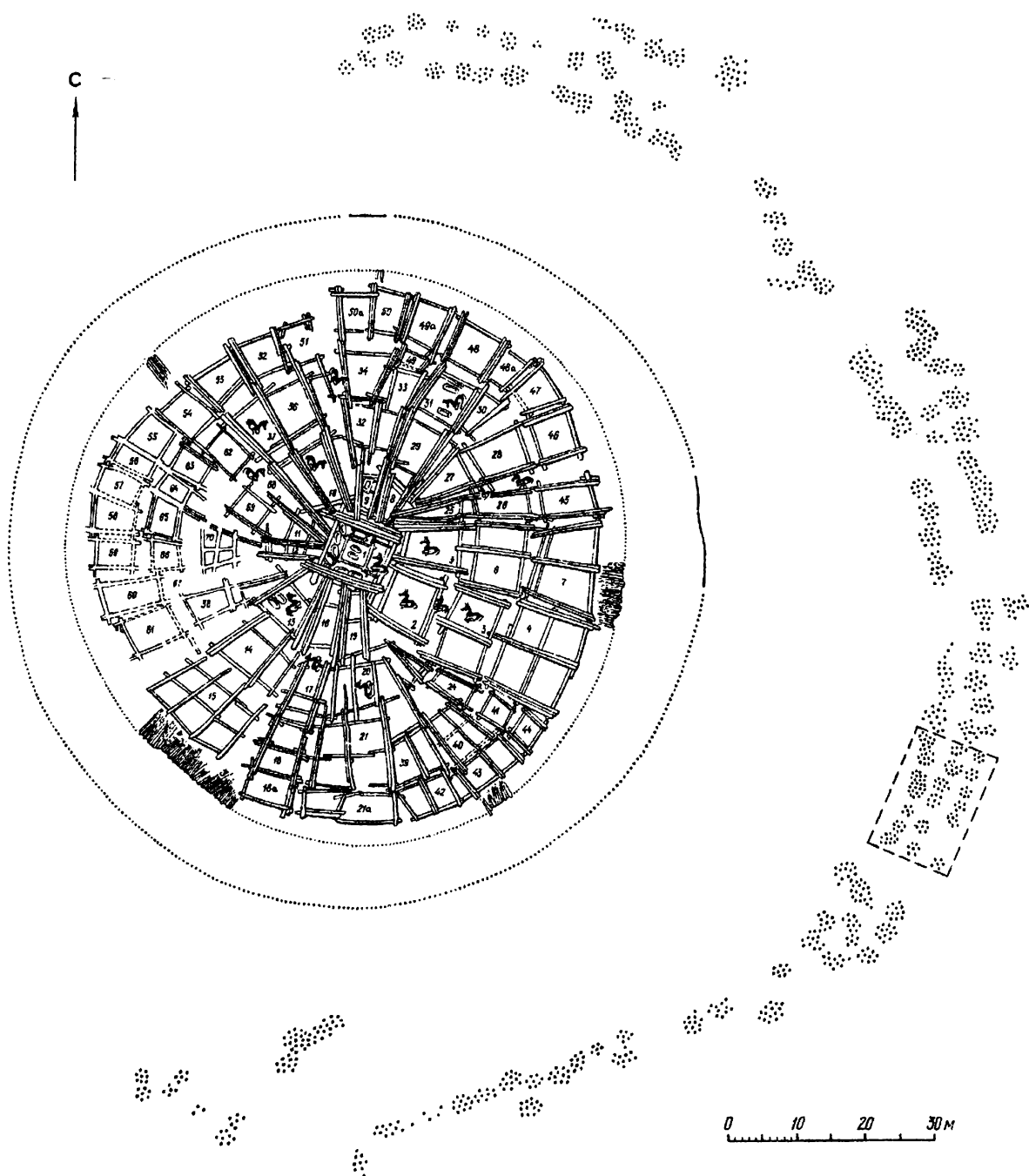

Рис. 2. План кургана Аржан и расположенных вокруг него выкладок из камней (по материалам М. П. Грязнова и Л. Н. Баранова). Составлено Л. С. Марсадовым

Солнца (устные дискуссии 1970–80х гг.). Но остались не проанализированными связи кургана Аржан с окружающим ландшафтом, многие проблемы семантики этого уникального памятника, не были произведены полевые астрономические исследования.

Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа начиная с 1987 г. исследования кургана Аржан велись в трёх основных направлениях: археологическом, геодезическом и астрономическом [17; 19; 21 и др.]. В археологическом аспекте

были вновь вскрыты углы центральной камеры, найден центр кургана, а также выявлены зафиксированные на плане точки на «магистральных» линиях срубов в северном и восточном секторах. Раскопаны две округлые поминальные выкладки из камней с южной стороны от кургана. В одной из выкладок найдены фрагменты керамики, кости коня и других животных. Находка фрагмента сосуда с острорёберным валиком под венчиком позволила по-новому осмыслить вопрос о наличии глиняной посуды у кочевников Саяно-Алтая в VIII–VII вв. до н. э. [20].

Среди камней засыпки кургана Аржан на поверхности были обнаружены обломки каменных плиток с выбитыми рисунками животных. С помощью металлоискателя выявлено, что на кургане и в окружающих его выкладках много камней, содержащих железо, а в целом для этого района характерна магнитная аномальность, возможно, связанная с большими залежами железа в горах, обступающих долину.

В геодезическом плане, с помощью теодолита, определены направления и расстояния от центра кургана Аржан до наиболее примечательных горных вершин, их высота; произведена предварительная нивелировка местности; сфотографирована и прорисована панорама гор, окружающих курган, и т. п.

В астрономическом аспекте (в работах экспедиции участвовали астрономы С. С. Смирнов и В. Л. Горшков) уточнены координаты кургана — его широта и долгота, высота над уровнем моря, магнитное склонение; велись наблюдения за восходом и заходом Солнца, Луны и звёзд, особенно в дни, близкие к точкам осеннего равноденствия и летнего солнцестояния. Для времени возведения кургана Аржан (около 800 г. до н. э.)

вычислены астрономически значимые направления и осуществлена их привязка к окружающим ориентирам на местности, а также к «лучам» деревянных срубов-камер. В день осеннего равноденствия велось наблюдение за солнечными часами с вертикальным и наклонным центральными стержнями-гномонами, движением тени от них.

В процессе исследований установлено, что для сооружения кургана Аржан выбрано место, весьма удобное в географо-астрономическом аспекте, — в центре подтреугольной в плане Турано-Уюкской котловины, вытянутой с запада на восток. Курган находится на небольшой сухой возвышенности к северу от поймы р. Уюк. С северной и южной сторон от центра кургана на относительно небольшом расстоянии расположены самые высокие горы в этом районе, а с восточной и западной сторон — низкие удалённые горы, позволяющие наблюдать восходы/заходы Солнца и Луны в течение всего года. Отмечена определенная корреляция между центром и «лучами» кургана с горными вершинами и западинами, расположенными в астрономически значимых точках равноденствия и солнцестояния, а также положения высокой и низкой Луны.

В целом курган Аржан является не только сложным погребально-поминальным объектом, но и своеобразной моделью мира (мандалой) древних кочевников Центральной Азии. В кургане Аржан довольно чётко прослеживается трёхчленная вертикальная структура — верхний мир (небо = каменная насыпь), средний (центр, погребения людей и коней, деревянная конструкция) и нижний мир (подстилающая земля и ниже), а также четырёх-восьмичленная горизонтальная структура — четыре сектора по основным сторонам света

(В, С, З, Ю) и четыре промежуточных сектора. Наблюдается спиральное расположение камер, сооружённых против хода Солнца и Луны (против «часовой стрелки»), а также противостояние восточной и западной частей кургана с преобладанием восточной (рис. 3 — см. размеры камер; число коней; в восточной половине кургана по дуге расположено более 300 округлых каменных выкладок, а с западной их нет — рис. 2 и т. д.).

Идея *восток = весна = восход солнца = рождение = перерождение* (годового природного цикла жизни и смерти) является господствующей в кургане Аржан. Представляется возможным связать восточный сектор кургана Аржан с весенним периодом, а остальные сектора — с другими сезонами года в направлении против часовой стрелки: север — лето, запад — осень, юг — зима. «Царь и царица» (вождь союза племён и его жена или наложница)

и ещё 8 человек захоронены в центральной, наиболее сакральной части кургана. Дополнительные погребения людей находятся в северо-восточной (1-2 человека) и юго-западной (4 человека) частях сооружения, что, вероятно, объясняется расположением их в противоположных точках. Сейчас ведётся работа по уточнению этих направлений. Не исключено, что углы внутреннего и внешнего срубов в центре кургана также связаны с направлениями восхода-захода Солнца и Луны в астрономически значимые дни.

Число коней, погребённых в отдельных камерах кургана Аржан, вероятно, также отражает определённую символику. По два раза встречаются только следующие числа: 2 (см. оппозиции типа восход-заход, день-ночь, весна-осень и т. п.); 7 (лунная неделя) и 30 коней (1 месяц). Наибольшее количество захороненных коней находится

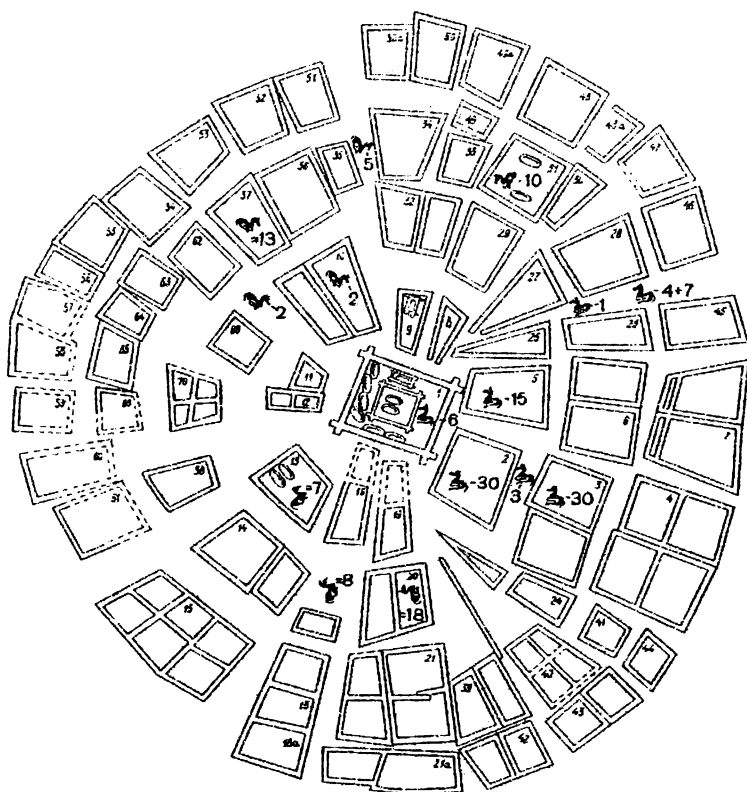

Рис. 3: План-схема кургана Аржан (выделено число погребённых коней)

в восточной части кургана: $30 + 30 + 15 + 3 + 12 = 90$ коней = 3 месяца (рис. 3). Всего в Аржане погребено около 160 коней + 15–20 хвостов коней под полом центральной камеры = около 180 = полгода.

С помощью дендрохронологии установлено, что курган Аржан был сооружён в августе-сентябре 808 г. до н. э. [23. С. 46–49]. В связи с этим (сентябрь ± полгода), не исключено, что у кочевников Саяно-Алтая в конце IX — VIII в. до н. э. счёт дней в году начинался в марте, возможно, в день весеннего равноденствия [19].

Курган Аржан является одним из самых ранних объектов, но не единственным памятником в евразийских степях, в котором опредмечена идея: один конь равен одному дню (или году; см. письменные источники, в которых отмечается, что день богов равен году людей). Эта идея также нашла отражение в числе захороненных коней в курганах Прикубанья, раскопанных Н. И. Веселовским: 360 коней = 1 год (VI в. до н. э.; Ульский Аул, 1898 г. [15. С. 120]); 30 коней = 1 месяц (IV в. до н. э.; станица Воронежская, курган № 19, 1903 г. [см. 18. С. 62]).

В 2,5 км к востоку от п. Аржан в 1989 г. Саяно-Алтайской экспедицией Эрмитажа был исследован культовый комплекс. Раскопаны три округлые, примыкающие друг к другу каменные выкладки, под которыми обнаружены одна ямка с остатками деревянного столба и три пустые (в которых, вероятно, ранее стояли каменные изваяния, рассматриваемые ниже).

С восточной стороны от выкладок лежал «оленный камень» прямоугольной формы. На антропоморфном изваянии в верхней части выбиты три черты, налобная повязка, серьги, ожерелье,

а ниже — пояс, кинжал, чекан, лук и щит. В верхней части камня также изображены свернувшиеся в кольцо пантеры, типа бронзовой из кургана Аржан [7. С. 28. Рис. 15: 4]. В средней части — семь стилизованных оленей с «клювовидной» мордой монгольско-забайкальского типа, контурное изображение коня с подогнутыми ногами, а внизу — приподнятая рельефом фигура стоящего кабана, типа выбитых углублённым контуром на «оленных» камнях из насыпи кургана Аржан и п. Уюк-Аржан [7. С. 43. Рис. 29: 2, 13]. Большое число изображённых предметов вооружения и особенно образов животных, выполненных в разных стилях и техниках, свидетельствуют об уникальности этого «оленного» камня и его важности для датировки аналогичных памятников.

На северной окраине п. Аржан обнаружен ещё один «оленный» камень, который, по словам местных жителей, ранее находился около раскопанных выкладок. Это каменное изваяние, также как и первое, изображает сильно схематизированную фигуру мужчины-воина (рис. 4). На узкой передней грани, в верхней части схематично выделена голова, на месте лица выбиты три косых черты. На боковых широких гранях сверху выбиты серьга с раструбом и два кольца. На задней грани показан хищник кошачьей породы (пантера или барс) с выделенными круглым глазом, двумя ушами, раскрытой пастью с языком, прямым туловом, подогнутыми лапами и хвостом. Стилистически близкие изображения хищников отмечены на «оленных» камнях Монголии и Алтая. Ниже серьги показано солнце с пятью лучами (или рука?) и полумесяц. В нижней половине выбит пояс с двумя круглыми застёжками в центре. К поясу подвешены чекан, оселок, кинжал и лук в налучье.

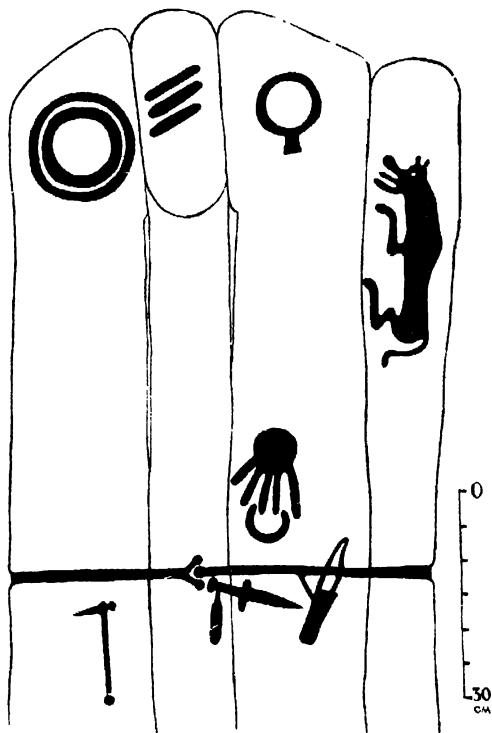

Рис. 4. Новое каменное изваяние из посёлка Аржан (прорисовка Л. С. Марсадолова)

Оба «оленных» камня по ряду признаков близки к подобным изображениям из кургана Аржан и поэтому могут быть датированы концом IX — VIII в. до н. э.

Вопрос о влиянии памятников Казахстана и Зауралья эпохи бронзы на раннескифские памятники Саяно-Алтая уже неоднократно рассматривался в литературе [2; 12; 198; 32 и др.]. Учитывая предшествующие работы, ещё раз кратко проанализируем памятники в основном из Зауралья и Северного Казахстана, относящиеся к петровско-синташтинско-аркаимско-алакульскому времени (XVIII—XV вв. до н. э.), и памятники круга Аржана с территории Тувы, датируемые концом IX — VIII в. до н. э. Сопоставление можно произвести по погребальному обряду, конструкции могильных сооружений и предметам, найденным в этих памятниках (рис. 5).

Как хорошо известно, погребальный обряд — одно из немногих явле-

ний, сохраняющих традиции веками. Археологами и этнографами зафиксировано много способов захоронений человека, и не так уж часто встречается положение погребенного на левом боку, с согнутыми ногами, руками перед лицом, ориентированного головой на северо-запад или запад, захороненного в неглубокой яме или на уровне горизонта (рис. 5: 3, 19 [6. С. 236; 7. С. 18; 9. С. 168–169]).

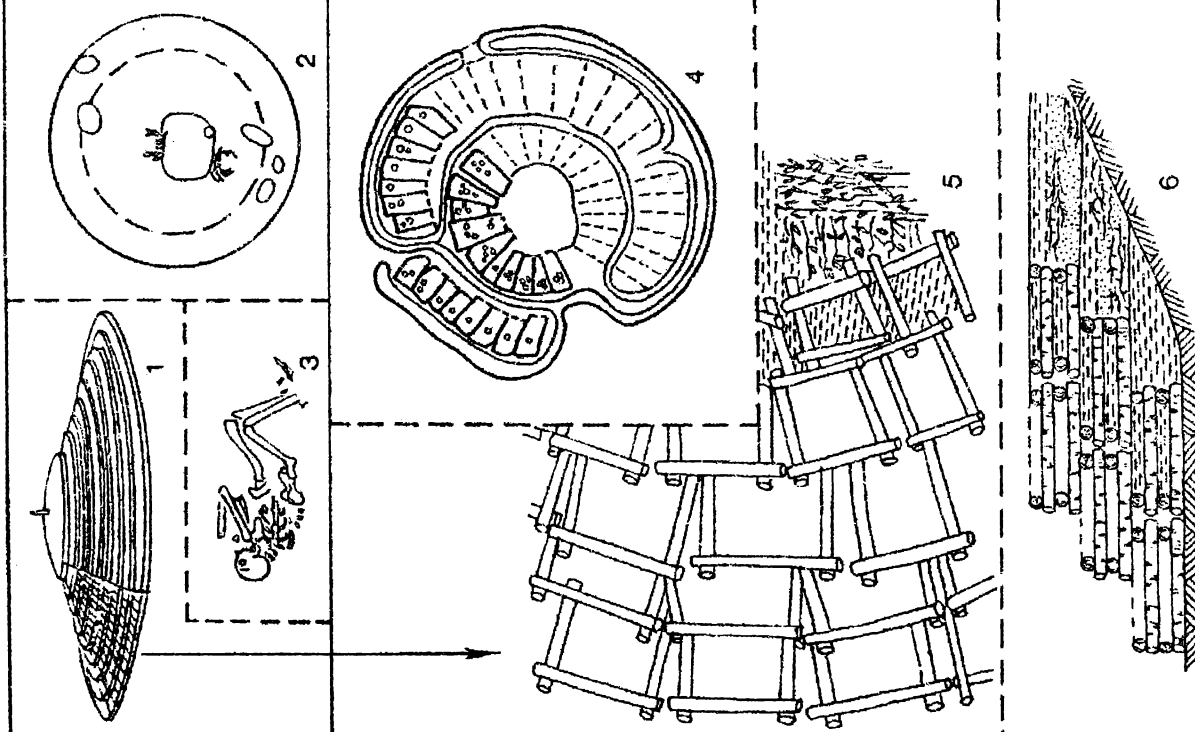
Конструкции могильных сооружений также близки между собой. Как в большом кургане-храме Синташты, так и в кургане Аржан отмечена радиальная планировка внутренних камер-клетей из дерева, «просветы» между брёвнами, бревенчатый накат над срубам, возможно, «ступенчатое» круглое надмогильное сооружение из земли или камней, с каменным или деревянным столбом-изваянием в верхней части (рис. 5: 1, 5, 6, 17, 20–22 [4. С. 365–368; 7. С. 7–11; 24. С. 3; 32. С. 171]).

Из сходных признаков Аркаима и Аржана следует отметить не только близкое конструктивно-архитектурное решение сооружений в целом (рис. 5: 4, 20), но и совпадение основных размеров: около 85 м составляет диаметр кольцевой стены Аркаима и около 88 м — диаметр круглой деревянной «платформы» в кургане Аржан [7. С. 10; 8. С. 81].

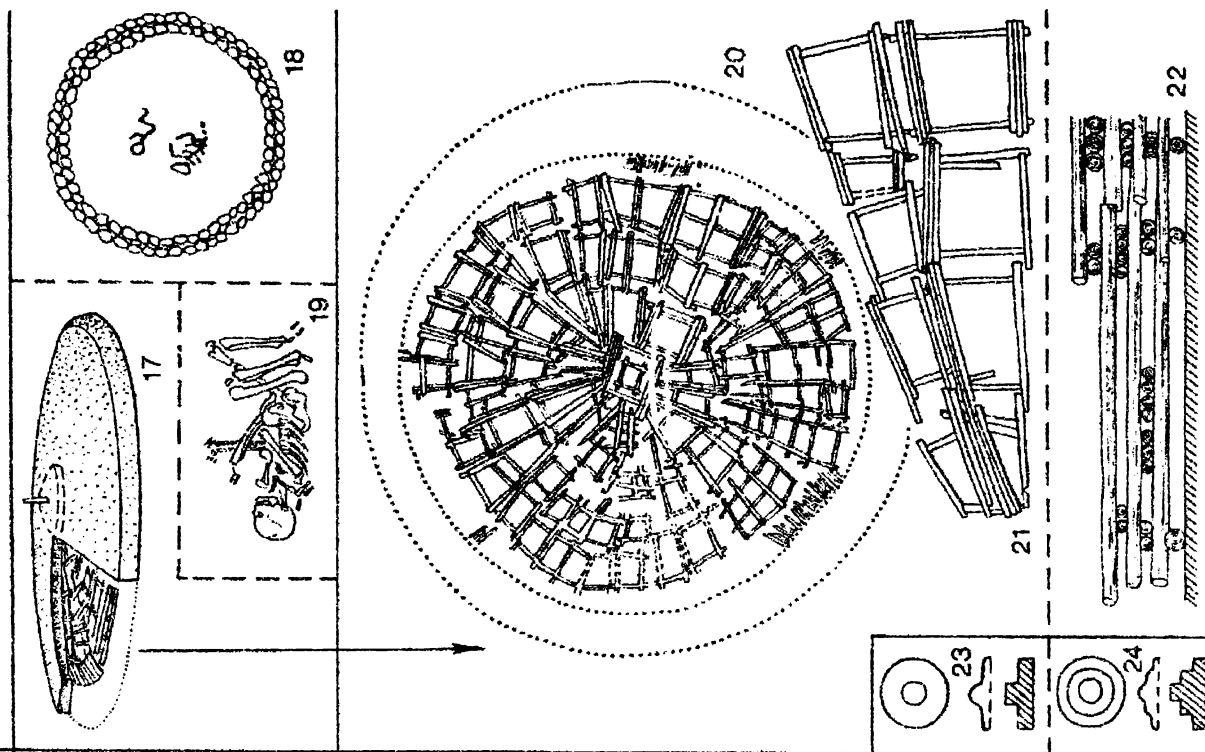
Как гигантские сооружения вождей племён, так и могилы рядовых членов общества имеют много общего: такое же положение погребённых в неглубокой яме или на уровне горизонта, захоронение одного или нескольких коней на краю могильной ямы или рядом с человеком (рис. 5: 2, 18 [2. С. 46–48; 9. С. 169]).

В петровско-алакульское (и частично фёдоровское) время возникают конструктивно-рациональные формы предметов, бытующих продолжительное

Синташта + Араким + петровско-алакульские
памятники (XVIII-XV вв. до н. э.)

Аржан + памятники аржанского типа
(конец IX — VIII в. до н. э.)

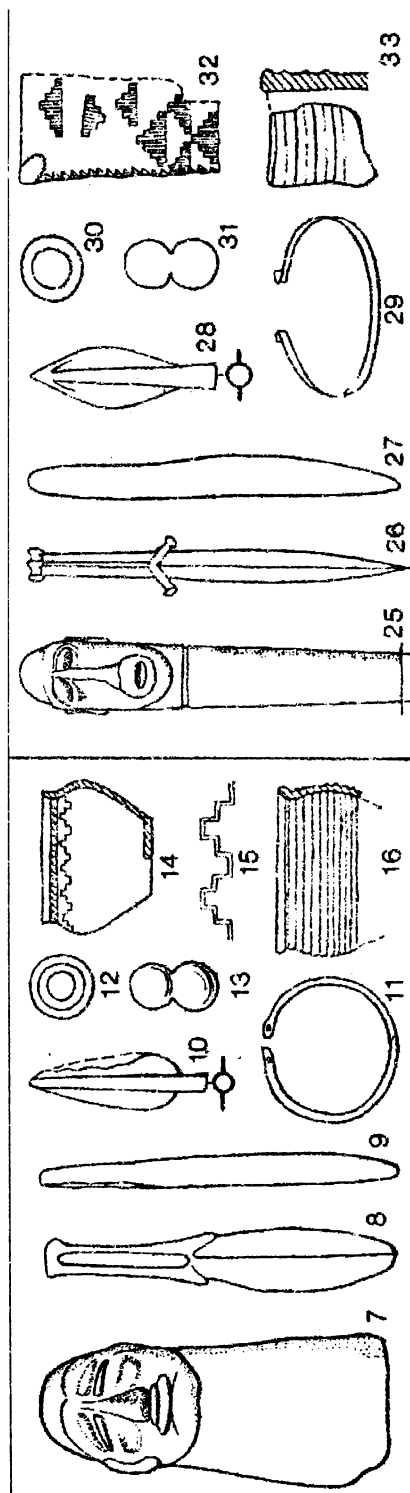

Рис. 5. Сопоставление материалов из разных памятников:

- 1 — реконструкция большого кургана-храма из Синташты;
 2 — план кургана 2 могильника Берлик II;
 3 — план погребения человека (№ 4) в кургане 32 могильника Алыпкаш;
 4 — план-схема поселения Архаим;
 5–6 — план (5) и разрез (6) деревянных камер-клетей кургана-храма Синташты;
 7 — каменный жезл, найденный около р. Нура;
 8 — бронзовый кинжал с поселения Новоникольское I, р. 1, уч. 4/с;
 9 — бронзовый нож с поселения Петровка II;
 10 — бронзовый наконечник стрелы, Жаманузен II, ограда 2, могильник 2;
 11 — бронзовая гривна, Алексеевка, погребение 13;
 12 — бронзовая бляшка, Алыпкаш, курган 32, погребение 4;
 13 — бронзовая бляшка типа найденных в Еловке I, Кытманово и др.;
 14–15 — глиняный сосуд (14) и фрагмент его орнамента (15) из малого кургана в Синташте (СIII);
 16 — верхняя часть глиняного сосуда из погребения 16 в Синташте;
 17 — реконструкция кургана Аржан;
 18 — план кургана 17 могильника Баданка IV;
 19 — план погребения человека в могильнике Хемчик-Бом III, курганы 1–2, погребение 9;
 20–22 — план (20), камеры-клетки (21) и разрез (22) кургана Аржан;
 23–24 — планы и разрезы «идеальных» двух- и трёхчастных моделей (вид сверху, разрезы с округлой и прямоугольной повер-хностями);
 25 — каменное изваяние из пос. Аржан;
 26 — бронзовый кинжал из кургана Аржан;
 27 — бронзовый нож из кургана 8 могильника Куйлуг-Хем I;
 28 — бронзовый наконечник стрелы из кургана Аржан;
 29 — бронзовая гривна из кургана Аржан;
 30 — налобник коня из кургана Аржан (золото, серебро);
 31 — бляшка из клыка кабана, курган Аржан;
 32 — фрагмент ткани из кургана Аржан;
 33 — фрагмент глиняного сосуда из кургана Аржан
- (по материалам В. Ф. Генинга, Г. Б. Здановича, В. В. Генинга, М. П. Грязнова, Л. Н. Баранова, Д. Г. Савинова, Н. А. Боковенко, А. Д. Грача, Н. А. Аванесовой, К. В. Чугунова, С. Л. Пламеневской и др.) Составлено Л. С. Марсадиловым

время, вплоть до раннескифского. В первую очередь это предметы вооружения из бронзы — двухлопастные втульчатые наконечники стрел (а также, вероятно, близкие формы копий и дротиков), большие ножи с прямой или со слегка выпуклой спинкой (подтреугольные в сечении), кинжалы с выделенной рукоятью и «рёбрами жёсткости» в верхней части и на лезвии и многие другие предметы (рис. 5 [1; 4; 6; 7; 9 и др.]).

В алакульско-фёдоровских и раннескифских памятниках известна округлая форма украшений из нескольких вписанных друг в друга кругов (рис. 5: 12). В это же время господствует «ступенчато-пирамидальный» орнамент (рис. 5: 14, 15, 32). Если в эпоху бронзы таким орнаментом в основном оформляли глиняные сосуды, то близкие формы отмечены и на фрагменте ткани из кургана Аржан [7. С. 19]. В еловско-фёдоровских памятниках известны восьмёркообразные бронзовые бляшки, близкие по форме к сделанным из рога кабана бляшкам из кургана Аржан (рис. 5: 13, 31 [1; 7. С. 38]). В синташтинских комплексах обнаружены одни из самых ранних многоваликовых сосудов (рис. 5: 16 [4. С. 148]). Аналогичные фрагменты венчиков глиняных сосудов баночной формы с заострёнными валиками-желобками в верхней части были ранее найдены в Туве при раскопках кургана Аржан близ камер № 16–21 (рис. 5: 33; хранится в Эрмитаже, не включён в монографию М. П. Грязнова), в раскопанной СААЭ ГЭ в 1989 г. поминальной выкладке около кургана Аржан, в кургане 16 могильника Шанчуг [12. С. 33–40], а также обнаружены нами в 1989 и 1992 гг. на отвалах изученного А. Д. Грачом кургана-храма Улуг-Хорум [17. С. 4; 20].

В Северном Казахстане среди случайных находок эпохи бронзы известно

довольно большое число каменных предметов-жезлов с антропоморфными окончаниями (рис. 5: 7 [11. С. 113]), которые близки к самусьским скульптурным изображениям, найденным В. И. Матющенко. Затем такие изображения исчезают более чем на полтысячелетия и с IX в. до н. э. в несколько трансформированном виде появляются в Монголии и в Саяно-Алтае. Одно из больших каменных изваяний было найдено недалеко от двух вышеописанных камней в пос. Аржан Т. Е. Верещагиной и К. В. Чугуновым (рис. 5: 25).

Одним из наиболее распространённых символов II–I тыс. до н. э. был круг с одной или несколькими внутренними окружностями (рис. 5: 23–24). Иногда этот символ изображался в «рельефе» и тогда в разрезе он напоминал ступенчатую пирамиду. Поэтому этот символ может рассматриваться как плоскостной или рельефный, а также в горизонтальной или вертикальной проекции. В целом, вероятно, он восходит к символу Солнца или полной Луны, возможно, иногда слитых вместе (например, на налобнике коня из кургана Аржан большое внешнее кольцо сделано из золота, а центральный диск — из серебра (рис. 5: 30 [7. С. 23, 25])). Вероятно, этот символ (рис. 5: 23, 24) семантически близок как для гигантских сооружений, так и орнамента на предметах (ср. рис. 5: 1, 4–6, 12, 14–16, 17, 20–22, 30, 32, 33). Такой символ может дополняться «лучами», фигурами различной формы и т. д. Не исключено, что этот символ представляет собой и объёмную модель мира (мандалу), лежащую в основе сооружения как Аржана [19], так и Синташты – Аркаима – Савина [29]. Мандалы бывают полными и частичными, рассчитанными на длительное и кратковременное использование, объёмными и плоскостными и т. д.

Следует отметить, что вначале были исследованы важные астрономические направления в кургане Аржан и на соседних с ним цепочках курганов [17; 19], которые затем были также выявлены и на поселении Аркаим [3; 10], но пока ещё не разработаны для петровско-синташтинско-алакульских памятников.

Между племенами Синташтинско-Аркаимского круга, с одной стороны, и Аржаном — с другой — лежит большой хронологический разрыв, который ныне трудно заполнить неразрывной цепочкой близких памятников. Возможно, такой «разрыв» станет немного яснее, если возвышение и упадок древних племён объяснить из 1000–1200-летней «кривой этногенеза», обоснованной К. Н. Леонтьевым и Л. Н. Гумилёвым. В течение этого большого периода происходит как увеличение активности племён (рост роли вождей, героическое время), так и ослабление их влияния. Предварительно можно наметить нескольких этапов: Петровка, Синташта, Аркаим (XVIII–XVI вв. до н. э. — период могущества) → памятники алакульского типа (XV–XIV вв. — период ослабления) → период упадка — переходные памятники (XI–X вв. до н. э.) → Аржан (IX–VIII вв. до н. э. — новый период подъёма) → новый упадок с VI в. до н. э. и т. д. Сходство между этими памятниками можно проследить по бережному сохранению своеобразной «модели мира», лежащей в основных традициях погребального обряда и по другим признакам (см. выше).

Конечно, не стоит полагать, что племена, соорудившие памятники типа Аркаим–Синташта в Зауралье, жили на одном и том же месте, постепенно «деградируя» и дожидаясь своего нового «звёздного часа», чтобы переселиться в Туву и воздвигнуть курган Аржан.

Реальная жизнь племён была динамичной и сложной, со своими взлётами и падениями, победами и поражениями, миграциями и осёдлостью, основные этапы которых ещё предстоит реконструировать археологам, антропологам, историкам и другим специалистам. Пока же при интерпретации материалов из кургана Аржан археологи говорят лишь о разных влияниях — с территории Казахстана, Монголии, Саяно-Алтая, Передней Азии, Китая, Восточной Европы и других регионов. Эти «влияния» могут оказаться лишь «отблесками» далёких походов кочевых племён [18. С. 60–62]. Несомненно, что итогом исследований будет реконструкция динамичного процесса исторического развития не только «аржанцев», но также предшествующих и последующих племён. И астроархеологические наблюдения будут весомой частью этой сложной реконструкции.

В заключение следует отметить, что, вероятно, в степной полосе Евразии астрономические наблюдения были ритуально осмыслены, начиная с эпохи палеолита (Мальта и другие памятники — работы Б. А. Фролова [33], В. Е. Ларичева [13–14]), продолжены в неолите, энеолите, раннебронзовом веке (Савин, Ташково II — исследования Т. М. Потёмкиной, М. Г. Гусакова, В. А. Юревич, В. Т. Ковалёвой), начали широко внедряться в эпоху бронзы (Аркаим — работы Г. Б. Здановича, Д. Г. Здановича, А. К. Кириллова, К. К. Быструшкина) и достигли максимума кровавых одноразовых жертвоприношений до 180–360 коней в раннескифское время (Аржан-Ульский аул). При близком столкновении с цивилизациями Передней Азии и Китая астрономические наблюдения обрели свою законченность и стабильность, выразившуюся в надёжно разработанных циклических календарях,

в том числе животного цикла. На ранних этапах процесс осознания связей небесных созвездий, основных астрономических направлений, земных природных явлений и определённого вида реальных ритуальных животных был не только духовным, но и имел сильную материальную подоснову, например на святилище Савин [25; 27]. Позднее небесные объекты и реальные животные всё больше начали заменяться их символами и геометрическими фигурами. Возможно, астрономико-календарная подоснова является одной из главных в скифском зверином стиле [16; 30–31 и др.].

Аржан относится к концу IX — VIII в. до н. э. — переломному историческому периоду. Это время создания «Илиады» и «Одиссеи» в Греции, «Книги перемен» в Китае, Ведических текстов в Индии. Это эпоха библейских пророков в Израиле. Именно в это время происходит резкое изменение «облика» археологических культур Евразии, Америки и Африки. Это время характеризуется крупными природно-климатическими изменениями. Аржан должен занять своё место среди выпавших и возвращенных «памяти человечества» памятников мировой истории и культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесова, Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР / Н. А. Аванесова. Ташкент, 1991. 200 с.
2. Боковенко, Н. А. Проблемы генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии / Н. А. Боковенко // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 41–48.
3. Быструшкин, К. Аркаим — суперобсерватория древних ариев? / К. Быструшкин // Урал. 1996. № 1. С. 164–174.
4. Генинг, В. Ф. Синташта / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск, 1992. Ч. 1. 407 с.

5. Гончаров, Н. В лучах кристалла Земли / Н. Гончаров, В. Макаров, В. Морозов // Техника молодежи. 1981. С. 40–45.
6. Грач, А. Д. Древние кочевники в центре Азии / А. Д. Грач. М., 1980. 256 с.
7. Грязнов, М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени / М. П. Аржан. Л., 1980. 63 с.
8. Зданович, Г. Б. Архитектура поселения Аркаим / Г. Б. Зданович // Маргулановские чтения : сб. материалов конф. 1990 г. Ч. 1. М., 1992. С. 79–84.
9. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович. Свердловск, 1988. 183 с.
10. Кириллов, А. К. Археoaстрономические исследования на городище Аркаим (эпоха бронзы) / А. К. Кириллов, Г. Б. Зданович // Археoaстрономия: проблемы становления : тез. докл. междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. М., 1996. С. 69–71.
11. Кузьмина, Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. Фрунзе, 1986. 132 с.
12. Кызласов, Л. Р. Древняя Тува / Л. Р. Кызласов. М., 1979. 207 с.
13. Ларичев, В. Е. «Белая лошадь» — святилище древнекаменного века Хакасии / В. Е. Ларичев. Новосибирск, 1992. 100 с.
14. Ларичев, В. Е. Синодические обороты планет в календарных системах древнекаменного века Сибири (мальтийская культура) / В. Е. Ларичев // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1991. С. 124–179.
15. Лелеков, Л. А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры / Л. Лелеков // Скифосибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1980. С. 118–125.
16. Марсадолов, Л. С. Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова / Л. С. Марсадолов // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1982. Вып. 47. С. 30–33.
17. Марсадолов, Л. С. Исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1992 году / Л. С. Марсадолов // Отчётная археологическая сессия : тез. докл. (Май, 1993 г.). СПб., 1993. С. 3–5.
18. Марсадолов, Л. С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до

начала 80-х годов XX века) / Л. С. Марсадолов. СПб., 1996. 100 с.

19. Марсадолов, Л. С. К вопросу о семантике кургана Аржан / Л. С. Марсадолов // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1989. Ч. 2. С. 33–35.

20. Марсадолов, Л. С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VII вв. до н. э. / Л. С. Марсадолов // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 62–66.

21. Марсадолов, Л. С. Комплексные исследования по программе «Новый центр Азии» / Л. С. Марсадолов, Ф. Б. Бакшт, В. Л. Горшков // Палеоэкология и расселение человека в Северной Азии и Америке : кр. содержание докл. междунар. симп. Красноярск, 1992. С. 298–300.

22. Марсадолов, Л. С. Новый центр Азии (географический или культурный?) / Л. С. Марсадолов // Новости степной археологии. 1994. № 4. С. 13–15 (на яп. яз.).

23. Марсадолов, Л. С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. / Л. С. Марсадолов // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997. С. 45–51.

24. Массон, В. М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи / В. М. Массон // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 1–8.

25. Потёмкина, Т. М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества / Т. М. Потёмкина // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы междунар. конф. СПб., 1996. С. 20–24.

26. Потёмкина, Т. М. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на террито-

рии России / Т. М. Потемкина, В. А. Юревич // Археoaстрономия: проблемы становления : тез. докл. междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. М., 1996. С. 109–114.

27. Потёмкина, Т. М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тыс. до н. э. / Т. М. Потёмкина // Археoaстрономия: проблемы становления : тез. докл. междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. М., 1996. С. 115–119.

28. Потемкина, Т. М. О некоторых актуальных проблемах эпохи неолита — ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) / Т. М. Потёмкина, В. Т. Ковалева // Рос. археология. 1993. № 1. С. 250–260.

29. Потёмкина, Т. М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе / Т. М. Потёмкина // Культуры древнейших народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала : тез. III междунар. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995. С. 144–154.

30. Раевский, Д. С. Зодиакальная символика на предметах Келермесского кургана / Д. С. Раевский // Археoaстрономия: проблемы становления : тез. докл. междунар. конф., 15–18 окт. 1996 г. М., 1996. С. 120–121.

31. Раевский, Д. С. Модель мира скифской культуры / Д. С. Раевский. М., 1985. 256 с.

32. Савинов, Д. Г. Синташта и Аржан / Д. Г. Савинов // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 170–175.

33. Фролов, Б. А. Числа в графике палеолита / Б. А. Фролов. Новосибирск, 1974. 239 с.

34. Юшкин, Н. П. Законы симметрии в минералогии / Н. П. Юшкин, И. И. Шафрановский, К. П. Янулов. СПб., 1987. 336 с.

И. В. Пьянков

АРКАИМ И ИНДОИРАНСКАЯ ВАРА

Руины степного «города», обнаруженные в местности Аркаим, представляют собой одну из интереснейших загадок истории. Каково было его назначение, какую роль он играл в жизни степных племён своего времени?

В поисках ответа на этот вопрос следует обратиться к ближайшим аналогиям. Ими являются, прежде всего, своеобразные культовые строения, круглые в плане, существовавшие в Средней Азии на протяжении очень длительного времени — от II тыс. до н. э. до эпохи эллинизма. Удивительную близость Аркаимскому комплексу обнаруживает, например, «круглый храм» Дашлы-3 (область Балха, конец I тыс. до н. э.). В связи с этим необходимо назвать и другие среднеазиатские памятники, такие, например, как Кутлуг-тепе, Жига-тепе. В качестве культовых центров они были тесно связаны и с погребальными обрядами. В Жига-тепе, одном из наиболее поздних памятников такого типа, была даже найдена греческая эпитафия с упоминанием Аида [16. С. 99]. Другими аналогиями можно считать известные памятники более поздних степных племён, такие как Аржан или Кой-Крылган-кала, тоже сочетавшие и культовые, и погребальные функции.

Памятники типа «круглого храма» Дашлы-3 (кроме самого Дашлы-3, также Кутлуг-тепе, Кой-Крылган-кала, Аржан) были убедительно отождествлены К. Йеттмаром [12. С. 192–193; 40. С. 220–227; ср.: 39. Р. 149–150; 41. S. 576–577] с авестийской варой, а сама вара

истолкована этим учёным как место ритуальных собраний. Автор данной статьи добавил к указанному списку Тоголок-21 и Жига-тепе [21], а затем ряд исследователей, большей частью независимо друг от друга, ввели в этот круг Аркаим и другие подобные ему памятники синташтинской культуры [4; 7. С. 79, 84; 17; 19; 43. Р. 309].

Вара в иранской мифологии является творением Йимы, а Йима/Яма у индоиранцев — первопредок и царь загробного мира. Резиденция Ямы, аналогичная варе, фигурирует и в индийской мифологической традиции [30. Р. 491], но иранская вара описана более выразительно, с большим количеством конкретных деталей, близких к реальности. К тому же в иранской традиции представлено как бы несколько этапов мифологизации вары: в Авесте, в пехлевийской литературе, в позднем иранском эпосе¹.

Конечно, уже и в Авесте вара Йимы — в целом мифологический образ: он введён в рамки эсхатологического мифа. Местонахождение вары перенесено в страну Арьяна-Вайджа (Видевдад, II, 20, 21), так как в авестийской традиции именно эта страна считалась родиной арьев, и место Йимы, прародителя арьев, естественно, могло быть

¹ Новейшие общие работы, касающиеся мифа о Йиме, в состав которого входит и описание вары, а также указания на предшествующую литературу, содержащуюся в этих работах, см.: [5. С. 347–348, 365; 23. С. 156–163, 174–178; 27. Bd. I. Р. 83–84, 92–96, 133; Bd. II. Р. 18, 19, 143, 167; 45. Р. 422–426].

только там. На самом деле предание о Йиме гораздо древнее представления об Арьяна-Вайдже как прародине. Арьяна-Вайджа в авестийские времена (VII–VI вв. до н. э.) являлась вполне реальной страной Средней Азии (бассейн Верхней Амударьи) [20. С. 30, 35], и лишь в позднеавестийской традиции она приобрела мифологические черты в результате того, что воспоминания о ней слились с мифом о Йиме. Результатом той же эволюции явилась характеристика прекрасной и «счастливой» Арьяна-Вайджи как крайне холодной страны, как своего рода «ледяного рая» (Видевдад I, 2, 3), удивлявшая многих исследователей. Видимо, к более древнему пласту мифа о Йиме восходит сообщение о том, что этот герой строил свои «селения и города» в «славной и счастливой» долине у горы Бакир [Бундахишн XII, с. 43; 23. С. 73, 176; 26. С. 278]¹.

Итак, если собрать воедино все указания первоначального мифа на место, где Йима соорудил свою вару, в том числе и те, которые позднее были использованы для характеристики Арьяна-Вайджи, и исключить из них заведомо сказочные моменты, то получится удивительно реалистичная картина суровой северной страны. Ещё более удивительно, что она в течение веков хранилась в памяти народа, жившего уже в совсем ином природном окружении.

Картина эта вполне соответствует природным условиям северных степей и лесостепей, включая и территорию распространения синташтинской культуры. Правда, указания на то, что в этой стране, в «сердце зимы», десять месяцев

длится зима, а лето — лишь два месяца², да и те холодны для воды, земли и растений (Видевдад, I, 3), равно как и намеки на «полярные» явления в стране Йимы (Видевдад, II, 40, 41), видимо, обязаны влиянию сведений о ещё более далёких северных землях [1. С. 65–66; 2. С. 343].

В остальном же перед нами типичная «пастушеская идиллия» северных степей и лесостепей. Летом многочисленные стада крупного и мелкого скота, охраняемые собаками, пасутся на всегда зеленеющих лугах с обильной травой, возможно, обустроенных и какими-то мелиоративными сооружениями; стада пасутся и в долинах рек, и на вершинах гор, и в совсем пустынных местах, но в случае надобности могут укрыться в огороженных убежищах. Но вот наступает зима с жестокими морозами, плывут тучи, хлопья снега покрывают глубоким слоем и вершины гор, и равнины. А когда зима кончается, снег тает и бурно текут воды, случаются наводнения. Глубокие снега особенно губительны для мелкого скота, поэтому после такой зимы чудом будет увидеть след овцы (Видевдад, II, 22–24, 26, 34; I, 3)³.

Но уже в Авесте наступление зимы в стране Йимы представлено как одна-актная мировая катастрофа. В пехлевийской версии о зиме совсем нет речи, её заменил «ливень Маркусан» [Меноги-Храд, XXVII, 28; 26. С. 101] в качестве грядущей

² Интерполяции в текст некоторых рукописей Видевдада замечания: «там семь месяцев лета, пять месяцев зимы» очевидно см.: [33. Р. 7. № 8; 32. Р. 23].

³ Переводы текста Видевдада с изложением мифа о Йиме см.: [22. С. 77–86 (переводы И. М. Стеблин-Каменского, К. Г. Залемана, А. А. Фреймана, И. С. Брагинского); 33. Р. 20–31]. Конец описания Арьяна-Вайджи в Видевдаде (I, 3) переводится по-разному. О многих наводнениях в конце зимы говорится в переводе Х. Бартоломе-Ф. Вольфа [44. С. 317] и в русских переводах, собранных в указанной книге И. В. Рак [22. С. 71, 73, 75]. По этому поводу см.: [32. Р. 23. № 2].

¹ Возможно, гора Арьяна-Вайджи именовалась также горою Койрас [Бундахишн, XII, 25; 26. С. 278; Кондрасп ?] — авестийская Кауриса (Яшт XIX, 1, 6). Весьма существенная деталь того же сообщения: в более поздние времена в крепости на этой горе поселился царь туров (т. е. скифов).

катастрофы в конце света, и весь сюжет приобрёл явные черты мифа о всемирном потопе [33. Р. 19–20]. Зима осталась лишь в описании Эранвежа, т. е. Арьяна-Вайджи [Меноги-Храд. XLIV. 17–23; 22. С. 71. Прим. 2].

Однако реальная основа описания страны Йимы полностью соответствует той картине сельскохозяйственной округи синташтинской «поселенческой системы», которая вырисовывается по данным археологии. Это и обширные пастбища, и стада скота того же состава, собаки, сезонные стоянки скотоводов с загонами для скота, каналы и плотины и т. д. [11. С. 15, 17; 10; 8].

Спасаясь от суровой зимы, жители страны Йимы и укрываются в варе (собств. «стена», «укрепление»). Вара описана в Авесте тщательно, со множеством вполне реальных деталей, что похоже на настоящую инструкцию по строительству подобных сооружений, вложенную, естественно, в уста Ахура-Мазды. Возможно, что текст этот и представлял собой инструкцию, передаваемую из поколения в поколение на протяжении веков, сначала устным путём.

Удивительно, насколько точно совпадает описание вары с руинами Аркаима. О совпадении строительной схемы, лежащей в основе как мифической вары, так и Аркаима, говорилось уже не раз. Мы имеем в виду три концентрических кольца стен (тоже «вары») и три главных радиальных улицы. Судя по мифу о Йиме, основное предназначение вары — спасение от зимы, т. е. она служила людям как сезонное убежище. И археологические данные наводят на мысль о том же относительно Аркаимского городища — «фортифицированного центра» [11. С. 11]. Интересно, что даже численность населения вары (1900 человек),

определяемая Видевдадом (II, 30, 38), примерно совпадает с предполагаемой населённостью Аркаима (две-три тысячи человек) [11. С. 10].

Внешняя окружность предназначалась для размещения коров и овец, которым были приготовлены «корма неисчерпаемые» (Видевдад. II. 25, 26, 33, 34). Это указывает на заготовку сена; и действительно, синташтинцы знали такое орудие труда, как серп для сенокосения, причём это было единственное их орудие труда, изготовленное из металла [11. С. 19]. Средняя окружность предназначалась для людей, а центральный круг — для «семян мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных огней пылающих» (Видевдад, II, 25, 33). Действительно, только соответствующие части городища Аркаим были застроены домами с выходами, обращёнными к центру круга.

Жилища вары, описанные в Видевдаде (II, 26, 30, 34, 38), во всех деталях соответствуют домам Аркаима [8; 9. С. 181–183]. Жилища вары имеют переднюю (*fravarem*) и внутреннюю, огороженную (*parivarem*) части и ещё какую-то деталь (*fraskembem*), толкуемую то как балкон, то как навес. Внутренняя часть — это хозяйственный отсек домов Аркаима, а последняя деталь, скорее всего, надстройка на кровле. Что же касается «двери-окна, освещающей самасобой», то это, конечно, входные отверстия на крыше аркаимских домов.

Строил же Йима вару из увлажнённой земли (*zemo*), которую он «топтал пятками и мял руками» (Видевдад, II, 31, 32) — обычный способ приготовления глинобитных блоков или сырцовых кирпичей [37. Р. 333–334]¹. Этому фак-

¹ Интересно, что Э. Херцфельд находит в авестийском описании этой техники лингвистические признаки того, что она восходит к доиранским (но индоиранским) временам.

ту традиция придавала большое значение, и ещё поздний иранский эпос помнил, что Джемшид, то есть Йима, первым приказал лепить кирпичи из увлажнённой глины и применять известь в строительстве стен [Шахнаме, 881–886; 25. С. 37]. И в Аркаиме стены возводились из глины с известью, использовались глинобитные блоки или сырцовый кирпич [9. С. 180–183].

Однако вара служила не только зимним убежищем. Выше мы уже говорили о многочисленных археологических соответствиях варе, имевших прежде всего культовое назначение. Археологи, исследующие Аркаимское поселение, отмечают сакральный характер также и этого памятника в целом [11. С. 15–16]. Местом культовых действий была площадь в самом центре поселения [8. С. 210; 9. С. 182, 184]. Видимо, здесь и совершались празднества в честь Йимы и других богов, длившиеся не один день и носившие оргиастический характер, с применением хаомы. Вара как место культовых действий была убедительно сопоставлена с «церемониальными центрами» нуристанских «кафиров», современных поклонников Йимы, известного у них как Имра [40. С. 225]. Такой центр мог быть просто открытой площадкой на территории селения, где совершались экстатические танцы со специальными обрядовыми жезлами и топорами в руках [12. С. 73, 123, 132], напоминающими культовые «лопаточки», булавы и топоры синташтинцев [11. С. 50–59]. Главным праздником поклонников Йимы был день весеннего равноденствия, Навруз по-новоперсидски. То, что этот праздник учреждён Джемшидом, знал позднейранский эпос [Шахнаме, 907–924; 25. С. 38], а сам праздник на протяжении веков сохранял много очень древних черт [18. С. 59–77].

Вообще, соотношение реалий Аркаима и других памятников синташтинской культуры с материалами мифа о Йиме/Яме/Имре и культовыми традициями поклонников этого божества вплоть до обрядности нуристанских «кафиров» нового времени нуждается в дальнейшем изучении, которое может дать очень много интересных наблюдений для реконструкции религиозной жизни как синташтинцев, так и вообще древних индоиранцев. Это касается, например, связи Йимы и его вары с культом предков, смерти и возрождения, с культом огня и солнца, истории погребальных обрядов и обрядов жертвоприношений и др.¹

То же самое, т. е. изучение синташтинских памятников в сопоставлении с материалами мифа о Йиме и более широким кругом информации о древних индоиранцах, может много дать для реконструкции общественной жизни. Что касается мифа о Йиме, то он может быть использован при определении общего характера и уровня развития синташтинского общества: в варе Йимы живут счастливые люди «золотого века» (ср. синташтинские материалы: [11. С. 8, 9, 68–80]); при определении характера и уровня стратификации синташтинского общества: Йима учредил четыре сословия (ср. синташтинские материалы: [Там же. С. 61]). По-видимому, мы можем говорить, по крайней мере, о двух выделившихся социальных слоях синташтинцев: жрецах и воинах.

Вполне определённо выступает воинское сословие. Оно выразительно характеризуется таким вещевым комплексом, как боевая колесница, запряжённая лошадьми, боевые топоры, копья, стрелы

¹ Попытку связать миф о Йиме-Яме и варе с культом огня, солнца и погребальным обрядом древних индоиранцев (на наш взгляд, не во всём удачную) см.: [15. С. 11–15].

с металлическими и каменными наколочниками [11. С. 57–59]. Это, несомненно, те «колесничие» (*rathaištar-), которые выделились в качестве особого слоя ещё в протоиндоиранское время.

Но особенно интересно то, что синташтинские погребения «колесничих» сопровождаются орудиями кузнечного дела и кусками руды [9. С. 185]. В Аркаиме и его округе обнаружены многочисленные следы металлургического производства: печи, рудники [8. С. 210; 9. С. 184–185]. Известно, что металлургия у индоиранцев часто носила характер культового действия, и её тоже возводили к Йиме, а кузнецы занимали высокое общественное положение, будучи связаны и с воинской кастой, и с царской властью. Ещё поздний иранский эпос помнил, что Джемшид научил людей добывать камни-«самоцветы» и металлы из руды, а «размягчая металл над жарким огнём», выковывать оружие и броню «для бойцов и коней» [Шахнаме, 831–834, 890–893; 25. С. 35, 37]. И нуристанские «кафиры» связывают с Имрой месторождения металла [12. С. 67]. А индоиранское представление о «власти» (*kšatra-), неразрывно связанное с воинским сословием, ассоциировалось с металлом и специально с оружием из металла [6. С. 34, 35, 211], а первоначально, видимо, из камня [28. Р. 935]¹. Но всё это лишь вводит нас в интереснейшую и пока ещё мало разработанную тему: воины и цари — кузнецы древнеиранского мира.

Наконец, определение памятников типа Аркаима как культового объекта, посвящённого Йиме/Яме, позволяет сделать некоторые выводы и в области этнической истории. Хотя образ Йимы/Ямы играет большую роль в мифологии

и иранцев, и индийцев, центральное место он занимает, под именем Имра, лишь в мифологии нуристанских «кафиров»; у них же до сих пор сохранились воспоминания о культовых сооружениях типа вары [40. С. 226–227]. Всё это позволяет вновь вернуться к давно уже поставленному вопросу [31. Р. 126–133, 139, 140; 34. С. 57–62; 35. Р. 47–49 и др.] о доиранском слое индоиранского населения как Средней Азии, так и евразийских степей и его исторических судьбах.

В трактовке автора настоящей работы — это проблема первой волны расселения древнейших индоиранцев [20. С. 37–38]. Гипотетическая реконструкция соответствующих событий в археологическом плане вкратце выглядит так. В каспийских и причерноморских степях в конце III — начале II тыс. до н. э. обитали племена катакомбной культуры, которые по ряду признаков могли быть индоиранскими. К началу II тыс. до н. э. памятники, близкие катакомбным, стали распространяться далеко на юг, вплоть до Афганистана. Ко второй четверти II тыс. до н. э. катакомбная культура в степях исчезает, но зато в то же время происходят большие изменения в культуре земледельческих оазисов Средней Азии: прежняя высокоразвитая протогородская цивилизация исчезает, а на смену ей приходят иные, более архаичные на первых порах, культуры так называемого бактрийско-маргианского комплекса (Намазга VI, Сапалли, Дашлы). Они сочетают традиции более древних земледельческих культур с инновациями, привнесёнными, видимо, из степей. Другие племена — потомки катакомбников продолжали вести в Средней Азии прежний, степной, пастушеский образ жизни. Они, очевидно, оставили памятники бишкентской и вахшской культур.

¹ Более детально об этом см.: [42. Р. 114–116, 127–133].

Было обращено внимание на связь «бактрийско-маргианского комплекса» с культурой нуристанских «кафиров» [12. С. 193]. Этот народ, ныне обитающий только по южным склонам Гиндукуша, ещё в средние века занимал значительно большие территории; по-видимому, он является последним остатком древнейших индоиранцев, не разделившихся на индийскую и иранскую ветви. Если так, то намеченная выше археологическая история первой волны расселения индоиранцев и будет представлять основные вехи истории далёких предков нуристанских «кафиров». И в мифе о Йиме — как мы знаем, главном боге этого народа — рассказывается, что он трижды расширял землю в южном направлении, в полуценную сторону, когда не хватало пастбищ для пастухов (Видевдад, II, 8–19). В культурном же отношении нуристанских «кафиров» объединяет с их археологическими предками не только такой феномен, как вара, но и очень своеобразный обряд «оставления» покойника на древней поверхности с оградой в виде какого-либо надземного сооружения (не путать с обрядом «выставления» трупа хищным животным). Этот обряд был повсеместно распространён среди нуристанских «кафиров» нового времени и соблюдался их предками во времена Александра Македонского; вместе с тем он всё более определённо фиксируется археологически как раз для очерченного выше круга культур индоиранцев «первой волны».

Всё это подводит к мысли, что синташтинская культура (XVIII–XVI вв. до н. э.¹) с её варами и аналогичным погребальным обрядом входит в тот же круг и является культурой одного из поздних степных анклавов

«индоиранцев первой волны». Очевидно, эти индоиранцы расселялись из какого-то пока ещё не определимого степного центра² не только в южном направлении, но и в северном — в лесостепи Южного Урала и Юго-Восточной Европы³. В связи с этим требует своего истолкования и появление индоиранцев — современников синташтинцев — в Передней Азии.

Видимо, эти древнейшие индоиранцы в конце концов были поглощены более поздними иранскими племенами — в степях последние представлены петровско-алакульской культурой, а в оазисах Средней Азии — культурой поздней расписной керамики (Яз I), очень метко названной её первыми исследователями культурой «эпохи варварской оккупации». Свою культуру сохранили — как это нередко бывает — лишь те слои древнейших индоиранцев, которые были связаны с культом. Это и были поклонники Йимы и дэвов: усиги, кави и карапаны [ср. 31. Р. 128–133] — бактрийские кавиры и корибанты. Заметим, что Йима выступает в качестве повелителя

² Конечно, в поисках этого центра следует учитывать и данные более ранних лесостепных культур, таких как ташковская с её круговыми поселениями [13. С. 11–38, 68–77].

³ В последнее время некоторые археологи [3. С. 78–96; 24. С. 273–277] реконструируют расселение древних индоиранцев по маршрутам, которые прямо противоположны реально возможным и многократно исторически засвидетельствованным, игнорируя при этом элементарнейшие исторические факты. У первого исследователя индоиранские амореи (!) покидают пустыни Северной Месопотамии и стремительным маршем переселяются на Южный Урал, где и представлены синташтинцами. У второго почему-то совсем исчезают эламиты, создатели одной из древнейших и мощных цивилизаций Западной Азии, а их место фактически занимают сконструированные им «индоиранцы». Всё это производит прямо-таки анекдотическое впечатление. Надо сказать, что обе концепции «вдохновлены» теорией известных лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, столь же фантастичной в своей исторической части.

¹ По традиционным для археологии подходам.

дэвов, кави и карапанов также в иранской эпической традиции. Возможно, что это древнее жреческое сословие [29. Р. 62–63; 36. Р. 157] и группировалось вокруг поздних вар. Последние в условиях Средней Азии, конечно, перестали выполнять функции зимних убежищ, но сохранили культовое значение, связанное, прежде всего, с погребальными обрядами.

С этим древним жречеством боролся Заратуштра, а позднее, при Сасанидах, когда зороастризм стал канонизированной государственной религией, последние приверженцы «дэвовского» культа с их варами были, видимо, окончательно уничтожены. Однако мифология иранцев восприняла образ Йимы, хотя так до конца и не адаптировала его, что заметно по традиции о «грехе» Йимы, а точнее, его приверженцев. Грех этот, видимо, заключался в злоупотреблении опьяняющими напитками и массовых кровавых жертвоприношениях скотом. Интересно, что и археологи характеризуют синташтинский обряд жертвоприношения скотом как избыточный до иррациональности, отличающийся от всех предшествующих и последующих эпох [14. С. 256; 9. С. 186]. Прослеживается в иранской традиции и отрицательное отношение к вару [38. С. 651].

Такова вара Йимы и её история в свете археологических реалий и в контексте истории древнейших индоиранцев. На этом можно было бы и кончить, но у наших оппонентов неожиданно возник вопрос: а можно ли вообще искать вару Йимы — ведь это всё равно, что искать, например, ковчег Ноя. Если бы не этот вопрос, то нам и в голову бы не пришло, что нашу задачу можно понять так наивно: «искать» «ту самую» вару «того самого» Йимы. Нам казалось, что не нужно специально пояснять, что

мифическая вара в данном случае — собирательный образ, а наша задача — сопоставить и синтезировать скрытые в мифе реалии — с одной стороны, археологические реалии — с другой, которые, так сказать, сами «находят» друг друга. Не хотелось бы также повторять прописные истины о ценности мифа как исторического источника. Наша задача — реконструировать и понять конкретный по месту и времени момент исторической реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бонгард-Левин, Г. М. От Скифии до Индии / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. М. : Мысль, 1983.
2. Грантовский, Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. М. : Наука, 1970.
3. Григорьев, С. А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. / С. А. Григорьев // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 78–96.
4. Гуревич, Л. Л. О круглых городах древних иранцев / Л. Л. Гуревич // Зоны и этапы урбанизации : тез. докл. регион. конф. Ташкент : Фан, 1989. С. 48–49.
5. Дрезден, М. Мифология древнего Ирана / М. Дрезден // Мифология древнего мира. М. : Наука, 1977. С. 337–365.
6. Дюмезиль, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. М. : Наука, ГРВЛ, 1986.
7. Зданович, Г. Б. Архитектура поселения Аркаим / Г. Б. Зданович // Маргулановские чтения – 1990 : сб. материалов конф. Ч. I. М. : Наука, 1992. С. 79–84, 242–243.
8. Зданович, Г. Б. Укрепленные центры «Страны городов» Южного Зауралья / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 210–211.
9. Зданович, Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность / Г. Б. Зданович // Взаимодействие кочевых

культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 179–189.

10. Зданович, Г. Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / Г. Б. Зданович // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 42–43.

11. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. : Центр «Аркаим» : Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 1997.

12. Йеттмар, К. Религии Гиндукуша / К. Йеттмар. М. : Наука, 1986.

13. Ковалёва, В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II / В. Т. Ковалёва. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1997.

14. Косинцев, П. А. Животные в погребальном обряде населения Урало-Поволжья в начале II тыс. до н. э. / П. А. Косинцев // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 255–257.

15. Лелеков, Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. / Л. А. Лелеков // История и культура народов Средней Азии. М. : Наука, 1976.

16. Литвинский, Б. А. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии / Б. А. Литвинский, Ю. Г. Виноградов, И. Р. Пичилян // Вестн. древн. истории. 1985. № 4. С. 84–110.

17. Медведев, А. П. Авестийский «город Йимы» в историко-археологической перспективе / А. П. Медведев // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 283–285.

18. Негмати, А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков / А. Э. Негмати. Душанбе : Дошиш, 1989.

19. Пьянков, И. В. Аркаим и индоиранская вара / И. В. Пьянков // Комплексные

общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 280–281.

20. Пьянков, И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии / И. В. Пьянков // Восток. 1995. № 6. С. 27–46.

21. Пьянков, И. В. Тоголок-21 и пути его исторической интерпретации / И. В. Пьянков // Вестн. древн. истории. 1989. № 1. С. 179–181.

22. Рак, И. В. Авеста в русских переводах (1861–1996) / И. В. Рак. СПб. ; М. : Нева : Летний Сад, 1998а.

23. Рак, И. В. Мифы древнего и ранне-средневекового Ирана / И. В. Рак. СПб. ; М. : Нева : Летний Сад, 1998.

24. Сарияниди, В. И. Первые индоиранцы в Центральной Азии / В. И. Сарияниди // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 273–277.

25. Фирдоуси. Шахнаме : в 6 т. / Фирдоуси ; Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1957.

26. Чунакова, О. М. Зороастрийские тексты / О. М. Чунакова. М. : «Вост. лит.» РАН, 1997.

27. Boyce, M. A History of Zoroastrianism : in 2 bd. / M. Boyce. Leiden–Köln : Brill, 1975; 1982.

28. Boyce, M. Ameša Spenta / M. Boyce // Encyclopaedia Iranica. 1985. Vol. I, fasc. 9. P. 933–936.

29. Boyce, M. Avestan people / M. Boyce // Encyclopaedia Iranica. 1987. Vol. III, fasc. 1. P. 62–66.

30. Breal, M. De la géographie de l'Avesta / M. Breal // J. Asiatique. 1862. T. XIX. P. 82–497.

31. Burrow, T. The Proto-Indoaryans / T. Burrow // J. of the Royal Asiatic Society. 1973. № 2. P. 123–140.

32. Christensen, A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes / A. Christensen. Kobenhavn, 1943.

33. Darmesteter, J. Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire hist / et philol. par J. Darmesteter. Vol. II. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1960. (Repr.: Paris, 1892–1893).

34. Frye, R. N. *The Heritage of Central Asia* / R. N. Frye. Princeton : M. Wiener Publishers, 1998.
35. Frye, R. N. *The History of Ancient Iran* / R. N. Frye. Munich : Beck Verlag, 1983.
36. Gnoli, G. *Zoroaster's time and homeland* / G. Gnoli. Naples, 1980.
37. Herzfeld, E. E. *Zoroaster and his world* / E. E. Herzfeld. Princeton, 1947.
38. Jackson, A. V. W. *Die iranische Religion* / A. V. W. Jakson // *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. II. Strassburg, 1974. S. 612–708. (Repr.: Strassburg, 1896–1904).
39. Jettmar, K. *Cultures and Ethnic Groups West of China in the II and I Mill. B. C.* / K. Jettmar // *Asian perspectives*. 1981. Vol. XXIV, № 2. P. 145–162.
40. Jettmar, K. *Fortified «ceremonial centres» of the Indo-Iranians* / K. Jettmar // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности*. М. : Наука, 1981. С. 220–229.
41. Jettmar, K. *Sibirien und die Steppen Asiens* / K. Jettmar // *Die illustrierte Weltgeschichte der Archäologie*. München : Südwest Verlag, 1979. S. 572–585.
42. Narten, J. *Die Ameša Spentas im Avesta* / J. Narten. Wiesbaden, 1982.
43. Steblin-Kamensky, I. M. *Avestan kemə-čit̥ paiti čaθrušanam* / I. M. Steblin-Kamensky // *East and West*. 1995. Vol. XLV, № 1–4. P. 307–310.
44. Wolff, F. *Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen*. Übers. / auf der Grundlage von Ch. Bartholomae's *Altiranischem Wörterbuch* von F. Wolff. Berlin : De Gruyter, 1960. (Repr.: Strassburg: Trübner, 1910).
45. Yarshater, E. *Iranian National History* / E. Yarshater // *The Cambridge history of Iran*. Vol. III (1). Cambridge etc., 1983. P. 359–480.

А. К. Кириллов, А. Ю. Румянцев

САРЫМ-САКЛЫ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ АРКАИМСКО-СИНТАШТИНСКОГО ТИПА С ПОЗИЦИЙ АРХЕОАСТРОНОМИИ

Поселение Сарым-Саклы расположено на территории Челябинской области (Кизильский район) на правом берегу р. Зингейка в 7,5 км к северо-востоку от пос. Кацбахский и в 2 км к юго-западу от пос. Заря. Точные координаты центра поселения определены из измерений GPS-приёмника и составляют: широта — $53^{\circ}00'01,9''$, долгота — $59^{\circ}42'31''$. Высота над уровнем моря равна 373,3 м.

Окрестности Сарым-Саклы в бронзовом веке были плотно заселены. В 1,3–1,5 км ниже по течению реки находятся неукреплённые поселения Заря I и Лебяжье VI. Выше по течению расположено поселение Заря XI. Результаты раскопок позволяют отнести указанные поселения к памятникам срубно-алакульского типа [4; 3].

Укреплённое поселение Сарым-Саклы имеет округлую форму и целостную систему фортификаций и по своей планировке в первом приближении аналогично поселению Аркаим. На аэрофотоснимках (дешифровка И. М. Батаниной) хорошо читаются три кольца оборонительных стен — два внешних и одно внутреннее. Диаметры внешних колец 130 и 112 м. Стены разделяются узким прогибом (рвом) шириной от 3 до 7 м. Почти по всему периметру наружной стены фиксируется прогиб обводного рва, достигающего в своём максимуме ширины 7–8 м. Диаметр внутреннего, менее сохранившегося кольца

фортификаций составляет 40–50 м. Между внешней и внутренней линиями концентрических фортификаций наблюдаются остатки четырёх радиальных стен, ориентированных по сторонам света. К радиальным стенам привязаны разрывы в кольцевых фортификационных сооружениях — основные входы в посёлок. Согласно аэрофотоснимкам количество жилищ во внешнем круге — 31, во внутреннем — 8. Территория во круг укреплённого центра активно освоена, фиксируются следы вынесенных вонне хозяйственных объектов (построек, загонов для скота), искусственных водотоков и плотин [2. С. 137–144].

Шурфовка памятника и подъёмные сборы показали наличие керамики аркаимско-синташтинского типа. Отдельные мелкие фрагменты можно отнести к эпохе поздней бронзы [2. С. 143–144].

Археоастрономические исследования на укреплённом поселении Сарым-Саклы проводились в период с 1999 по 2004 г. Основная цель исследований: проверка гипотезы о существовании у жителей городища солнечного календаря и поиски артефактов на астрономически значимых направлениях, фиксирующих восходы и заходы Солнца в дни равноденствий и солнцестояний. Расчёт азимутов точек восхода и захода небесных светил (Солнца, Луны) основан на формуле сферической астрономии для косинуса азимута:

$$\cos a = \frac{\sin \delta - \sin \varphi \cdot \sin h}{\cos \varphi \cdot \cos h},$$

где a — геодезический азимут; δ — склонение светила на момент наблюдения; φ — широта точки, в которой находится наблюдатель; h — высота светила над горизонтом в момент наблюдения, которая вычисляется по следующим формулам с учётом атмосферной рефракции ρ и суточного параллакса p : $h = R - \rho + p + h_{\text{зоп}}$ — для нижнего края светила; $h = -R - \rho + p + h_{\text{зоп}}$ — для верхнего края светила. Склонение Солнца в течение года изменяется в пределах $\delta = \pm \varepsilon$, где ε — угол наклона небесного экватора к эклиптике. Фиксация на местности точек восхода и захода Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояния, когда склонение Солнца равно $+\varepsilon$ и $-\varepsilon$ соответственно, позволяет датировать археологические памятники. Впервые такие исследования провел Локьер для известного мегалитического памятника Великобритании — Стоунхенджа. Лунно-солнечная прецессия приводит к изменению угла ε со временем, и, как следствие, точки восходов Солнца в дни солнцестояний смещаются по горизонту. Решение задачи датировки памятников возможно достаточно точно, если мы уверены, что он использовался для астрономических наблюдений и является аналогом пригоризонтной обсерватории, подобно Стоунхенджу. Датировку древних обсерваторий можно делать и при фиксации точек восхода (или захода) Луны в её предельных положениях к точкам севера («высокая северная Луна») или юга («высокая южная Луна»), если в эти моменты она имеет склонения $\delta_c = \pm(\varepsilon + i)$ где i — угол наклона орбиты Луны к небесному экватору. Однако точность в этом варианте будет ниже, чем по Солнцу. Отметим,

что задачу датировки археологических памятников можно решать только при непосредственных измерениях на местности с помощью теодолита с учетом высоты горизонта на астрономически значимых направлениях и привязки азимутов к Полярной звезде.

История исследования памятника. Впервые экспедиция по исследованию поселения Сарым-Саклы с целью поиска артефактов, имеющих археoaстрономический смысл, была организована под руководством профессора Магнитогорского государственного университета (МаГУ) А. Ю. Румянцева в 1999 г. В ней приняли участие студенты МаГУ, члены астрономического кружка «Экополис» и школьники. С 16 по 23 июня на четырёх из шести астрономически значимых направлениях были обнаружены менгиры (отдельные грубоотесанные трёхгранные, заостряющиеся к обоим концам, когда-то стоящие вертикально камни размерами от 1,8×0,6 м до 4,5×0,8 м) на направлениях восхода Солнца в день летнего солнцестояния и равноденствий и курганы в направлениях восхода и захода Солнца в день зимнего солнцестояния (рис. 1).

В 3 км к юго-востоку от поселения на высоте 405,1 м была обнаружена группа из восьми курганов, пять из которых располагались по прямой линии с точностью до одного градуса. У вершины холма с высотой 419,1 м к северо-востоку от городища обнаружена группа лежащих трёхгранных, заостряющихся к концам камней (не менее 6) длиной от 4,5 до 10 м, часть которых могла быть менгирами, фиксирующими направления на точки восхода Солнца и Луны. На памяти местных жителей некоторые из них находились в стоячем положении ещё 20–30 лет назад. Избыточно большое число менгиров в этом направлении вызвало

предположение о существовании на холме «святилища» или иного сооружения, функционально использовавшегося в астрономических наблюдениях в древности. Был обнаружен также менгир (1,2×0,6 м) в одном километре к западу от поселения Сарым-Саклы. Этот объект был известен археологам давно, так как он связан с поселением эпохи бронзы Лебяжье VI. В этот сезон была проведена предварительная топографическая съёмка менгиров и курганов с помощью теодолита ТТ5.

Основная цель экспедиции «Сарым-Саклы-2000», проводившейся с 28 апреля по 2 мая, — топографическая съёмка вершины холма 419,1 м (у отметки 414,2) и изучение объекта, получившего название «святилище». В ходе работы подтвердилось его древнее происхождение. По конструкции «святилище» представляет собой двойной круг, не превышающий по размерам 5 м, выложенный камнями. Смещение центров окружностей создаёт общую ориентацию объекта в северо-восточном направлении (рис. 2).

Близ вершины холма на расстоянии 300 м от «святилища» было найдено ещё несколько «подозрительных», заостряющихся к обоим концам каменных глыб. Однако не удалось ни доказать, ни опровергнуть искусственность их происхождения и астрономического назначения.

Исследования были продолжены 24–29 июня. Основной целью работ была подробная топографическая съёмка артефактов на всех астрономически значимых направлениях. Угловые измерения проводились (азимут и высота) из центра городища теодолитом ТТ5. Погодные условия не позволили сделать точную привязку результатов измерений к меридиану. Измерения подтвердили существование астрономически значимого направления на вершину холма 401,7 м с курганом (предположительно точка захода Солнца в день зимнего солнцестояния). Здесь в 70 м от кургана обнаружена куча камней высотой до 1,2 м.

По итогам экспедиций 1999 и 2000 гг. сделан вывод о возможности ведения

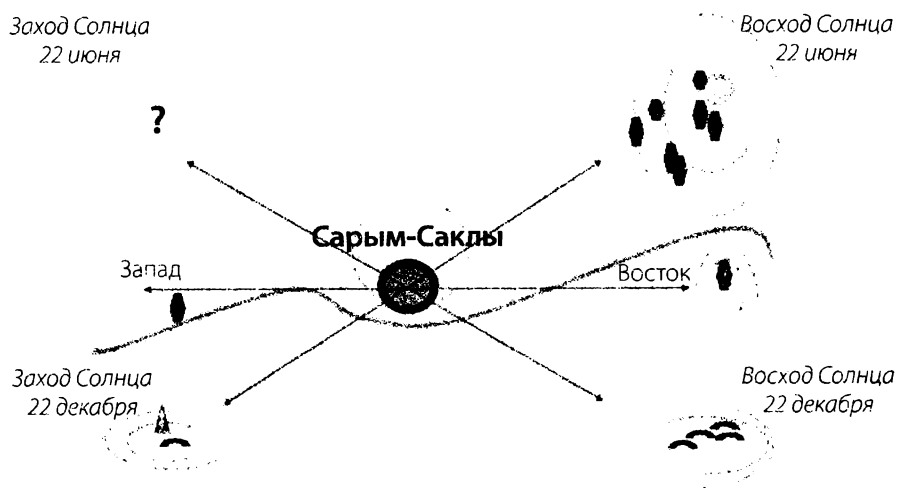

Рис. 1. Схема расположения артефактов близ городища Сарым-Саклы

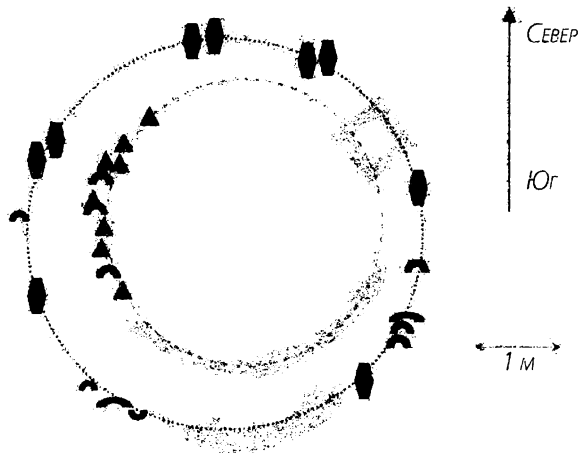

Рис. 2. Общая схема «святылища»

солнечного календаря при наблюдении восходов и заходов Солнца из центра городища Сарым-Саклы. Однако остался открытым вопрос о существовании реперов в направлении захода солнца в день летнего солнцестояния. Не ясно, какой из курганов из группы на юго-восточном направлении отмечал точку восхода солнца в день зимнего солнцестояния. Требовалось объяснить избыточное число потенциальных артефактов в северо-восточном направлении. Оказалось, что здесь в результате хозяйственной деятельности (горных разработок) пострадал западный склон холма 393,3 м, был полностью уничтожен менгир, указывающий на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния.

Новый этап археоастрономических исследований поселения Сарым-Саклы начался в 2001 г., когда к экспедиции МаГУ присоединился А. К. Кириллов, директор Астрокомплекса ЧГПУ. Измерения проводились 29 апреля — 2 мая с теодолитом 2Т30П. По измерениям азимута Полярной звезды были определены истинные и магнитные

азимуты различных точек горизонта и менгиров, наблюдаемых с поселения. Первоначально, измерения проводились из точки № 1, расположенной в южной части внутреннего кольца. Она рассматривалась как наиболее вероятное место наблюдателя, из которого в древности проводились наблюдения восходов и заходов солнца. Однако в последующем все измерения и привязки точек горизонта были выполнены из точки № 2, которая является практически геометрическим центром конструкции городища. Кроме того, оказалось, что она, совместно с восточным менгиром, расположенным на 2 км к востоку (холм с высотой 394,8 м), фиксирует направление географической параллели.

Предполагалось также наличие «лунных» азимутов. Поэтому, с учётом предварительно вычисленных азимутов восхода и захода как Солнца, так и Луны на эпоху 1750 г. до н. э., проводились измерения высоты горизонта и азимутов направлений восходов и заходов этих светил для избранных значений их склонения. Целью измерений была проверка предполагаемых ранее соответствий

артефактов и деталей горизонта астрономически значимым событиям.

Тогда же были проведены измерения ориентации ряда курганов на высоте 405,1 м к юго-востоку от поселения. Предполагалось, что это направление соответствует точке восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Поскольку измерения проводились в дневное время, азимуты найдены по измерению положения Солнца.

Наибольшая трудность привязки объектов к астрономически значимым направлениям имеется для азимутов восходов светил, так как здесь горизонт в настоящее время закрыт деревьями. Это относится к северо-восточному (восход Солнца в день летнего солнцестояния) и юго-восточному направлениям (направление на высоту 405,1).

Результаты исследований весны 2001 г. оказались не слишком утешительны. Совершенно определённо можно считать, что восточный и западный менгиры могли использоваться для определения дат весеннего и осеннего равноденствия по наблюдениям восхода и захода солнца над этими менгирами. Зафиксирован один «лунный» азимут, соответствующий вершине холма 419,1 м и совпадающий с точкой восхода «высокой северной» Луны при склонении $\delta_{\zeta} = +(\epsilon + i)$. Не оправдались надежды для холма 401,7 м к юго-западу как предполагаемой точки захода Солнца в день зимнего солнцестояния. Оказалось, что он расположен почти на два градуса севернее вычисленного значения. Не были зафиксированы какие-либо детали горизонта, соответствующие направлению захода Солнца в день летнего солнцестояния. Не удалось вычислить точно азимуты восхода Солнца в день летнего и зимнего солнцестояний, поскольку

горизонт в этих направлениях закрыт деревьями.

В 2003 г. кратковременные экспедиции в район поселения Сарым-Саклы были предприняты 2–3 мая и 28 июня. В мае А. К. Кириллов и А. Ю. Румянцев совместно провели детальную теодолитную съёмку на холме 405,1 м, где расположены курганы и геодезический знак на высоте 412,5 м к юго-востоку от поселения, а также была проведена привязка святилища и менгиров в его окрестности к северо-востоку от Сарым-Саклы. Истинные азимуты найдены по измерению положения Солнца. Благодаря выгоревшей к тому времени траве близ высоты 405,1 м обнажилось множество курганов (свыше 17), а также нагромождений камней из кварцита. Стало понятно, что измерения с теодолитом не позволят точно определить азимуты восхода Солнца в дни солнцестояний, так как деревья мешали прямому визированию на центр поселения Сарым-Саклы. Один важный результат был получен при измерениях на высоте 405,1 м: азимут ряда основных курганов равен $76^{\circ}38'$. Это значение существенно отличается от $68^{\circ}46'$, связанного с делением окружности по правилу «золотого сечения». Возможность использовать новый подход для решения задач археоастрономии была предпринята 28 июня благодаря Е. А. Чибилеву, который доставил в район поселения Сарым-Саклы А. К. Кириллова и студентку Уральского госуниверситета Ю. Никитонову, выполняющую магистерскую диссертацию «Астрометрические исследования памятников древней культуры Южного Зауралья». Были проведены определения точных координат с помощью GPS-приёмника таких объектов, как менгир у поселения Лебяжье, центр поселения Сарым-Саклы, «святилище» и площадка

с менгирами, расположенной на этой же высоте. Вычисление азимутов направлений, связывающих эти объекты, показало, что «святилище» не связано с точкой восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Все измеренные координаты и вычисленные азимуты визирования из центра поселения Сарым-Саклы (по итогам 2004 г.) приведены в табл. 1. При расчётах использовалась программа, составленная О. Митиным, в которой методами высшей геодезии, учитывающими форму референц-эллипсоида Земли, определялись расстояния между точками

на поверхности Земли $S = \sqrt{\Delta\varphi_m^2 + \Delta\lambda_m^2}$

и азимуты $a = 90^\circ - \arccos\left(\frac{\Delta\lambda_m}{S}\right)$, где

$\Delta\varphi_m = \Delta\varphi \cdot l_\varphi$, $\Delta\lambda_m = \Delta\lambda \cdot l_\lambda$ (т. е. разность широт (долгот) в минутах умножается на количество метров в минуте на данной широте (долготе) для данной модели референц-эллипсоида) [1].

Археоастрономические исследования в 2004 г. проводились А. К. Кирилловым 1–3 мая в рамках Степной археологической экспедиции (САЭ-2004) под научным руководством Ф. Н. Петрова

с применением теодолита 2Т30 и GPS-приёмника, а также в течение одних суток 20–21 июня с целью окончательной привязки всех измерений по наблюдениям восхода и захода Солнца в день летнего солнцестояния с помощью теодолита. В связи с изменением магнитного склонения за последние годы были вновь определены азимуты интересных для наших исследований точек горизонта. Наблюдение Полярной звезды проводилось в общей сложности пять раз в различные моменты времени, чтобы исключить возможные промахи при измерениях и расчётах её азимута. Получено среднее магнитное склонение $M = 9^\circ 44'$. Окончательные значения азимутов точек горизонта по итогам измерений 2004 г. даны в табл. 2.

С помощью GPS-приёмника были определены координаты и вычислены азимуты ряда точек, недоступных непосредственному визированию из центра городища. В первую очередь, это относится к высотам, видимым на горизонте в северо-западном направлении, выходам и нагромождениям камней на высоте 405,1 м и в окрестности геодезического

Таблица 1

Событие	Склонение	Высота горизонта	Азимут
Восход Солнца в день летнего солнцестояния	23,87°	43'	48°38'
Заход Солнца в день летнего солнцестояния		60'	311°41'
Восход Солнца в день зимнего солнцестояния	-23,87°	32'	132°17'
Заход Солнца в день зимнего солнцестояния		47'	227°38'
Восход Солнца в день весеннего и осеннего равноденствий	0°	38,5'	89°27'
Заход Солнца в день весеннего и осеннего равноденствий		20'	269°24'
Восход «высокой» Луны	29,02°	47'	39°35'
	-29,02°	36'	146°49'
Восход «низкой» Луны	18,72°		
	-18,72°	32'	124°16'
Заход «высокой» Луны	29,02°	60'	320°57'
	-29,02°	40'	214°16'
Заход «низкой» Луны	18,72°	40'	300°52'
	-18,72°	49'	236°05'

Таблица 2

Край диска Луны	Азимуты точек захода	
	Наблюдения	Вычисления
Нижний	-50°05'	-50°06,5'
Верхний	-49°13'	-49°11'

знака на высоте 412,5 м. В первом из указанных направлений на точку захода Солнца в день летнего солнцестояния были обнаружены выходы горных пород. Искусственность их происхождения невозможно доказать. Однако именно здесь можно было наблюдать заход Солнца начиная с XVI в. до н. э. Предельное к северу положение камней, расположенных в окрестности высоты 381,2 м, соответствует касанию верхнего края диска Солнца в момент захода светила при наблюдении его из центра Сарым-Саклы в 1500 г. до н. э. Если переместиться в точку № 1, расположенную на внутреннем круге кольцевой стены городища, эпоху проведения наблюдений можно отнести к 1600 г. до н. э.

По данным, полученным с помощью GPS-приёмника, выявлено, что могильник с курганами, расположенными по прямой линии на высоте 405,1 м, находится вне азимута восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. В табл. 1 указаны даты восхода Солнца (по современному календарю), в которые можно было наблюдать восходы Солнца в эпоху 1500 г. до н. э. Все они отстоят от дня зимнего солнцестояния не более чем на один месяц. Такие же расчёты, выполненные с помощью компьютерной программы REDSHIFT-4, сделаны для двух высот с курганами на вершинах, в том числе и высоты 401,7 м, подозреваемой как точка захода Солнца в день зимнего солнцестояния.

При расчётах многих вариантов были обнаружены «лунные» азимуты. Один из них уже упоминался. Это восход «высокой северной Луны» с азимутом,

совпадающим с вершиной холма 419,1 м. Второй азимут может соответствовать направлению на восход «низкой южной Луны» по азимуту 125°29', где расположено скопление кварцитов. Не были обнаружены реперы восхода и захода «высокой южной Луны», однако наличие таких объектов в виде курганов или нагромождений камней не исключается.

Впервые при изучении Сарым-Саклы выявлены два «лунных» азимута, которые можно использовать для предсказания лунных и солнечных затмений. Они соответствуют восходам и заходам Луны при склонении $\delta_{\zeta} = \pm \varepsilon$, где ε — угол наклона небесного экватора к эклиптике. При положительном знаке восход Луны в полнолунии предвещает наступление лунного затмения вблизи дня зимнего солнцестояния, а заход полной Луны при отрицательном значении ε позволяют предсказать затмения вблизи дня летнего солнцестояния. Первый азимут $\alpha = 50^{\circ}06'$ соответствует направлению на вершину холма 419,2 м, расположенного севернее «святилища». Направление на «святилище» может соответствовать вступлению Луны в полосу затмений в окрестности дня зимнего солнцестояния. Второе направление совпадает с $\alpha = 225^{\circ}44'$ и соответствует $\delta_{\zeta} = -\varepsilon$ для эпохи 1500 г. до н. э. Повторение таких событий позволило в древности выявить наличие 18-летнего периода в повторяемости затмений (сарос) и 18,6-летней периодичности в движении узлов лунной орбиты.

Основные выводы. Поселение Сарым-Саклы — второе после Аркаима, главного

среди памятников «Страны городов», расположенных на территории Южного Зауралья, который был всесторонне исследован методами археоастрономии с 1999 по 2004 г. В результате исследования, выполненного с помощью теодолита, GPS-приёмника и моделирования восходов и заходов светил с компьютерной программой REDSHIFT-4, удалось показать, что памятник Сарым-Саклы мог использоваться в качестве астрономической обсерватории для ведения солнечного календаря и предсказаний солнечных и лунных затмений. Получены независимые от данных археологии датировки, позволяющие отнести Сарым-Саклы к XIV в. до н. э. Именно в это время могли проводиться астрономические наблюдения с указанными целями. Наиболее уверенно данные измерений, полученные с помощью теодолита, указывают как наиболее вероятное значение 1500 г. до н. э. Для GPS-приёмника данные менее уверенные из-за отсутствия точных значений высоты горизонта. Для полноты картины приведём оценки всех четырёх датировок (табл. 3).

Отсутствие реперов этих событий, относящихся ко дню зимнего солнцестояния, позволяет утверждать, что эти наблюдения, скорее всего, проводились начиная с ранней весны до поздней осени на принципах, заложенных в эпоху строительства поселения Аркаим [5].

Заметим, что остаётся проблемой различие азимутов, достигающее 20 угловых минут, полученных из теодолитных измерений и привязки к Полярной звезде и вычисляемых по данным современного устройства определения координат точки на поверхности Земли на основе спутниковой навигации — GPS-приёмника. Вторая проблема состоит в том, что так же, как на поселении Аркаим, при исследовании Сарым-Саклы не были обнаружены реперы, фиксирующие восход и заход «высокой южной Луны». Возможно, что при более тщательном поиске, когда в настоящее время можно вычислить точно эти азимуты с учётом высоты горизонта, они будут обнаружены.

Таблица 3

Событие ¹	Азимут	Год до н. э.
Заход солнца в день летнего солнцестояния, верхний край	311°41′	1500
Заход луны при $\delta_{\zeta} = -\varepsilon$, верхний край	225°44′	1510
Восход луны при $\delta_{\zeta} = \varepsilon$, нижний край, GPS	50°06′	1800
Заход солнца в день летнего солнцестояния, нижний край, GPS	311°04′	1600

Таким образом, памятник Сарым-Саклы, возможно, является более поздним, чем Аркаим и Синташта. Однако традиция ведения астрономических наблюдений, в частности восходов и заходов Солнца, продолжалась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закатов, П. С. Высшая геодезия / П. С. Закатов. М., 1976.
2. Зданович, Г. Б. Аркаим — «Страна городов»: Пространство и образы / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск, 2007.
3. Зданович, Г. Б. Археологический атлас Челябинской области / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина, Н. В. Левит, С. А. Батанин. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский

¹ За восход светила принималось касание горизонта нижним краем, а за заход — касание горизонта верхним краем видимого диска Солнца и Луны.

район Челябинской области. Челябинск, 2003.

4. Петров, Ф. Н. Заря XI — новое срубно-алакульское поселение Южного Зауралья / Ф. Н. Петров // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 440–441.

5. Kirillov, A. K. Archaeoastronomical research in steppic Trans-Urals: Fortified

settlements of the "Country of Towns" and their surroundings / A. K. Kirillov, D. G. Zdanovich // Астрономия древних обществ : [материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединённого Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM), Москва, 23–27 мая 2000 г.]. М., 2002. С. 151–158.

А. И. Хованский

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНОЛОГИЯ СИНТАШТИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Открытие Синташтинского культурного комплекса, который стал эпонимным, неразрывно связано с именами нескольких видных уральских исследователей. Один из них — Г. Б. Зданович, чей юбилей отмечается в 2008 г. До сих пор информационные возможности этого памятника не исчерпаны, и, вероятно, в будущем он по-прежнему будет привлекать внимание исследователей. В связи с этим хочется обратиться к орнаментации глиняной посуды данного комплекса как исторического источника для построения его внутренней хронологии.

Для анализа орнамента была избрана методика Ю. Б. Цетлина, разработанная и апробированная на материале неолитической керамики Центра Русской равнины [4; 5]. Так как сама методика подробно описана в работах её автора, то, видимо, нет необходимости ещё раз на ней останавливаться. Следует только отметить ряд моментов. Во-первых, это системный подход к анализу орнамента, предполагающий целостное описание стилистических орнаментальных традиций на уровне элементов, узоров, мотивов, образов и композиций [5. С. 6]. При этом данные уровни иерархически организованы, каждый низший уровень входит в состав высшего. Во-вторых, в данной статье будет анализироваться только уровень элементов, поэтому следует оговорить, что же под этим термином понимается. Элемент орнамента — это «отпечатки или динамические следы, созданные за один трудовой акт» [Там

же], т. е. единовременно. Это отличается от традиционного понимания элемента орнамента, которое сложилось в уральской археологии, где под ним обычно понимали определённую устойчивую фигуру (треугольник, прямую, зигзаг). В методике Ю. Б. Цетлина это более высокий уровень (уровень узоров), который в данной работе рассматриваться не будет. Очевидно, что сами эти фигуры уже сложны, так как могут состоять и из ямок, и из «гребёнки», быть прочерченными или образованными с помощью различных вдавлений и т. д. Однако поскольку это не технологическое изучение керамики, то и способ, каким нанесён орнамент, здесь рассматриваться не будет. Нам интересны в первую очередь структура и форма элементов орнамента.

В соответствии с этим, всего мной на керамике Синташтинского культурного комплекса было выделено семь элементов орнамента: гребенчатый, гладкий, накольчатый, «шишечки» и «валики», а также элемент «без орнамента», или «нулевой», так как, не нанося орнамента, гончар также преследовал определённые цели в создании облика глиняной посуды.

Построение хронологии по элементам орнамента ведётся по следующим ступеням:

1) вычисление в процентах доли каждого элемента орнамента от общего числа элементов орнамента (в каждом памятнике или погребении);

2) определение коэффициента удалённости (или расстояния) (1-КС)

между памятниками (или погребениями). КС высчитывается по формуле, предложенной Д. Я. Телегиным [2];

3) определение по специальной методике «места» каждого памятника или погребения на условной оси времени [4. С. 9]. Расчёт проекции каждого памятника на ось времени осуществляется по формуле

$$X = \frac{a^2 - b^2 + c^2}{2c^2},$$

где *a* — расстояние от исследуемого памятника до начала оси времени; *b* — расстояние до конца оси времени; *c* — длина самой оси времени.

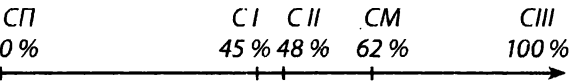
Для анализа были привлечены следующие памятники Синташтинского культурного комплекса: Синташтинское поселение (СП), Большой синташтинский грунтовый могильник (СМ), Синташтинский комплекс курганных и грунтовых захоронений (СІ), Синташтинский малый грунтовой могильник (СІІ), Синташтинский малый курган (СІІІ).

Результаты вычисления представлены в табл. 1.

Из таблицы мы видим, что наибольшее расстояние по сходству обнаруживается между Синташтинским поселением (СП) и Синташтинским курганом СІІІ. Поскольку, таким образом, поселение должно было возникнуть раньше, чем могильник, то СП должно находиться в начале условной оси времени, а СІІІ — в конце. Остальные памятники

занимают на условной оси времени следующее положение: СІ — 45 %, СІІ — 48 %, СМ — 62 %.

Таким образом, ось времени в данном случае имеет следующий вид:

Можно выделить четыре этапа в функционировании Синташтинского культурного комплекса, объединяя в один этап те памятники, расстояние между которыми меньше либо равно 5 %: 1) Синташтинское поселение (СП), 2) І и ІІ Синташтинский могильники (СІ и СІІ), 3) Синташтинский грунтовый могильник (СМ), 4) ІІІ Синташтинский могильник (СІІІ). Если в данной последовательности выстроить столбцы таблицы с распределением элементов орнамента, то мы получим табл. 2.

Как видно из таблицы, элементы орнамента на глиняной посуде Синташтинского комплекса развиваются в следующих направлениях: доля элемента без орнамента (0) увеличивается, то есть на сосудах чаще сохраняются неорнаментированные зоны или участки; частотность использования гребенчатого и гладкого элементов не претерпевает существенных изменений; не вполне ясна ситуация с элементом «шишечки», доля которых волнообразно колеблется; доля валиков последовательно уменьшаются. Таким образом, тенденция развития орнамента однозначно

Таблица 1

Синташтинский комплекс

	СП	СМ	СІ	СІІ	СІІІ
СП		16	12	12	24
СМ			11	9	11
СІ				6	14
СІІ					13
СІІІ					

Синташтинский комплекс: распределение элементов орнамента по периодам, %

Элементы	Памятники			
	Период 1 (СП)	Период 2 (СІ и СІІ)	Период 3 (СМ)	Период 4 (СІІІ)
0 (без орнамента)	23,9	29,3	36,1	40,0
3 (гребенчатый)	17,1	17,8	19,7	16,0
4 (гладкий)	24,8	25,7	24,8	24,0
5 (накольчатый)	12,4	9,5	4,6	4,0
11 («шишечки»)	0,4	4,9	1,3	8,0
12 («валики»)	21,4	12,8	13,4	8,0

приводит нас к раннеалакульскому керамическому комплексу, для которого мало характерна рельефность и свойствен высокий удельный вес элемента «без орнамента» в виде «пробелов», разделяющих зоны орнамента.

Однако эти цифры являются усреднёнными, поскольку мы берём каждый памятник целиком. Но могильники могли функционировать на каких-то отрезках времени одновременно. Для того чтобы выстроить более детальную периодизацию названных могильников, рассчитаем показатель 1-КС для каждого погребения. Следует заметить, что в данном случае мы включили только погребения, где находится не менее двух сосудов, чтобы вычисления были статистически более достоверными (табл. 3). Этот факт был нами проверен экспериментально на материале кургана 4 могильника Каменный Амбар-5. Результаты расчётов элементов орнамента совпали со стратиграфической ситуацией. Поселение СП на уровне подробного анализа исключено, так как мы имеем суммарные данные, а не по каждому жилищу.

Результаты приведены в табл. 4. Жирными линиями обведены разные периоды в каждом могильнике, отделённые друг от друга промежутком 5 % и более.

Анализ таблицы показывает следующее: в развитии могильника СМ

выделяется пять периодов: (1 — погребения 12; 2 — погребения 22, 35, 34, 5, 16, 32, 11, 39, 21, 10, 19, 26, 18, 13, 6, 8, 17, 25; 3 — погребения 3, 14, 27, 38; 4 — погребения 33, 36; 5 — погребения 2, 29). В могильнике СІ — три периода (1 — погребения 12, 9; 2 — погребения 1, 14 и 15, 11, 16; 3 — погребение 4), в развитии могильника СІІ — четыре периода (1 — погребения 2, 7; 2 — погребения 1, 8; 3 — погребение 10; 4 — погребение 4). В могильнике СІІІ выделяется один этап. Частично сосуществуют период 2СМ, периоды 2 и 3 СІ, периоды 2 и 3 СІІ. Следующие графики подтверждают развитие орнамента. По горизонтали отложены периоды в развитии орнамента для каждого памятника, по вертикали — доля каждого элемента.

На представленных графиках мы видим те же тенденции, что отмечали для Синташтинского культурного комплекса в целом, однако по периодам они предстают более отчётливо. А именно: от периода к периоду растёт доля элемента «без орнамента», увеличивается роль гребенчатого элемента (в СІІ падает), роль гладкого элемента уменьшается (в СІІ она растёт), везде уменьшается доля накольчатого элемента, а также «шишечек» и «валиков», однако роль «шишечек» растёт в СІІ, а валиков, незначительно, — в СІ.

Таблица 3

	СМ-2	СМ-3	СМ-5	СМ-6	СМ-8	СМ-10	СМ-11	СМ-12	СМ-13	СМ-14	СМ-16
0	66,7	40,0	29,4	35,7	36,7	28,6	33,3	0,0	36,4	40,0	33,3
3	33,3	40,0	17,6	21,4	23,3	14,3	16,7	0,0	18,2	40,0	11,1
4	0,0	20,0	29,4	14,3	26,7	14,3	33,3	33,3	27,3	0,0	22,2
5	0,0	0,0	11,8	14,3	6,7	14,3	0,0	33,3	0,0	0,0	0,0
11	0,0	0,0	0,0	7,1	3,3	14,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
12	0,0	0,0	11,8	7,1	3,3	14,3	16,7	33,3	18,2	20,0	33,3

	СМ-17	СМ-18	СМ-19	СМ-21	СМ-22	СМ-25	СМ-26	СМ-27	СМ-29	СМ-32	СМ-33
0	50,0	36,8	37,5	28,6	25,0	33,3	40,0	40,0	100,0	50,0	33,3
3	0,0	15,8	12,5	28,6	25,0	0,0	0,0	40,0	0,0	50,0	66,7
4	25,0	31,6	25,0	28,6	25,0	66,7	40,0	0,0	0,0	0,0	0,0
5	0,0	5,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
11	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
12	25,0	10,5	25,0	14,3	25,0	0,0	20,0	20,0	0,0	0,0	0,0

	СМ-35	СМ-36	СМ-38	СМ-39	СМ-41	СМ-44	СМ-49	СМ-51	СМ-52	СМ-54-55	СМ-56
0	28,6	33,3	66,7	33,3	25,0	40,0	25,0	33,3	16,7	31,3	28,6
3	14,3	66,7	0,0	0,0	31,3	20,0	12,5	16,7	25,0	15,6	14,3
4	28,6	0,0	33,3	50,0	31,3	20,0	25,0	16,7	25,0	28,1	28,6
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	12,5	16,7	16,7	6,3	0,0
11	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	8,3	3,1	14,3
12	28,6	0,0	0,0	16,7	12,5	20,0	25,0	16,7	8,3	15,6	14,3

	СМ-1	СМ-2	СМ-4	СМ-7	СМ-8	СМ-10	СМ-11
0	27,8	16,7	44,4	14,3	28,6	33,3	50,0
3	22,2	16,7	11,1	28,6	14,3	33,3	14,3
4	16,7	33,3	33,3	14,3	14,3	33,3	28,6
5	22,2	0,0	0,0	14,3	14,3	0,0	0,0
11	5,6	0,0	11,1	0,0	14,3	0,0	0,0
12	5,6	33,3	0,0	28,6	14,3	0,0	7,1

Нетрудно заметить, что общие тенденции развития во всех памятниках совпадают. Исключение составляет только СМ, но это и не удивительно, так как число погребений и сосудов в нём невелико по сравнению с остальными памятниками, а отдельные периоды выделены по одному погребению, т. е. всего по 2–3 сосудам. Так как все памятники расположены недалеко друг от друга, то мы можем с большой вероятностью говорить о хронологическом

характере изменений использования тех или иных элементов орнамента на глиняной посуде.

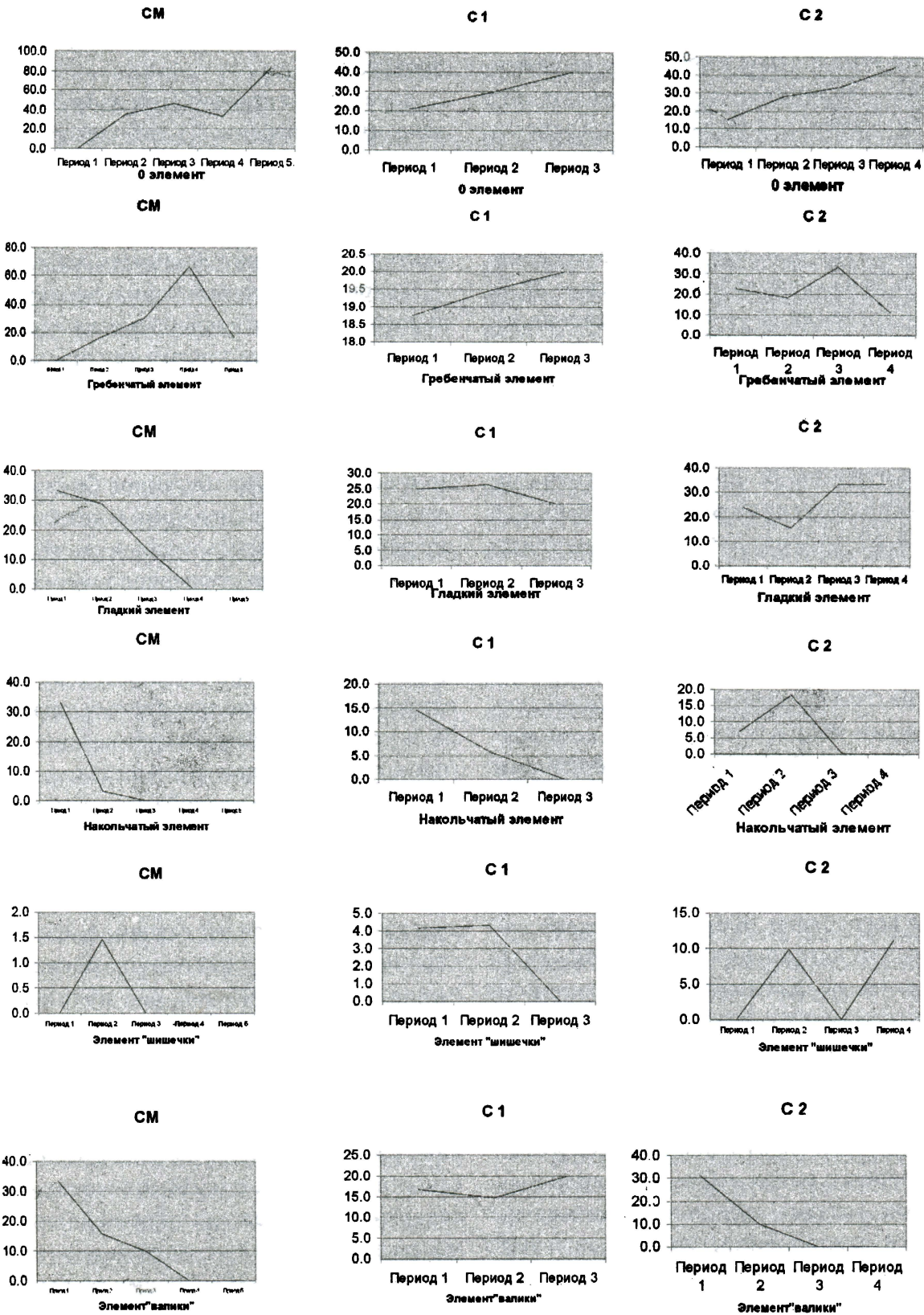
Как же соотносятся с этим данные стратиграфии? В СМ прослежено несколько стратиграфических ситуаций. Так, в погребение 12 введено погребение 14, это же подтверждает анализ элементов орнамента: погребение 12 находится в самом начале условной оси времени (0 %), а погребение 14 было совершено много позднее (64 %). Эти

Таблица 4

Относительное время, %	СМ, № погребения	СИ, № погребения	СИ, № погребения	СИ, № погребения
100	29			
96-99				
95	2			
79-94				
78	33, 36			
68-77				
67	38			
65-66				
64	3, 14, 27			
59-63				
58				1
57			4	
52-56				
51	6			
50	8, 17, 25	4	10	
46-49				
45	13			
44	18			
43	19, 26			
42	10		8	
41	21	16		
40	11, 39	11		
39		14-15	1	
38	16, 32	1		
37				
36	5			
35				
34	22, 35			
30-33				
29		9		
28		12		
23-27				
22			7	
21			2	
1-20				
0	12			

различия видны и визуально: сосуды из погребения 12 можно назвать типично синташтинскими: венчик достаточно резко отогнут, на отгибе имеется внутреннее ребро, орнаментирована вся поверхность, имеются такие архаичные для «синташты» элементы, как вертикальные наlepные валики по плечу [1. Рис. 76, 5, 6). По типологии данные сосуды относятся к подтипам с внутренним ребром и вогнутым плечом (подтип I.2.1) и прямым плечом и внутренним ребром (подтип I.1.2.) [3. С. 32. Рис. 29-34]. Эти

подтипы, как правило, характерны для ранних комплексов и не характерны для поздних. В то же время сосуды из впускного погребения 14 явно более позднего облика и демонстрируют вызревание раннеалакульских стандартов [1. Рис. 76, 3, 4]. У данных сосудов венчик выделен весьма слабо, при наличии вогнутого плеча они не имеют внутреннего ребра. По типологии данные сосуды относятся к подтипу I.2.2 и I.2.3, которые отчетливо маркируют поздние керамические комплексы [3. С. 33-34.

Синташтинский культурный комплекс:
распределение элементов орнамента по периодам, %

Рис. 42–48]. Кроме того, орнаментация этих сосудов имеет явно выраженную тенденцию к зональности, что опять имеет раннеалакульскую окраску.

Далее, после погребения 16 совершенно погребение 10, образуя своеобразный ярусный комплекс. По данным анализа элементов орнамента, место погребения 16 на хронологической оси — 38 %, а погребения 10 — 42 %. Визуально керамические комплексы хронологически не различимы [1. Рис. 68, 4–8]. Однако применяемая методика позволяет уловить даже такие тонкие хронологические отличия. По другим стратиграфическим ситуациям в СМ (погребения 11 и 24, 39 и 40) нет данных по орнаменту, так как керамика или отсутствует (погребение 24) или сосуд всего один, что делает невозможным корректный анализ орнамента (погребение 40).

Из стратиграфических ситуаций, которыми мы располагаем для комплекса СI, соответствующими материалами по элементам орнамента обеспечены погребения 12 и 16. Судя по публикации, авторы интерпретируют стратиграфическую ситуацию в пользу того, что погребение 16 было совершено ранее, чем погребение 12 [1. С. 281–284]. Однако, по данным анализа элементов орнамента, погребение 16 находится на оси времени на отметке 41 %, а погребение 12 на отметке 28 %, т. е. погребение 12 раньше, чем погребение 16. Как же это можно объяснить? Во-первых, могло иметь место перемещение сосудов при совершении впускного захоронения. Во-вторых, сама стратиграфическая ситуация, на наш взгляд, не ясна вполне. Судя по рисункам [1. Рис. 157, 158], могла иметь место и обратная ситуация. Кроме того, в район наложения погребения 12 и 16 позже было впущено погребение 13, что

стратиграфическую ситуацию также не проясняет.

Далее, стратиграфически зафиксировано, что погребение 11 совершено позже погребений 14 и 15 (оно нарушило могильный выкид погребения 14 и 15 [1. Рис. 135 а]. Данные анализа элементов орнамента также говорят об этом (см. табл. 4).

Теперь рассмотрим историю функционирования каждого могильника, как она представляется по данным анализа элементов орнамента на глиняной посуде.

Могильник СМ. Первым погребением не только данного могильника, но и остальных могильников Синташтинского культурного комплекса было погребение 12 (здесь и далее см. табл. 4). Интересно, что это первое захоронение было осуществлено на месте ритуального домика, аналогичную ситуацию мы имеем для СII (см. ниже). Однако относительно длительное время (около 30 % условного времени) это захоронение в данном могильнике оставалось единственным. Во второй период сооружаются погребения в следующей последовательности: 22, 35, 34, 5, 16, 32, 11, 39, 21, 10, 19, 26, 18, 13, 6, 8, 17, 25. В результате создаётся достаточно распространённое в синташтинских могильниках строение могил: 2–3 крупные могильные ямы в центре, а остальные тяготеют к окружности или полукругу вокруг них. Налицо стремление устроителей захоронений использовать этот канон, но ряд крупных ям в него не вписаны (погребения 8 и 25), а некоторые совершены вообще вдали от основной массы захоронений этого периода (погребения 34, 35 и 39). Почему-то была использована лишь южная половина пространства около центральных могильных ям. В третий, четвёртый и пятый периоды существования захоронения в СМ осуществляются без видимой

системы, в разных местах могильника. Однако, вероятно, существовали какие-то надмогильные знаки, так как нарушения одних ям другими практически нет, а погребение 14 весьма точно впущено в погребение 12.

Комплекс CI. Сразу следует отметить, что реконструированная здесь последовательность сооружения могильных ям не вполне согласуется с той, которую предполагают авторы раскопок [1. С. 252]. По данным изучения орнамента, на первом этапе функционирования могильника были сооружены погребения 12 и 9, на втором — погребения 1, 14 и 15, 11, 16, на третьем — погребение 4. Вообще, захоронения данного могильника хронологически компактны, этапы разделяет, вероятно, относительно небольшой временной промежуток. Все периоды в целом синхронны периоду 2СМ. Поэтому хронологические изменения в керамике выражены слабо.

Могильник CII. Начал функционировать раньше, чем CI, и основная масса погребений — 2-го периода СМ. Первым было погребение 2, совершённое, как и первое погребение СМ (погребение 12), на месте ритуального домика. В это же время совершается погребение 7. Во второй период совершаются погребения 1 и 8, в третий — погребение 10, в четвёртый — погребение 4. В последовательности совершения погребений наблюдается определённая система: погребения опоясывают погребальную площадку симметрично относительно п. 2.

Проведённый анализ орнаментальных традиций на уровне элементов и сравнение его результатов с данными стратиграфии позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, погребения в могильниках совершались не постоянно,

а через некоторые промежутки времени. Как следует из табл. 4, часть хронологических групп совершалась примерно через равные промежутки времени. Какова продолжительность этих промежутков в абсолютных цифрах, сейчас сказать невозможно. Также не ясны причины перерывов в захоронениях. Во-вторых, мы видим, что могильники Синташтинского комплекса функционировали на протяжении каких-то отрезков времени одновременно. В-третьих, развитие элементов орнамента однозначно приводит нас к раннеалакульскому керамическому комплексу. Эти выводы, конечно, нуждаются в дальнейших доказательствах или опровержениях, уточнениях и конкретизации. В любом случае, мы благодарны Г. Б. Здановичу, заслуги которого в открытии и теоретическом осмыслении Синташтинского комплекса памятников невозможно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Генинг, В. Ф. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.
2. Телегин, Д. Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М. : Наука, 1977.
3. Ткачёв, В. В. Керамика синташтинской культуры / В. В. Ткачёв, А. И. Хаванский. Орск ; Самара : ОГТИ, 2006.
4. Цетлин, Ю. Б. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики) / Ю. Б. Цетлин // Рос. археология. 2004. № 4. С. 8–23.
5. Цетлин, Ю. Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Б. Цетлин. М., 2007.

А. Г. Берсенёв, А. В. Епимахов, Д. Г. Зданович

СИНТАШТИНСКИЙ ЛУК: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ВАРИАНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Среди наиболее характерных и выразительных черт синташтинской культуры (начало II тыс. до н. э. в системе калиброванных радиоуглеродных дат) высокий уровень развития военного дела упоминается чаще других признаков [2; 5; 9; 12; 15 и др.]. Открытие эпонимного комплекса [7] и последовавшие затем исследования поселений и некрополей [1; 4; 6; 11; 14; 33] убедили исследователей в высоком уровне «милитаризации» общества данного периода. К тому же синхронные абашевские (доно-волжские) и потаповские памятники [3; 31 и др.], как и близкие по времени петровские [8; 16; 32], демонстрировали сходные черты, резко контрастируя со следующей эпохой поздней бронзы, представленной древностями срубного, алакульского и фёдоровского круга.

Синташтинское военное дело хорошо иллюстрировано сложными системами фортификации поселений, предметами вооружения и военной техники (колесниц). Действительно массово из перечисленных категорий представлены только находки оружия дистанционного боя, точнее их детали — наконечники стрел из камня, кости и бронзы. Попытки типологизации данной категории предпринимались неоднократно [26; 33]. На этом фоне досадным недоразумением кажется практически полное отсутствие специальных работ, посвящённых конструкции синташтинского лука. Правда, вплоть до последнего времени материалы для такой работы

были единичны, да и контекст находок не был вполне ясным. Ситуация изменилась благодаря исследованиям могильника Степное (раскопки Д. Г. Здановича и Е. В. Куприяновой), в ходе которых серия заметно умножилась. До этого детали лука были обнаружены при исследовании некрополей Солнце II [10] и Каменный Амбар-5 [18]. Впрочем, не исключено, что какие-то из аналогичных находок ускользнули от нашего внимания, особенно в случаях с коллекциями поселений. Из синхронных материалов должна быть также упомянута находка изделия из ребра крупного животного, происходящая из Потаповского могильника в Среднем Поволжье (курган 3, погребение 4) [3. С. 25. Рис. 39-9]. Фрагмент (длиной 28 см) имеет следы пропила на одном из концов, одна из поверхностей залощена.

В качестве деталей лука недавно были привлечены к анализу и костяные пластины из могильника Каменный Амбар-5 [38. Р. 69] (курган 2, могильная яма 1). Однако, с нашей точки зрения, аргументов «против» такой интерпретации больше, чем «за». Значительная длина (32 и 27 см), ширина (более 3 см), перфорированный край, отсутствие продольного прогиба на тыльной стороне (как и кривизны вообще¹) и, наконец, полные, а главное, массовые аналогии из могильника у дер. Ростовка [23.

¹ Для достижения такого результата мастеру пришлось использовать специальные приёмы по разгибанию ребра.

Рис. 61–66] неизбежно порождают определённый скепсис в отношении выводов. Трасологическое исследование пластин [35. С. 187] зафиксировало развальцованность отверстий и установило направление коротких петель — перпендикулярно длинной оси изделия. Таким образом, имела место незначительная подвижность детали, что соответствует характеру предложенной нами интерпретации (панцирные пластины на кожаной (?) основе). Для лука необходима максимально плотная фиксация, а использование отверстий вряд ли способно её обеспечить.

Характер изделий и поставленная задача обязывали использовать макротрасологические методы, которыми были исследованы два навершия кибиты для натягивания тетивы (Степное, Солнце II), два втульчатых окончания кибиты с отверстием для тетивы и полочка (Степное). Под термином «полочка» мы, следуя современной терминологии [29], понимаем опору, поддерживающую снизу снаряд для метания из лука. Это своеобразная «прицельная планка», которая крепилась на боковую сторону кибиты лука, служила направляющей для тела стрелы¹. Кроме того, нами частично использованы результаты работы А. Н. Усачука [35], который анализировал две заготовки окончаний кибиты лука из могильника Каменный Амбар-5.

Историография для эпохи бронзы в этой части весьма скудна [26; 37], что контрастирует с более поздними эпохами РЖВ и средневековья (см., например [24]). К тому же бронзовый век исследуемой территории не располагает альтернативными источниками информации — письменными и

изобразительными, которые могли бы всерьёз скорректировать наши представления о внешнем облике и конструкции лука. Д. В. Нелиным констатировано (со ссылкой на упомянутые выше находки из могильников Каменный Амбар-5 и Солнце II) знакомство синташтинского населения с усиленным или сложным луком [26. С. 61]. Автор считал, что именно с этим вариантом вооружения связаны массивные черешковые наконечники стрел, простой же лук применялся при стрельбе лёгкими костяными и каменными бесчерешковыми наконечниками. Распространение лука усложнённой конструкции, с его точки зрения, обусловлено использованием доспеха (находки панцирных пластин в могильнике Каменный Амбар-5), масштабы применения которого в последующие эпохи бронзового века постепенно уменьшаются.

Более детальный анализ предпринят Н. И. Шишлиной в отношении срубных луков. Правда, состав источников predetermined перенесение акцента на изучение стрел. Работа с втоками и концевыми яблочками привела автора к выводу о существовании двух вариантов толщины тетивы и, как следствие, двух вариантов лука — простого и сложного [37. С. 32–34]. Проиллюстрировать это заключение реальными материалами оказалось непросто в силу малого числа надёжно атрибутируемых находок. В качестве дополнительных аргументов существования сложного лука (более тугого и травмоопасного) были привлечены также изделия, определяемые автором как предохранительные детали при стрельбе (костяные и роговые кольца; щитки), однако о результатах их трасологического исследования не упоминается².

¹ Интерпретация изделия может оказаться иной (см. далее), поэтому применённый термин употреблён условно.

² При желании костяные кольца можно обнаружить и в синташтинских материалах, однако

Следует сделать терминологическое уточнение. Мы придерживаемся классификации луков, ориентированной на их конструктивные особенности, предложенной Б. Д. Трубниковым [34. С. 370–372]. В соответствии с ней, древко сложного (композитного) лука состоит из двух и более слоёв однородных или различных материалов; в составном луке — из нескольких коротких фрагментов, соединённых вместе; в усиленном луке древко усиливается в различных местах накладками. Очевидно, что диагностирование первых двух типов предполагает уникальную сохранность деревянных частей, которых, увы, в нашем распоряжении нет. Следовательно, не отвергая полностью возможность существования в синташтинское время сложного и составного луков, мы будем придерживаться более осторожной трактовки — «усиленный лук».

Материальные свидетельства и контекст. Информация об анализируемых артефактах выглядит следующим образом.

Яма 1 кургана 11 могильника Солнце II¹ имела крупные размеры, деревянное перекрытие и облицовку деревом в придонной части. Несмотря на тотальное «ограбление» (в ходе которого были перемещены человеческие останки, не утратившие окончательно мягкие ткани), погребение сохранило многочисленные следы жертвоприношений животных и ряд артефактов в придонной части: сосуд, пара бронзовых крючков и навершие кибиты лука. Последнее представляло собой роговую деталь, макси-

мальные размеры которой 72×32×27 мм (рис. 1, 3).

Массивный S-образный асимметричный крюк навершия составляет единое целое с прямоугольным (в плане) основанием. Оно имеет продольную желобчатую выемку, видимо, призванную обеспечить максимально плотное клеевое (?) соединение детали с деревянным основанием. Этой же цели служил шип, для которого в выступающей части крюка было изготовлено глухое отверстие округлого сечения. Весьма вероятно, что в дополнение к описанным способам крепления была также использована обмотка основания и дуги лука снаружи. Плавное приострённое окончание крюка было утрачено. Изделие выполнено очень тщательно и несёт очевидные следы эксплуатации.

Ближайшей аналогией является находка из могильника **Степное, курган 4, яма 13**. Сумма сведений о контексте находок выглядит следующим образом. Описываемая могильная яма — одна из самых крупных на площадке многомогильного кургана. Она связана общим «входом» с соседней ямой 10, ориентирована в широтном направлении. Размеры погребальной камеры 3,15×2,0 м, глубина ямы от уровня древней поверхности около 2,5 м. Перекрытие камеры поддерживал опорный столб. На перекрытии в 1,0–1,3 м выше дна ямы вдоль её южной стенки залегали многочисленные останки жертвенных животных, включая целый скелет собаки. В древности яма была «ограблена». Одной из целей «ограбления», вероятно, было нарушение анатомического порядка скелетов. К моменту «ограбления» погребальная камера ещё была полой (сохраняла в себе полости), поэтому чётко оконтурить границы потревоженных участков дна оказалось сложным.

отсутствие надежных данных об их связи с комплексом лучника избавляет от желания расширить круг источников таким образом.

¹ Информация о контексте находок из могильников Солнце II и Каменный Амбар-5 уже введена в научный оборот, поэтому в дальнейшем мы ограничиваемся подробным описанием комплекса Степное, пока не увидевшим свет.

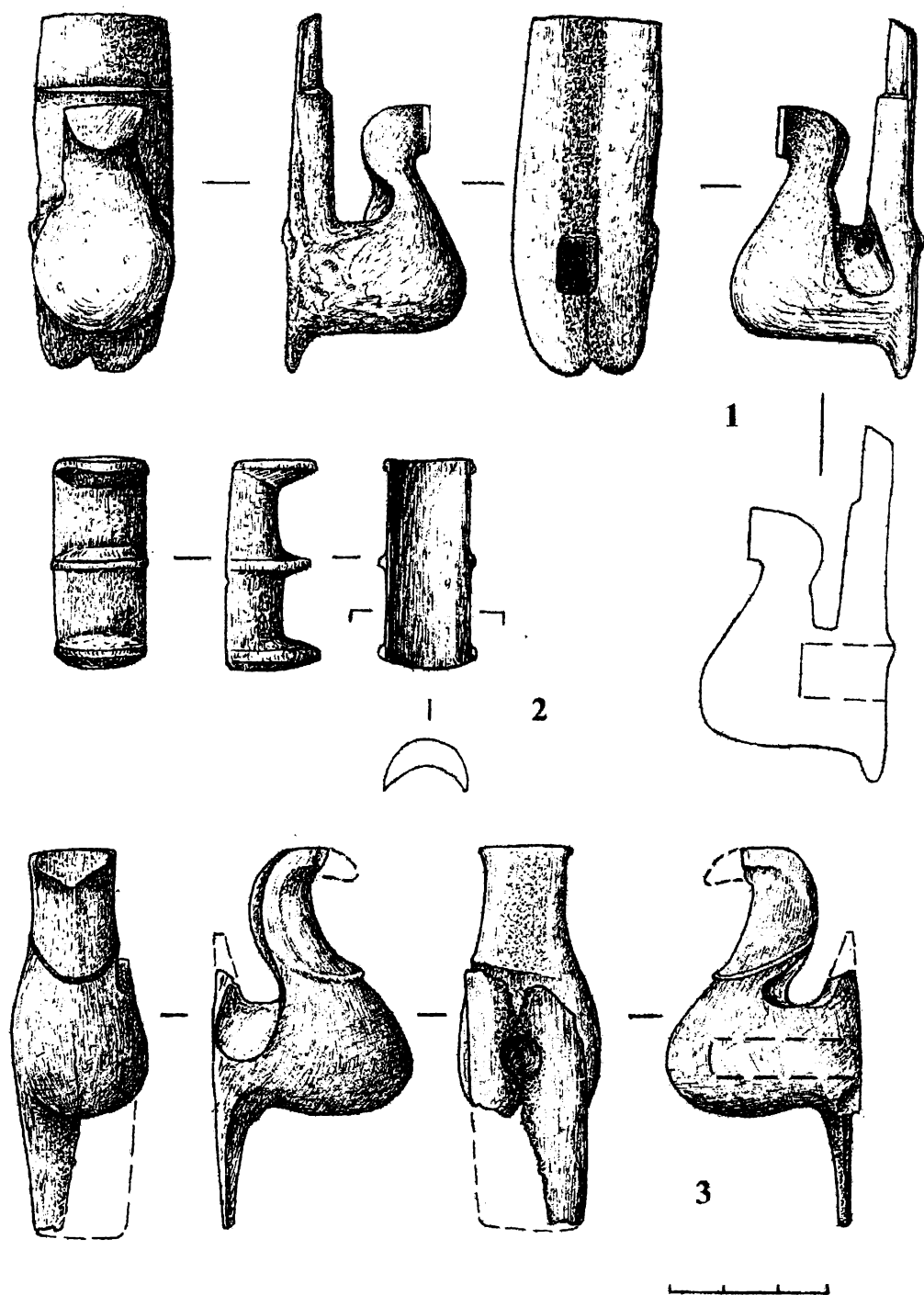

Рис. 1. Детали лука:

1, 2 — могильник Степное, курган 4, яма 13;
3 — могильник Солнце II, курган 11, яма 1

Основная масса сохранившихся остатков погребения (кости Homo Sapiens, погребальный инвентарь) располагалась на дне ямы и в её придонной

части, не более чем в 15 см выше дна. Непосредственно на дне были расчищены сохранившиеся in situ фрагменты двух скелетов (кости нижних

конечностей с прилежащими фрагментами тазовых костей). Погребённые (возрастом около 9 лет) были расположены параллельно друг другу, головами в северный сектор, скорченно на левом боку. Скелет А (восточный) атрибутируется как женский (?), скелет Б (западный) — мужской. Несмотря на факт «ограбления» в яме сохранился достаточно представительный набор погребального инвентаря: керамика (четыре сосуда горшечного типа с орнаментом), щитковый псалий с шипами, предметы из дерева с металлическими скрепками, каменные орудия, 13 наконечников стрел из камня, кости и рога, астрагалы животных, серебряная пронизь, а также предметы из рога, которые можно интерпретировать как детали луков.

Два предмета находились в юго-восточной части ямы. Накладка сложной фигурной формы (№ 1; рис. 1: 1; 3: 1), с крюком, лежала в ногах скелета Б. Предмет, определяемый либо как «полочка», либо как накладка на другое плечо лука (№ 2; рис. 1: 2; 3: 2), был расчищен у восточной торцевой стенки ямы. Расстояние между находками 1,3 м. Оба предмета залегали на боку.

Основные детали и размеры (для № 1: 70×35×25–27 мм) фигурного навершия кибити из описанного погребения близки некрополю Солнце II. Различия касаются длины основания, расположения крюка и некоторых других деталей. Например, планка основания дополнена небольшим уступом, окончание крюка плоско срезано, внутреннее отверстие имеет прямоугольное сечение и пр. Гораздо более важным для реконструкции является зеркальное расположение скошенного паза для натягивания тетивы.

Роговая полка (40×19×16 мм), обнаруженная у восточной торцевой стены, представляет собой прямоугольное в

плане основание, составляющее единое целое с тремя поперечно расположенными выступающими «рёбрами», образующими две «камеры» — ложа для стрелы¹. Основание имеет продольную желобчатую выемку.

Из этого же погребения происходят два окончания кибити из отростков рога лося (рис. 2: 5–6), которые были обнаружены в западной половине ямы. Они залегали на дне, параллельно и вплотную друг к другу, острыми концами к стенке ямы. Вблизи от этих предметов находилось 10 наконечников стрел — 7 из кости и рога, 3 из камня. Наконечники залегали на полу ямы бессистемно.

Параметры и сохранность окончаний заметно разнятся. Длина составляет 118 и 69 мм при практически идентичном внешнем диаметре 19–20 мм. Внутреннее пространство обоих изделий имеет глухую коническую втулку, однако, если в коротком (№ 2) окончании кибити он занимает почти всё внутренне пространство (55 мм), то в длинном (№ 1) — едва превышает половину (69 мм). Минимальная толщина стенок — у основания (не более 1 мм). Оба артефакта имеют сквозное отверстие (6 мм) в утончённой части. Более массивный экземпляр дополнен небольшой боковой выемкой (у второго эта часть разрушена в древности).

Могильник Каменный Амбар-5 (курган 2) пополнил перечень сведений о конструкции лука: в могильной яме 2 была обнаружена полочка, а в могильной яме 15 — заготовки окончаний кибити и центральная накладка. Первая находка сделана в центральном, очень крупном, но полностью ограбленном

¹ Если рассматривать изделие в качестве концевой накладки (версия автора раскопок), то выемки предназначались для фиксации тетивы.

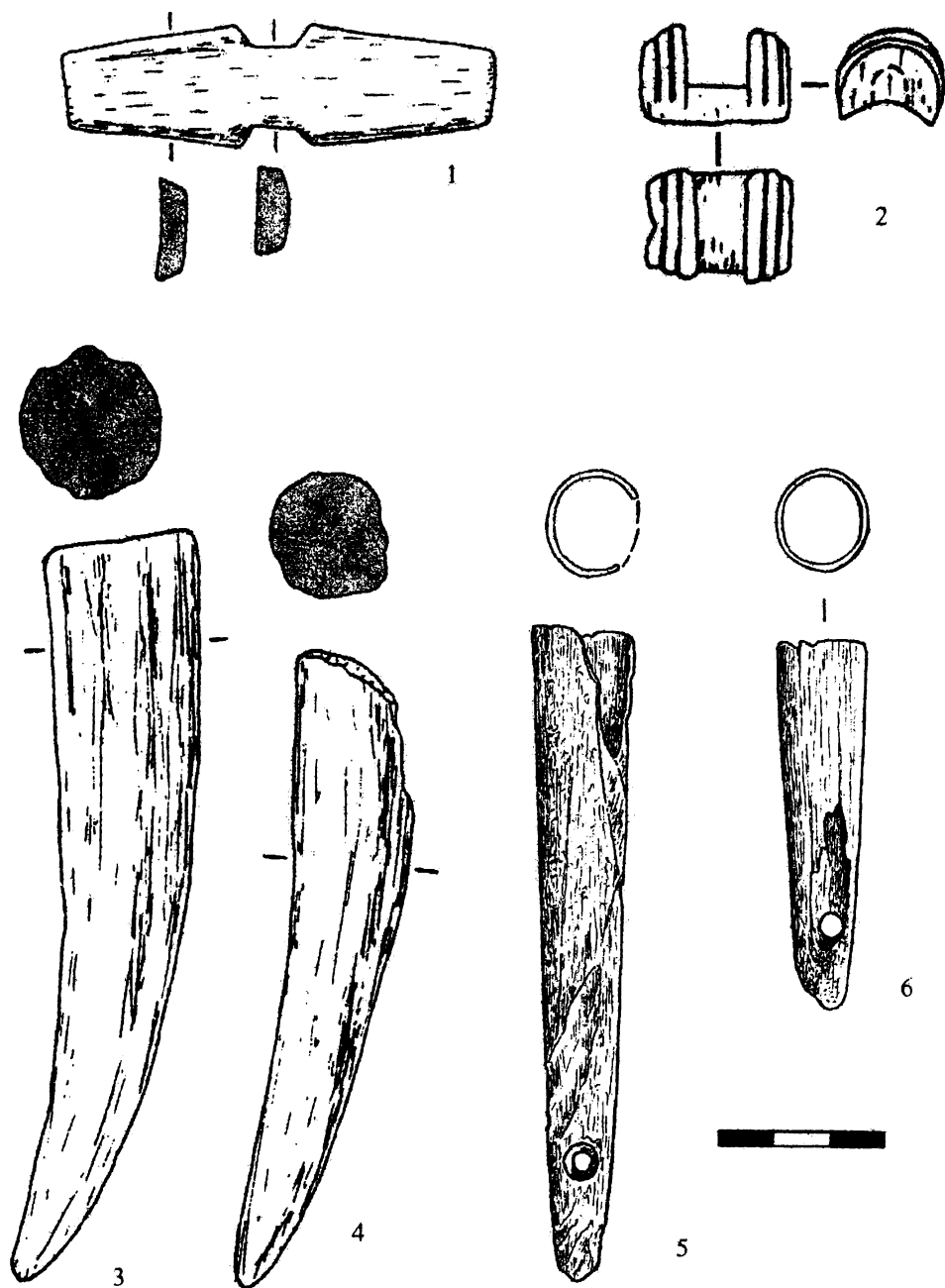

Рис. 2. Детали лука:

- 1, 3, 4 — могильник Каменный Амбар-5, курган 2, яма 15;
2 — могильник Каменный Амбар-5, курган 2, яма 2;
5, 6 — могильник Степное, курган 4, яма 13

погребении (человеческие кости, в отличие от многочисленных следов жертвоприношений, не были выявлены вовсе). Небольшое (29×19×21 мм) роговое изделие имеет прямоугольное основание с продольной желобчатой

выемкой и два вертикальных ребра с уступами снаружи, которые образуют центральный паз для расположения стрелы (рис. 2: 2).

Комплекс предметов из **могильной ямы 15** того же кургана более обширен

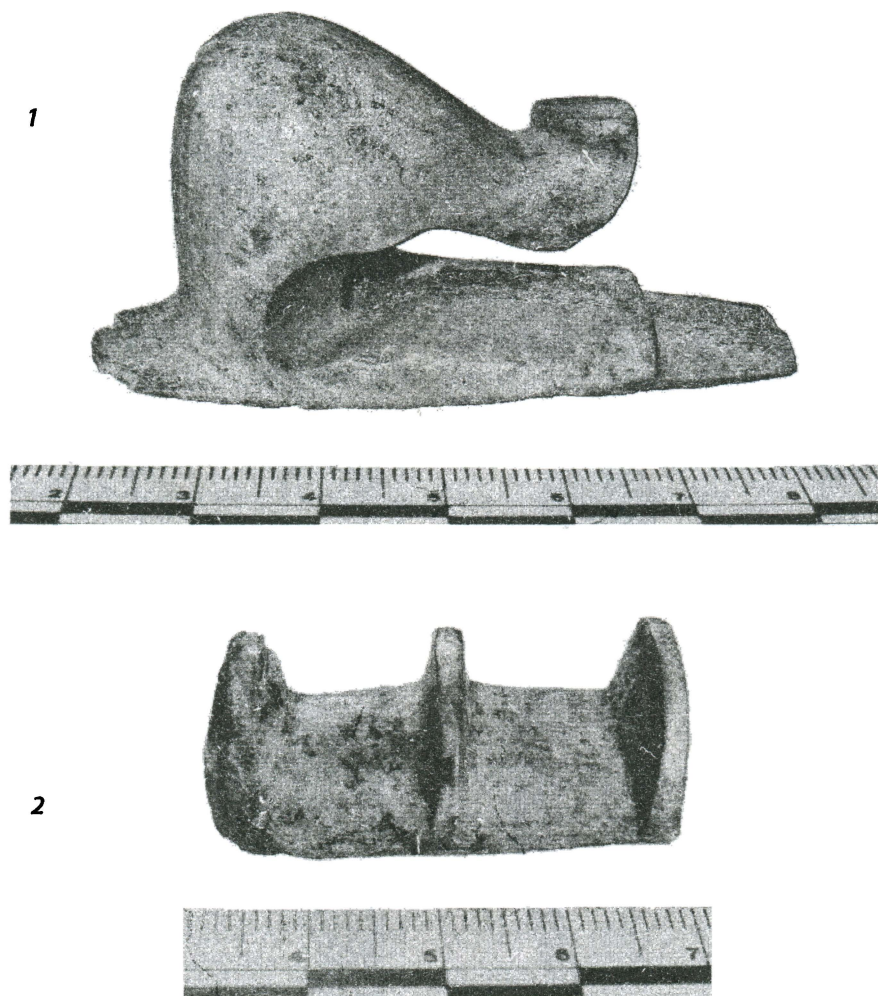

Рис. 3. Детали лука:

1, 2 — могильник Степное, курган 4, яма 13 (фото А. Г. Берсенёва)

и включал в числе прочего колчан с разнотипными наконечниками стрел, заготовки окончаний кибиты лука и предполагаемую срединную накладку. Крупная, глубокая могильная яма содержала индивидуальное погребение молодого мужчины, отличавшееся рядом экстраординарных черт [11]: обилие жертвоприношений животных; заветренная кость крупного животного, представленная к плечу; фрагмент золотой фольги в районе кисти; младенческое погребение на перекрытии и пр.

Для заготовок были использованы окончания рогов лося и сайги длиной

136 и 115 мм соответственно (рис. 2: 3–4). Несмотря на сильную залощенность поверхности, следов эксплуатации изделия не имели [35. С. 187], что не вызывает удивления в свете незавершённости процесса изготовления. Полноценные экземпляры из могильника Степное демонстрируют это с полной очевидностью. Не исключено, что в погребальном ритуале были использованы имитации, тем более что для других захоронений такие примеры есть — находки сегментов рога сделаны и в других комплексах (Солнце II, курган 11, могильная яма 2; Каменный Амбар-5, курган 4, могильная

яма 8), включающих в том числе и предметы вооружения, но отнести их к интересующему нас кругу можно только условно.

Менее определённой является интерпретация костяной пластины с двумя противолежащими вырезами (79×29×6 мм) (рис. 2: 1). Её внутренняя поверхность имеет слабо выраженный продольный желобок, наводящий на мысль о креплении к цилиндрической поверхности (кибитель лука?), однако следы использования (залощенность, завальцованность), по заключению А. Н. Усачука, присутствуют практически на всех поверхностях, включая вырезы. Это позволило автору трасологического исследования предложить иную трактовку изделия — застёжка. Контекст находки этой версии не исключает.

Таким образом, в нашем распоряжении достаточно серьёзная серия находок, выявленных в крупных могильных ямах (индивидуальных и коллективных), которые содержали захоронения взрослых обоёго пола и подростков. В некоторых случаях в комплексе с деталями лука были обнаружены каменные и костяные наконечники стрел и другой инвентарь. Достоверные деревянные части луков пока выявлены не были, а взаиморасположение роговых деталей однозначных ответов на ряд вопросов не даёт.

Трасологические данные. Изученные S-образные наконечники, несмотря на внешнее сходство, существенно различаются по технологии изготовления. Так, при изготовлении наконечника № 2 (Степное) в качестве основного приёма «доводки» изделия мастером было применено строгание (по терминологии А. Н. Усачука шабрение [36]. Об этом свидетельствуют расположенные в разных плоскостях по всей поверхности изделия небольшие, «чешуйчатой» формы

площадки, на которых отчётливо прослеживаются трассы в виде линейных углублённых и выступающих бороздок. Прослеженная устойчивость сочетания трасс даёт возможность предположить, что инструмент, применённый для строгания, имел небольшую рабочую часть (лезвие с двусторонней заточкой) и, вероятно, мог быть каменным (на это указывает «волнообразное» дно поверхностей площадок). Основным приёмом окончательной обработки наконечника № 1 — шлифовка и, возможно, даже полировка — настолько гладкая поверхность исследованного нами изделия. «Заполировка» поверхностей во время эксплуатации может быть исключена, поскольку конфигурация поверхностей достаточно сложная, чтобы испытывать равномерное трение по всей площади.

Второй отличительный технологический приём — изготовление глухого отверстия под «крепёжный» шип. В наконечнике № 2 данное отверстие прямоугольной в плане формы выполнено долблением (не удалось установить, имело ли место предварительное сверление, поскольку его следов в дне отверстия не обнаружено). Другое наконечник имело отверстие круглой формы, изготовленное при помощи станкового плоского (перового) сверла. Не вызывает сомнения то, что оба мастера при изготовлении наконечников использовали все доступные на то время технологические приёмы, начиная с выбора материала, обработки сырья и заканчивая полировкой изделия (в наконечнике № 2 этим приёмом мастер воспользовался при обработке торцевой части крюка).

На фоне тщательного и, можно сказать, художественного изготовления наконечников, окончания кибити (Степное) выглядят просто, если не сказать небрежно. На обоих исследованных предметах

не обнаружено следов обработки наружных поверхностей. Внутренние поверхности продольного отверстия для насаживания на конец дуги лука также не несут никаких технологических следов. Для объяснения могут быть предложены следующие версии: во-первых, нижняя часть лука длительное время (часто) находилась в горите и, следовательно, испытывала непосредственный контакт с его поверхностями. Это могло повлечь утрату следов обработки (если они и были) наружных поверхностей. Во-вторых, эта деталь лука, в отличие от наверхия, могла быть съёмной (возможно, даже могла заменяться в боевых условиях при разрыве тетивы) и поверхности её внутреннего отверстия подвергались достаточно частому трению об окончание дуги.

Полочка изготовлена простым вырезанием при помощи инструмента с металлическим лезвием, о чём свидетельствуют следы в одном из направляющих «желобов», не полностью «заполированные» в процессе эксплуатации; выемка на основании — скоблением. Сохранившиеся длинные продольные трассы, скорее всего, намеренно не были подвергнуты какой-либо доработке (строгание, шлифовка) для наиболее плотного соединения с дугой лука при склеивании.

Амортизационные следы наиболее ярко представлены на двух наверхиях, при этом речь идёт не о так называемой заполированности технологических следов, а о значительной сработанности (потере) части материала изделия. Сработанность на отдельных участках очень значительная и составляет 3–5 мм (!) от предполагаемого нового изделия. Учитывая достаточно большую твёрдость использованного материала, можно предположить, что рабочая

нагрузка на данный элемент конструкции лука была огромной, и речь идёт не только о силе дуги (от неё зависит натяжение тетивы лука), но и о количестве произведённых выстрелов. В рассмотренных случаях можно говорить о многих тысячах выстрелов. Интересным представляется тот факт, что сработанность полости крюка для петли тетивы наверхия имеет чётко выраженное направление: у первого из описанных — в правую сторону, у второго — в левую. Это, видимо, свидетельствует о различных модификациях луков: для левши и для правши. Не вызывает сомнения и тот факт, что данные наверхия, как элемент конструкции лука, служили вплоть до их полной непригодности к выполнению своих функций. В первом случае тетива полностью перетёрла основание. Во втором произошло изнашивание хвостовика основания — до такой степени, что, вероятно, стало невозможным его дальнейшее надёжное крепление с дугой лука.

Что касается роговых окончаний киби́ти из могильника Степное, то выше нами уже были упомянуты возможные причины отсутствия на их поверхностях следов обработки и каких-либо ярко выраженных следов эксплуатации. Незначительная «сработанность» кромок отверстия для петли тетивы окончания (в пределах 1 мм, что радикально отличается от изношенности полосы для петли тетивы наверхий) и обломанный край втулки дают нам возможность предположить сравнительно небольшую «продолжительности жизни» данного элемента конструкции лука. Сказать что-либо определённое о втором (миниатюрном) окончании не представляется возможным по причине его худшей сохранности и вследствие особенностей конструкции. Втулка окончания

2 настолько глубока, что прорезала поперечное отверстие для петли тетивы, что, возможно, послужило причиной разрушения стенки. Вполне вероятно, что окончание 2 — это не готовое изделие, которое было использовано и разрушилось в процессе эксплуатации, а всего лишь неудавшаяся попытка изготовить данный элемент конструкции лука.

Свидетельства использования полочки обнаружены главным образом на «дне» одного из лож: здесь «заполированность» следов изготовления прослеживается более явно, чем во втором «дне». Хорошо видны амортизационные следы на среднем и внутренней части нижнего «ребра» полочки. На них наблюдается изношенность до 0,5–0,8 мм стенок, что, как будто бы, подтверждает предположение об использовании данного элемента конструкции лука в качестве опоры стрелы при стрельбе.

Варианты реконструкции. Предваря дальнейшие суждения, авторы должны признать в той или иной степени гипотетичность представленных версий. Однако мы полагаем, что наше изложение сможет привлечь внимание специалистов к этим редким, а потому затруднительным для интерпретации находкам. Сделанный краткий обзор позволяет с уверенностью констатировать знакомство синташтинского населения с технологией изготовления и использование усиленного лука, деревянная основа которого дополнялась роговыми (либо костяными?) деталями.

Версия 1 (А. Г. Берсенёв, А. В. Епи-махов). Втульчатое окончание кибити было призвано обеспечить надёжное крепление тетивы и, вероятно, возможность её быстрой замены. На это может косвенно указывать парность находок и их локализация рядом друг с другом. При стрельбе (и транспортировке) эта

деталь располагалась на нижней части и не была жёстко зафиксирована на деревянном теле лука. Верхняя часть лука была снабжена S-образной накладкой для натягивания тетивы. В отличие от нижней детали она была прикреплена с максимальной тщательностью (склеивание, примотка), поскольку и при натягивании, и стрельбе на неё приходилась значительная нагрузка. В средней части теми же средствами и с тем же тщанием крепилась планка.

Версия 2 (Д. Г. Зданович). Возможность иного варианта реконструкции провоцируется, в первую очередь, находками в Степном. Их археологический контекст, хотя и не вполне чёткий, всё же позволяет предполагать, что здесь были обнаружены остатки *двух* усиленных луков *двух* разных типов. Фрагменты одного находились в западной части ямы, а другого — в восточной.

Тип 1. Особенностью луков этого типа является оформление концов кибити при помощи роговых насадок (рис. 2: 5–6). Использовались обрезки рогов диких копытных (лося, сайги). Заготовки имеют слегка изогнутую, «клыкообразную» форму, завершённым изделиям придан вид сильно вытянутых конусов со скругленными вершинами. В Степном насадки лежали на полу погребения параллельно и вплотную друг к другу, концами в одном направлении — так, как если бы лук был преднамеренно сломан пополам¹. Все изделия характеризуются близкими размерами (табл. 1), при этом нужно учесть, что при доработке заготовок (Каменный Амбар-5) их размеры

¹ Такая ситуация не только соответствует «деструктивному» аспекту погребального обряда, но и неоднократно фиксировалась археологически в разных культурах, например, находками луков в погребениях энеолитической серовской культуры в Прибайкалье [28. С. 220].

должны были измениться в сторону уменьшения параметров.

Принцип действия луков этого типа, обеспечивавший им достаточную эффективность, вполне очевиден и является общим для усиленных луков. Он основан на наличии абсолютно жёстких «рогов» лука при достижении особой гибкости его плечевых частей. «Хотя сам конец лука и не перегибается, он, удлиняя вибрирующее плечо, значительно увеличивает силу броска» [24. С. 13]. Судя по всему, перед нами лук вполне ординарной сегментовидной формы, симметричный либо с лёгкими признаками асимметрии.

Tun 2. Характеризуется наличием накладки или, скорее, накладок, на плечи лука. Имеется в виду, что накладкой (а не «полочкой») мог быть предмет № 2 из Степного. Положение предметов *in situ* в этом случае, недоказуемо, однако они вполне могли принадлежать одному и тому же конкретному экземпляру лука. Изделия выполнены из одного материала и в едином стиле.

Накладка №1 из указанного погребения (рис. 1, 1) — более массивная и сложная в исполнении, имеет характерную узнаваемую форму окончания кибиты многих древних и современных луков. Между предметами из Степного

и Солнца II имеются небольшие различия как дизайнерского, так и конструктивного характера. При этом размеры накладок практически одинаковы (табл. 2).

Степнинская накладка (?) № 2 (рис. 1: 2) более простая в исполнении и менее массивная; полных аналогов среди древностей бронзового века, насколько нам известно, она не имеет.

Можно попытаться реконструировать некоторые особенности функционирования синташтинских луков типа 2. Так, известно, что тетива большинства древних луков делалась с накидными петлями на обоих её концах. Это обеспечивало лучшую сохранность тетивы. Существовал, однако, и способ, когда на одном из концов лука тетиву привязывали наглухо, используя затяжной (мёртвый) узел [24. С. 19]. Можно предположить, что именно этот способ был характерен для синташтинских луков второго типа: накладка № 2 служила для фиксации одного из концов тетивы, другой конец которой, приводя лук в рабочее положение, набрасывали на крючок накладки № 1. Можно высказать и другое предположение: синташтинский лук типа 2 был асимметричным, его плечи имели разную толщину. На утончённом и более длинном плече внизу лука крепилась накладка № 2.

Таблица 1

Могильник	Предмет	Длина, см	Диаметр максимальный, см
Каменный Амбар-5	Заготовка № 1	13,0	2,7
	Заготовка № 2	11,0	2,4
Степное	Насадка № 1	11,8	2,0
	Насадка № 2	6,9	1,8

Таблица 2

Могильник	Общие параметры, см			Параметры слепых отверстий, см	
	Длина	Высота	Ширина	Размеры	Глубина
Степное	7,0	3,5	2,5–2,7	1,0×0,7	1,4
Солнце II	7,2	3,2	2,7	0,7 (диаметр)	2,5

В сечении плечо было круглым, диаметром 1,6–1,8 см. Плечо, снабженное накладкой № 1, было более массивным. Ширина кибити здесь составляла 2,7 см. Такой тип асимметричных луков хорошо известен. Как, например, отметил А. П. Окладников, у большинства современных луков «один конец... массивнее другого» [28. С. 221].

Вариант реконструкции 2, таким образом, предполагает, что в настоящее время известны остатки четырёх-пяти синташтинских луков, происходящие из трёх могильников. Во всех случаях сохранились лишь роговые детали луков либо их заготовки, что существенно ограничивает возможности целостной реконструкции синташтинского лука. При этом ещё раз нужно подчеркнуть, что набор артефактов из могильника Каменный Амбар-5 (курган 2, погребение 15) хорошо соотносится с остатками лука № 1 из могильника Степное-М (курган 4, погребение 13), а деталь из могильника Солнце II (курган 1, погребение 1) соответствует луку № 2 из Степного. Таким образом, можно высказать предположение о существовании в синташтинское время как минимум двух, уже достаточно хорошо конституированных типов составного лука.

Предложенные версии отнюдь не отрицают существование более простых вариантов конструкции, на что указывает значительная вариативность наконечников стрел, сильно отличающихся не только по материалу и конструкции, но и по весу¹. Да и число комплексов с наборами наконечников стрел минимум на

порядок отличается от погребений с деталями лука. В одном случае мы имеем возможность судить о длине древков — 50–60 см [11. С. 56]². Этот параметр косвенно указывает на относительно небольшие размеры усиленного лука, поскольку колчан обнаружен в одном комплексе с описанными выше деталями (Каменный Амбар-5, курган 2, могильная яма 15).

Заключение. Если традиция помещения в погребения луков сложной конструкции (или их деталей?) постепенно сходит на нет, то говорить об утрате навыков их изготовления явно не приходится. Правда, находки с поселений Урала более скудны в сравнении с Западной Сибирью. Примером может служить находка костяной накладки при раскопках ямы 4 землянки № 1 Алексеевского поселения [19. С. 83–84]. Датировка этого артефакта неоднозначна: автор раскопок склонялась к мысли о его предшествовании валиковому сосуду, помещённому в яму. Возможно, список может быть расширен за счёт межовской культуры [27. Рис. 36: 3, 4]³.

Стабильно встречаются накладки (массивные экземпляры иногда определяются как «концевые вкладыши» [21. С. 71]) в целом ряде культур: кротовской [25. С. 52, 54], фёдоровской [13. С. 47–48], пахомовской [17], еловской [22], ирменской [25], черкаскульской (?) [20. С. 172], сузгунской [30. С. 45–46]. Эти артефакты, имеющие продолжение в более поздние эпохи, заметно отличаются от синташтинских, поскольку во всех случаях речь идёт о костяных

¹ Нужно отметить, что при попытках соотнесения массы наконечников стрел из разных материалов возникают определённые проблемы. Так, наличная масса наконечников из кости и рога обычно оказывается больше расчётной — вероятно, в результате заполнения части органического материала кости минеральными соединениями [1. С. 147].

² Близкие размеры приводит Н. И. Шишлина для единственного случая, когда достоверно была установлена длина стрелы срубной культуры — 67 см [37. С. 33].

³ Автор публикации трактует находку иначе (детали конской сбруи [27. С. 33]), однако развёрнутой аргументации не приводит.

и роговых пластинах, снабжённых пазами. Вероятно, можно говорить о существовании нескольких разных традиций изготовления и эксплуатации луков в бронзовом веке Урала и Сибири.

Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН, при финансовой поддержке РФФИ (проекты №06-06-96906-р_урал_а и 08-06-00380-а) и РГНФ (проект № 08-01-85118а/У).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / сост. Д. Г. Зданович. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002.

2. Бочкарев, В. С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы / В. С. Бочкарев // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань : Рухият, 2002.

3. Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара : Самар. ун-т, 1994.

4. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск : ЮУКИ, 2003.

5. Виноградов, Н. Б. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации / Н. Б. Виноградов // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. : Ин-т археологии РАН, 2004.

6. Генинг, В. Ф. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Т. 1.

7. Генинг, В. Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племён / В. Ф. Генинг // Сов. археология. 1977. № 4.

8. Евдокимов, В. В. Эпоха бронзы Центрального и Восточного Казахстана / В. В. Евдокимов, В. В. Варфоломеев. Караганда, 2002.

9. Епимахов, А. В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы / А. В. Епимахов // Рос. археология. 2003. № 1.

10. Епимахов, А. В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укреплён-

ного поселения средней бронзы Устье / А. В. Епимахов // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996.

11. Епимахов, А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) / А. В. Епимахов. Челябинск : ЮУКИ, 2005. Кн. 1.

12. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2002.

13. Зах, В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического комплекса) / В. А. Зах. Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997.

14. Зданович, Г. Б. 2007. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск : Крокус : ЮУКИ, 2007.

15. Зданович, Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья / Г. Б. Зданович // Рос. археология. 1997. № 2.

16. Зданович, Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (Основы периодизации) / Г. Б. Зданович. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988.

17. Корочкова, О. Н. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) / О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова // Вопр. археологии Урала. Вып. 20. Свердловск : УрГУ, 1991.

18. Костюков, В. П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В. П. Костюков, А. В. Епимахов, Д. В. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара : Изд-во СамГПУ, 1995.

19. Кривцова-Гракова, О. А. Алексеевское поселение и могильник / О. А. Кривцова-Гракова // Тр. ГИМ. 1947. Вып. XVII.

20. Матвеев, А. В. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаёжной полосы / А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева, А. Н. Панфилов и др. Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1995.

21. Матвеев, А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье / А. В. Матвеев.

Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993.

22. Матющенко, В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть четвертая. Еловско-ирменская культура / В. И. Матющенко // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1974.

23. Матющенко, В. И. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска / В. И. Матющенко, Г. В. Синицина. Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1988.

24. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археолог. источников. 1966. Вып. Е1-36.

25. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1985.

26. Нелин, Д. В. Лук и стрелы населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы / Д. В. Нелин // XIII Уральское археологическое совещание : тез. докл. Ч. I. Уфа : Вост. ун-т, 1996.

27. Обыденнов, М. Ф. Межовская культура / М. Ф. Обыденнов. Уфа : БЭК, 1998.

28. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I–II / А. П. Окладников // Материалы и исслед. по археологии. 1950. № 18.

29. Оружие метательное. Арбалеты и луки спортивные, арбалеты и луки для отдыха и развлечения. Термины и определения: ГОСТ Р 51549-2000.

30. Потёмкина, Т. М. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) / Т. М. Потёмкина,

О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов. М. : ПАИМС, 1995.

31. Пряхин, А. Д. Доно-Волжская абашевская культура / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Е. Ю. Захарова и др. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001.

32. Ткачёв, А. А., Центральный Казахстан в эпоху бронзы / А. А. Ткачёв. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1.

33. Ткачёв, В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы / В. В. Ткачёв. Актобе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007.

34. Трубников, Б. Г. Определитель оружия и вооружения / Б. Г. Трубников. М. : Полигон, 1998.

35. Усачук, А. Н. Каменноамбарские пса-лии (трасологический анализ) / А. Н. Усачук // Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск : ЮУКИ, 2005.

36. Усачук, А. Н. Региональные особенности технологии изготовления щитковых псалиев (по материалам Среднего Дона, Поволжья и Южного Урала) / А. Н. Усачук // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии : в честь юбилея Г. Ф. Коробковой. СПб., 2003.

37. Шишлина, Н. И. О сложном луке срубной культуры / Н. И. Шишлина // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) : тр. ГИМ. 1990. Вып. 74.

38. Makkaý, J. The oar of Odysseus / J. Makkaý. Budapest (Published by the author), 2006.

Л. Л. Гайдученко

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ УКРЕПЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ «СТРАНЫ ГОРОДОВ» ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Среди разнообразных следов деятельности обитателей укрепленных поселений (далее — УП) эпохи средней бронзы Южного Зауралья, находимых при археологических раскопках, наименее изученной группой являются биологические остатки. Если останки животных (преимущественно млекопитающих) традиционно изучаются, то остатки растений остаются практически не изученными. Слабо изучены и останки птиц, пресмыкающихся, земноводных, рыб и беспозвоночных животных.

Вместе с тем изучение этих объектов необходимо для составления картины использования природных ресурсов в изучаемой древности, для реконструкции археологических и археоэкономических особенностей конкретных групп населения.

Предлагаемая работа является наиболее полной публикацией известных к настоящему времени материалов. Рассматриваемые здесь памятники характеризуются разной степенью «чистоты» культурного слоя. В верхней части культурного слоя УП Аркаим имеются следы пребывания алакульского населения, но они столь незначительны, что в контексте настоящей работы могут не учитываться. Раскопками 1997 г. на УП Аландское вскрыта та часть памятника, которая может быть уверенно соотнесена с синташтинским населением и имеет минимальные

примеси материалов более позднего периода в культурном слое¹. Поселение Семиозёрное II (Казахстан, Кустанайская обл.), привлекаемое в настоящей работе для сравнения, можно отнести к петровской культуре, поселение считается однослойным [10]. По мнению Г. Б. Здановича (устное сообщение), примесь более ранних материалов здесь не исключена, но она весьма незначительна.

Сложнее с определением времени накопления культурных и биологических остатков на УП Берсуат и Куйсак. По сообщению Г. Б. Здановича, УП Берсуат включает материалы как синташтинского, так и срубно-алакульского времён, и разделение их на настоящем этапе исследований не представляется возможным. УП Куйсак было населено в синташтинское и раннеалакульское время. Благодаря изучению стратиграфии, удалось выделить три этапа существования этого памятника и соответствующим образом разделить материалы [15]. Дробная стратиграфия памятников в настоящей работе не рассматривается. Биологические остатки из слоёв УП представлены в обобщённом виде.

Поскольку мнения исследователей относительно датировок культур эпохи бронзы региона различаются и общие представления пока не выработаны,

¹ Это подтверждают и раскопки последующих лет.

я считаю возможным опираться на даты, принятые ранее в России (табл. 1).

Остатки растений. До недавнего времени для рассматриваемой группы памятников остатки растений почти не изучались, имеются лишь упоминания в отдельных публикациях [8; 9 и др.].

В помещаемом ниже аннотированном списке установленных таксонов применена последовательность, отвечающая систематическому принципу.

1. *Larix sp.* — *лиственница*. Фрагменты круглых стволов диаметром 18–27 см, с корой, найдены среди остатков строительных конструкций на УП Синташта. Обломки стволов найдены в колодцах УП Аркаим. Фрагменты ветвей (иногда с корой) длиной от нескольких до 47 см и диаметром 2,5–7,8 см найдены среди остатков строительных конструкций на УП Аландское и в слоях поселений Синташта, Берсуат, Аркаим. Угли лиственничного происхождения найдены среди остатков очагов и печей УП Аркаим и в заполнении жилищ этого памятника.

2. *Pinus sp.* — *сосна*. Фрагменты круглых стволов диаметром 8–22 см, с корой, найдены среди остатков строительных конструкций на УП Синташта, Аркаим, Аландское, Берсуат, Куйсак. На Аландском они достигали длины до 3 м. Фрагменты плах (?) — расколотых вдоль стволов — и круглых стволов известны из внутренней обшивки стен жилищ УП Аландское. Фрагменты сосновых жердей и ветвей найдены среди остатков перекрытий жилищ этого же УП (рис. 1, а и б). Сосновые угли встречаются среди остатков очагов, в заполнениях колодцев, зольниках и повсеместно в слоях перечисленных выше памятников.

3. *Typha sp.* — *рогоз*. Фрагменты и почти целые стебли с листьями, но без генеративных органов и корней встречены среди остатков строительных конструкций и на полу жилищ в УП Аландское. Здесь же найдены остатки плетёной циновки из листьев рогоза. Отдельные фрагменты стеблей и листьев найдены на УП Куйсак.

Таблица 1

Сопоставление хроноинтервалов изучаемых памятников

Век до н. э.	Археологическая культура	Памятник					
		1	2	3	4	5	6
15	Алакульская-Срубная	●		●●	●●		●●
16				●			
17	Синташтинская					●	
18							

Примечание: серым цветом показан основной интервал, кружками — примеси более ранних или более поздних материалов.

Памятники: 1 — Аркаим; 2 — Аландское (раскоп 1997 г.); 3 — Куйсак; 4 — Берсуат; 5 — Семиозёрное II, 6 — Синташта.

4. *Panicum sp.* — *просо*. Остатки зерновых чешуй и их обломков (полова) найдены на УП Аландское в заполнении углубления в полу жилища (рис. 1). При изучении остатков пищи из керамических сосудов частицы зёрён проса были обнаружены на УП Аркаим и Аландское.

5. *Achnatherum sp.* — *чий*. Целые стебли с остатками генеративных органов и фрагменты стеблей (диаметр 0,3–0,6 см, длина до 93 см) найдены среди остатков строительных конструкций УП Аландское.

6. *Stipa sp.* — *ковыль*. Большое количество надземных частей растений (без генеративных органов) найдено среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское и на полу жилищ (Аландское, Аркаим). Отпечатки стеблей и листьев этого злака часто встречаются на обожжённых остатках обмазки.

7. *Phragmites sp.* — *тростник*. Остатки листьев и стеблей без генеративных органов найдены среди завалов перекрытий жилищ УП Аландское. Фрагменты стеблей и листьев найдены на УП Аркаим, Берсуат, Куйсак, Синташты.

8. *Festuca sp.* — *овсяница*. Стебли и листья найдены среди остатков перекрытий и на полу жилищ УП Аландское. Здесь же найдены два изделия («веночки»

из сдвоенных и скрученных жгутов из стеблей и листьев этого злака.

9. *Bromopsis sp.* — *кострец*. Стебли и листья без генеративных органов найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское.

10. *Triticum sp.* — *пшеница*. Фрагменты зерновок пшеницы обнаружены при анализе пищи в керамических сосудах УП Аркаим и Аландское.

11. *Hordeum sp.* — *ячмень*. Остатки зерновок ячменя обнаружены при анализе остатков пищи в керамических сосудах УП Аркаим.

12. *Scirpus sp.* — *камыш*. Стебли камыша найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Их фрагменты найдены на УП Синташта, Куйсак.

13. *Carex sp.sp.* — *осоки*. Стебли и листья разных видов осок найдены среди остатков строительных конструкций УП Аландское. Их фрагменты найдены на УП Аркаим, Берсуат.

14. *Populus tremula L.* — *осина*. Фрагменты круглых неокорённых стволов диаметром 14 см и длиной около 2 м найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Угли осины встречены на УП Аркаим, Аландское, Берсуат, Куйсак.

15. *Salix sp.sp.* — *ивы*. Фрагменты неокорённых ветвей и стволов кустарниковых

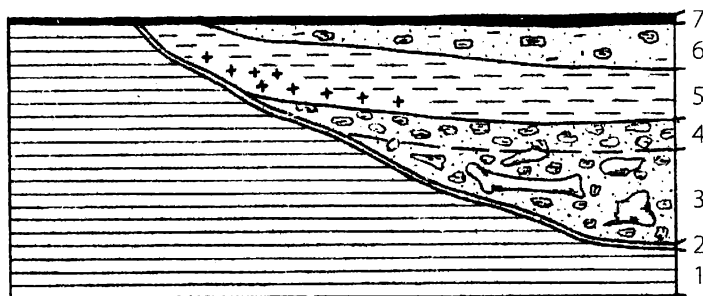

Рис. 1. Разрез южной части углубления в месте находки остатков проса на УП Аландское:

- 1 — материк; 2 — остатки коровьего навоза; 3 — щебнистый слой с костями;
4 — щебнисто-золистый слой; 5 — глинисто-золистый слой с остатками проса
(показаны крестиками); 6 — глинистая обмазка пола; 7 — глинисто-навозная обмазка пола

форм ив многочисленны среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Угли ив встречены на УП Аркаим, Аландское, Синташта, Берсуат.

16. *Betula sp.* — берёза. Фрагменты стволов и ветвей встречены в заполнении колодцев УП Аркаим. Берёзовые угли найдены на УП Аркаим, Аландское, Синташта, Куйсак, Берсуат. Стволы с корой использованы как опорные столбы в жилищах УП Аландское.

17. *Alnus sp.* — ольха. Фрагменты плода ольхи найдены среди остатков очага в жилище 2-16 УП Аркаим.

18. *Quercus sp.* — дуб. Фрагмент крышечки жёлудя найден среди остатков очага в жилище 2-16 УП Аркаим.

19. *Ulmus sp.* — вяз. Фрагменты ветвей вяза найдены среди остатков очага в жилище 2-17 УП Аркаим.

20. *Cannabis sp.* — конопля. Фрагменты стеблей конопли найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское и в заполнении жилищ УП Аркаим.

21. *Utrica sp.* — крапива. Фрагменты стеблей крапивы с частями корневищ найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское.

22. *Chenopodium sp.* — марь (лебеда). Фрагменты стеблей мари найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское.

23. *Spiraea sp.* — таволга (спирей). Стебли спиреи с частями корней и их фрагменты найдены среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Угли спиреи найдены на УП Аландское, Аркаим, Берсуат.

24. *Cotoneaster sp.* — кизильник. Угли кизильника найдены в заполнении жилищ и рвов УП Аркаим.

25. *Crataegus sp.* — боярышник. Обугленные фрагменты ветвей боярышника найдены в заполнении внутреннего рва УП Аркаим. Фрагменты плодов

боярышника найдены на УП Аландское.

26. *Rosa sp.* — шиповник. Обугленные фрагменты стеблей шиповника найдены на УП Аркаим, Аландское, Куйсак.

27. *Cerasus fruticosa Pall.* — вишня кустарниковая. Фрагменты косточек плодов этого вида найдены на УП Аркаим и Аландское.

28. *Prunus sp.* — слива. Отпечаток косточки сливы найден на фрагменте обмазки на УП Аландское. По устному сообщению Г. Б. Здановича, четыре косточки сливы были найдены в заполнении рва УП Аркаим.

29. *Caragana sp.* — карагана (степная акация). Стебли караганы, иногда с остатками корней, часто встречаются среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Фрагменты стеблей найдены на УП Аркаим, Берсуат, Куйсак.

30. *Limonium sp.* — кермек. Фрагменты стеблей этого вида найдены на УП Аландское.

31. *Lonicera sp.* — жимолость. Фрагменты ветвей этого вида и угли найдены на УП Аландское.

32. *Artemisia sp.sp.* — полыни. Стебли полыней нескольких видов нередко встречаются среди остатков перекрытий жилищ УП Аландское. Фрагменты стеблей крупной полыни встречены среди остатков очага в жилище 2-17 УП Аркаим.

Согласно флористическим исследованиям, выполненным Д. А. Моисеевым [18], подавляющее большинство отмеченных дикорастущих растений произрастает в пределах «Страны городов» в настоящее время. Исключение составляют лишь дуб и слива, в диком виде здесь не встречающиеся.

С учётом распределения остатков растений в пределах исследованных структур укрепленных поселений, прямое их использование отмечается

для обеспечения самых разнообразных потребностей древних насельников.

В строительстве использовалось большинство из выявленных растений. Исключения составляют лишь №: 4, 10, 11, 17, 18, 25, 27, 28. В качестве опорных столбов в жилищах применялись круглые, как правило, неошкуренные стволы лиственницы, сосны, берёзы. В качестве несущих элементов перекрытий, насколько об этом можно судить по остаткам жилищ УП Аландское, использовались такие же материалы и дополнительно жерди из осины и ивы. Поверх несущих элементов перекрытия укладывался настил из ветвей деревьев и крупных кустарников, на них — второй настил из травы и мелких кустарников.

Сверху все это промазывалось глиной (рис. 2).

Полы жилищ в некоторых случаях покрывались глиняной обмазкой с добавлением коровьего навоза (УП Аландское) (см. рис. 1). Иногда содержание навоза в обмазке значительно превышало содержание глины. В этих случаях вполне можно считать, что обмазка пола выполнена коровяком с небольшой примесью глины.

В некоторых случаях целыми и расколотыми вдоль (?) стволами сосны и лиственницы обставлялись стены изнутри жилищ (УП Аркаим, Аландское, Синташта).

Для изготовления различных изделий использовалась древесина и кора

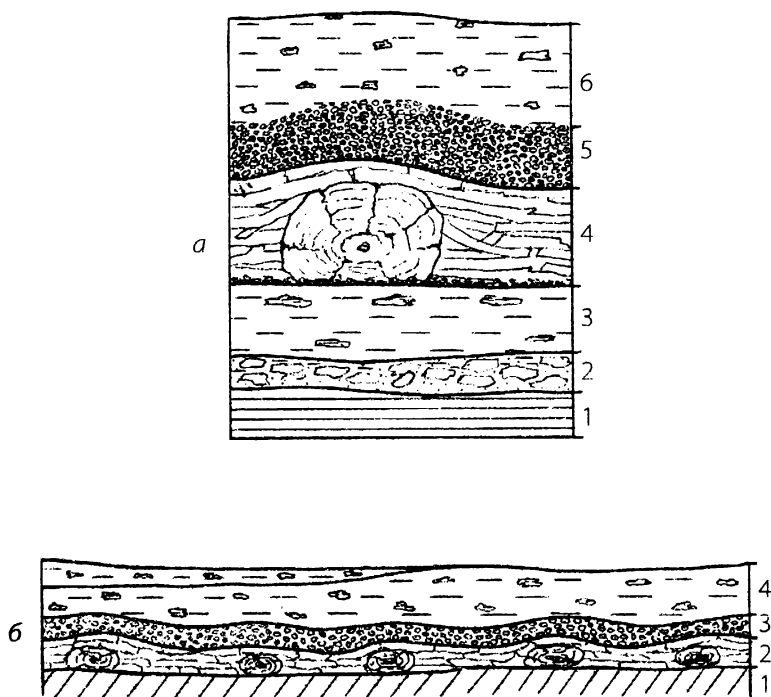

Рис. 2. Разрезы строительных конструкций УП Аландское

a — пол и упавшее поверх него перекрытие:

1 — материк; 2 — щебнистый насыпной слой; 3 — обмазка пола; 4 — жердь перекрытия и уложенный в крест к ней хворост; 5 — травяной слой; 6 — обмазка перекрытия;

б — фрагмент перекрытия:

1 — пол; 2 — жерди перекрытия и лежащий в крест к ним хворост;
3 — травяной слой; 4 — обмазка перекрытия

берёзы. Деревянный (берёзовый?) сосуд был найден в погребении 10 кургана 25 могильника Большекараганский [11. С. 45. Рис. 25]. Туесок из берёсты был найден в погребении кургана 1 могильника возле УП Степное А. Д. Таировым. К сожалению, мы не знаем, какие виды использовались для изготовления колесниц. Лишь по аналогии с современными повозками региона можно предполагать, что колёса и оси изготавливались из берёзы, а кузов, возможно, из вяза и ивы. Не исключено, что он целиком сплетался из прутьев ивы.

Заслуживает внимания находка двух «веночков», сплетённых из перекрученных жгутов из стеблей и листьев овсяницы, на полу жилища поселения Аландское. Я предполагаю, что в прошлом они надевались на горловину сосуда, то есть использовались в качестве прихваток при переноске горячих керамических сосудов с пищей или отварами.

Ткани. Исследованиями М. В. Галиуллиной установлено наличие отпечатков тканей из растительных волокон на керамических сосудах из УП Аркаим [7]. Происхождение растительного сырья не определено, но находки остатков конопли и крапивы на УП Аландское позволяют высказать предположение о возможности использования местного растительного сырья для выработки нитей. В связи с этим заслуживает внимания нахождение отпечатка ткани из растительных волокон на полу жилища УП Аландское, опубликованное Н. И. Шишлиной [19. С. 131].

Топливо. Судя по остаткам углей из очагов и печей и по составам зольников, в качестве топлива использовались практически все виды деревьев и кустарников, а также грубостебельные травы. Кроме того, в качестве топлива использовался кизяк — высушенный навоз домашних

копытных (преимущественно крупного рогатого скота).

В питании. При раскопках УП Аландское в 1999 г. найдены остатки проса (*Panicum* sp.). К настоящему времени эта находка является пока единственной находкой подобного рода в укрепленном поселении. Это обусловлено не отсутствием здесь в прошлом зёрен злаков вообще, а зональными тафономическими особенностями¹. О значительной роли зерна злаков в питании древнего населения изучаемых памятников можно судить по данным исследований пригоревшей в керамических сосудах пищи [6].

Путём анализа некогда пригоревшего содержимого сосудов установлено также широкое использование в пищу незерновых растений, но определение последних до вида или хотя бы рода невозможно.

Следует отметить находки фрагмента жёлудя дуба в зольнике на Аркаиме, остатки плодов боярышника на Аландском и вишни на Аркаиме и Аландском, а также находку отпечатка сливовой косточки на Аландском и четырёх косточек сливы на Аркаиме. Боярышник и вишня являются местными видами, произрастающими в пределах «Страны городов» в настоящее время. Дуб и слива — явные свидетельства импорта. Дуб — из Предуралья, а слива — с южных территорий.

Останки животных. Как уже отмечалось, это традиционно изучающаяся

¹ С. А. Григорьев отмечает, что в результате промывки больших объёмов грунта на Аркаиме, тем не менее зёрен злаков не найдено, тогда как из памятников древнеземледельческих культур они получаются в значительных количествах [9]. Замечу, что тафономические условия «Страны городов» и традиционных территорий древнего земледелия весьма различаются. Сохранность, например, остатков проса из Аландского такова, что при промывке они полностью разрушаются.

группа биологических остатков. В табл. 2 приведены сведения о видовом составе животных, остатки которых найдены в процессе раскопок укрепленных поселений¹. Вследствие того, что мною были предприняты специальные работы по извлечению остатков мелких животных (промывка на ситах грунта из зольников, остатков очагов и заполнений ям), приводимые в табл. 2 данные по этой группе достаточно полны. В таблице учтены только те остатки, в синхронности которых населенникам УП нет сомнений.

Дикие животные. При дальнейшем рассмотрении табл. 2 исключим виды, обозначенные № 11–13, 35–37. Эти животные сопутствовали поселениям человека в древности, используя его жилища для обитания [4. С. 57–59]. Добычей и разведением остальных видов диких и домашних животных, указанных в табл. 2, обеспечивались разные направления деятельности древних насельников УП при сохранении императива пищеобеспечения.

К продуктам *собираательства* можно отнести беспозвоночных: два вида двустворчатых моллюсков и речного рака — обитателей вод местных рек. Сюда, вероятно, следует включить и бо́лтную черепаху.

Рыбная ловля позволяла добывать достаточно разнообразный набор рыб — обитателей местных водоёмов.

¹ Мною изучены останки животных из УП Берсуат и Аландское. Опубликованный П. А. Косинцевым [13] список для УП Аркаим с небольшими изменениями (исключён человек, *Sus srofa* f. *domestica* рассматривается мною как *Sus srofa* — кабан или дикая свинья) положен в основу соответствующей графы табл. 2. Он дополнен данными изучения остатков, полученных после 1991 г. Остатки животных из раскопках УП Куйсак 1994 г. изучены мною, а из раскопок предыдущего года — П. А. Косинцевым и Д. И. Ражевым, любезно разрешившими использовать их данные для сводного списка по этому памятнику.

Добывались преимущественно мелкие и средние по величине рыбы (12–20 см), щука — 40–50 см. Размеры осетровых по имеющимся остаткам установить не удаётся. По двум чешуям карася и одной чешуе плотвы устанавливается тёплый период лова.

Для всех укрепленных поселений отмечаются находки копролитов собак с костями и чешуёй рыб. Иногда копролиты почти полностью состоят из них. Весьма вероятно, что рыбные отбросы почти полностью съедались собаками, и поэтому остатки рыб редко встречаются при раскопках. С учётом этого приходится признать недостаточность данных о значении рыбы в питании населения УП.

Я считаю, что рыболовство в жизни обитателей укрепленных поселений имело большее значение, чем об этом можно судить по достаточно редким находкам остатков рыб. В пользу такого предположения свидетельствуют находки рыболовных крючков на укрепленных поселениях и среди инвентаря погребений. Вполне допустимо, что в тёплое время года, когда в укрепленном поселении оставалось небольшое число обитателей, рыбная ловля не только разнообразила, но и существенно дополняла их рацион. Это допущение можно распространить и на охоту на птиц, мелких, средних и крупных млекопитающих, добывавшихся ещё и для получения пушно-мехового сырья.

Несмотря на представительность списка, дикие животные большого значения в пищеобеспечении населения исследованных укрепленных поселений не имели.

Домашние животные. На всех укрепленных поселениях остатки домашних животных преобладают над остатками

Таблица 2

Систематический состав животных из укреплённых поселений «Страны городов»

Систематическая принадлежность	Укреплённое поселение			
	Аркаим	Аландское	Берсуат	Куйсак
Беспозвоночные				
1. Anadonta sp.— беззубка	+	+	+	+
2. Unio sp.— перловица	+	+	+	
3. Astracus astracu — речной рак		+		
Vertebrata — Позвоночные				
Pisces — Рыбы				
4. Acipenseridae gen.sp.— осетровые	+	+		
5. Esox lucius L.— щука	+	+	+	+
6. Carassius sp.sp.— караси	+	+	+	+
7. Rutilus sp.— плотва	+	+	+	
8. Cyprinidae gen.sp.— карповые	+	+	+	+
9. Acerina cernua L.— ёрш	+			
10. Perca fluviatilis L.— окунь	+	+	+	+
Amphibia — Земноводные				
11. Pelobates friscus Laur.— чесночница	+	+		
12. Bufo viridis Laur.— зелёная жаба		+		
13. Rana sp.— лягушка		+	+	
Reptilia — Пресмыкающиеся				
14. Testudo horsfieldi Crau.— черепаха степная		+		
15. Emys orbicularis L.— черепаха болотная	+	+		
Aves — Птицы				
16. Ardea cinerea L.— серая цапля		+	+	
17. Tadorna tadorna (L.) — пеганка	+	+	+	
18. Anas platyrhynchos L.— крякva			+	+
19. Anas strepera L.— серая утка		+		
20. Anas sp.— чирок	+	+		
21. Circus sp.— лушь		+		
22. Aquilla chrysaetus L.— беркут	+			
23. Perdix perdix (L.) — серая куропатка			+	
24. Otis tarda L.— дрофа		+		+
25. Vanelus vanelus (L.) — чибис				+
26. Larus sp.— чайка		+		+
27. Aves indet — птицы, ближе не определяемые	+	+	+	+
Mammalia — Млекопитающие				
28. Lepus timidus L.— заяц-беляк				+
29. Lepus europaeus Pal.— заяц-русак		+	+	+
30. Lepus sp.— заяц		+	+	+
31. Citellus sp.— суслик	+	+	+	+
32. Marmota bobac Mül.— степной сурок (бай-бак)	+	+	+	
33. Castor fiber L.— обыкновенный (речной) бобр	+	+		+
34. Allactaga jaculus Pal.— большой тушканчик	+	+	+	
35. Apodemus agrarius Pal.— полевая мышь	+	+		+
36. Mus cf. musculus L.— мышь, сходная с домашней	+	+		
37. Arvicola terrestris L.— водяная полёвка	+	+	+	+
38. Canis lupus L.— волк	+	+	+	

Систематическая принадлежность	Укреплённое поселение			
	Аркаим	Аландское	Берсуат	Куйсак
39. <i>Vulpes vulpes</i> L.— лисица		+		
40. <i>Vulpes corsac</i> L.— корсак	+	+	+	
41. <i>Ursus arctos</i> L.— бурый медведь	+			+
42. <i>Mustela eversmanni</i> Les.— степной хорь	+	+		
43. <i>Meles meles</i> L.— барсук	+	+		
44. <i>Equus hemionus</i> — кулан	+	+	+	
45. <i>Cervus elaphus</i> L.— благородный олень	+			
46. <i>Alces alces</i> L.— лось	+			
47. <i>Capreolus pygargus</i> L.— косуля	+	+		+
48. <i>Sus scrofa ferus</i> L.— кабан	+	+	+	+
49. <i>Saiga tatarica</i> L.— сайга	+	+	+	+
50. <i>Bos primigenius</i> L.— тур (? — Л. Г.)	+			
Домашние				
51. <i>Equus caballus</i> — лошадь	+	+	+	+
52. <i>Bos taurus</i> — крупный рогатый скот	+	+	+	+
53. <i>Ovis aries</i> — овца	+	+	+	+
54. <i>Capra hircus</i> — коза	+	+	+	+
55. <i>Ovis et capra</i> — овца и коза (мелкий рогатый скот)	+	+	+	+
56. <i>Camelus bactrianus</i> — верблюд	+	+		
57. <i>Canis familiaris</i> — собака	+	+	+	+
Неопределимые останки крупных млекопитающих	+	+	+	+

диких. Это свидетельствует о животноводческом направлении экономики древних насельников региона. В табл. 3 приведены данные о соотношениях видов домашних копытных из раскопанных памятников.

При составлении таблицы для расчётов относительных показателей использованы авторские данные о максимально возможных количествах особей соответствующих видов, полученные при изучении коллекций с учётом всех особенностей остатков. Для УП Аркаим суммированы данные П. А. Косинцева [13]¹.

Рассмотрим вопрос о значимости домашних копытных в пищеобеспечении древних обитателей укрепленных

поселений. Количества особей того или иного вида, как абсолютные, так и относительные, позволяют напрямую судить об этом.

Приложим к показателям табл. 3 данные о величине поедаемой массы тела соответственного вида (группы), приводимые Л. Л. Гайдученко и Д. Г. Здановичем [6]. Произведя необходимые расчёты, получаем величины поедаемой массы тела для условной группы домашних копытных численностью в 100 особей для каждого укрепленного поселения. Распределив эти величины от наибольших к наименьшим внутри каждого укрепленного поселения, получаем соответствующие ряды значений:

Аркаим: КРС → лошадь → МРС

Аландское: КРС → лошадь → МРС

Берсуат: КРС → МРС → лошадь

Куйсак: КРС → лошадь → МРС

Семиозёрное II: КРС → лошадь → МРС

¹ Данные Н. Г. Смирнова [8. С. 110] и П. А. Косинцева [13. С. 42. Табл. 20] о составе костных остатков УП Синташта рассчитаны на основе других методик и здесь мною не используются.

Соотношение домашних копытных в группах из укрепленных поселений
(%, по количеству особей)

Вид, группа	Укрепленное поселение				Семиозёрное- II
	Аркаим	Аландское*	Берсуат	Куйсак	
Лошадь	17,00	8,82	6,42	10,23	16,86
Крупный рогатый скот	41,73	47,07	49,54	57,95	30,81
Мелкий рогатый скот	41,28	44,12	44,04	31,82	52,32
Отношение овца : коза	5:1	10:1	14:1	Коза отсутст- вует	38:1

* По результатам раскопок 1997 г.

Таким образом, в целом в пищеобеспечении населения УП эпохи средней бронзы Южного Зауралья наиболее значимым является крупный рогатый скот. За ним следует лошадь и лишь затем мелкий рогатый скот. Отмечу, что этот вывод справедлив и для поселения Семиозёрное-II, располагающегося далеко к востоку от изучаемого региона. Только для УП Берсуат на втором по значимости для пищеобеспечения месте стоит мелкий рогатый скот. Это, возможно, объясняется примесью более позднего остеологического материала или же значительной остепнённостью прилегающих к УП Берсуат территорий.

Имеющиеся данные позволяют охарактеризовать животноводство древнего населения рассматриваемой группы памятников.

По характеру содержания — отгонное. Отгоны, однако, располагались относительно недалеко от укрепленных центров, на расстоянии первых десятков километров от них, в пределах так называемой сельскохозяйственной округи, составляющей единое экономическое целое с укрепленным поселением [12. С. 14–20].

По спецификации — комплексное, полномасштабное, предпочтительно скотоводческое.

В отраслях животноводства населения исследуемого пространственно-вре-

менного континуума можно выделить ряд особенностей.

Коневодство. Вторая по значимости (как в пищеобеспечении, так и в других отношениях) отрасль животноводства. По мнению П. А. Косинцева, на Аркаиме лошади «разводились для использования на работах, где требуется резвость и выносливость (бега и скачки)» [13. С. 39]. По моим данным, в пределах «Страны городов» разводились не только, а возможно, и не столько высокоаллюрные лошади — захудалые верховые, но и лошади, относимые мною к захудалым рабочим и к примитивным мясным¹.

Поскольку имеются веские основания считать, что через «Страну городов» осуществлялся экспорт лошадей из степной зоны Казахстана [5], то пополнение табунов изучаемого региона высокоаллюрными степными лошадьми вполне допустимо и даже закономерно.

Скотоводство (под этим термином я здесь подразумеваю разведение только крупного рогатого скота). Наиболее значимая отрасль животноводства. Преобладают комолые особи [5; 13]. Последнее связывается мною с импортом КРС из областей его более давнего, чем в исследуемом регионе, разведения [5].

¹ Методика выделения конституционных типов лошади на основе археопалеологических материалов изложена ранее [3].

Вероятно, комолый морфотип КРС характеризовался более высокой молокопродуктивностью, что и послужило основанием для его импорта. О повышении роли молочной пищи в исследуемый период мною уже сообщалось [2].

В связи с проблемой импорта КРС представляется интересным остаток рога, отнесённый П. А. Косинцевым к *Bos primigenius* [13]. Мои исследования показывают, что отнесение к этому виду остатков из голоцена степной зоны Казахстана, соседствующей с востока с изучаемым регионом, основано на заблуждении. Здесь первобытный тур не встречается в отложениях, датированных позднее середины плейстоцена. Отсутствуют и его наскальные изображения, а выдаваемые за таковые [16] являются в действительности изображением зебу — *Bos indicus*. Часть изображений, отождествляемых с изображениями тура, являются изображением волов и (или) быков домашнего КРС с гипертрофированными рогами, что подчёркнуто изобразительным канон. Нельзя исключать, что описанный П. А. Косинцевым роговой стержень мог принадлежать волу-зебу, попавшему на УП Аркаим с южных территорий. Тем более что связи УП Аркаим и Аландское с южными территориями прослеживаются достаточно отчётливо¹. Мог он и в действительности принадлежать туру — привезённому со стороны в УП Аркаим в качестве диковины черепа этого вида.

Овцеводство. Третья по значимости отрасль животноводства. Исключением в этом отношении является лишь УП Берсуат, что вполне может быть объяснено значительной примесью здесь

остатков более позднего времени (табл. 1) или особенностями прилежащих пастбищ. Находки специальных орудий для вычёсывания шерсти и пуха линных животных [8. С. 117. Рис. 46, 8], пряслиц и отпечатков шерстяных тканей на сосудах из многих укрепленных поселений указывают на широкое использование овечьей шерсти в исследуемой древности.

Козоводство. Самостоятельного значения не имело, но козы являлись обычной «примесью» в отарах овец. Заслуживает внимания тенденция к сокращению их численности в направлении с запада на восток (табл. 3, последняя строка).

Свиноводство. Я не разделяю уверенности П. А. Косинцева в существовании даже очень ограниченного по числу разводимых особей свиньи у древних насельников укрепленного поселения [13]. Приводимые им меристические признаки нельзя считать убедительными. Они достаточно хорошо укладываются в пределы таковых рецентных особей дикого кабана соответствующих возрастных групп — сеголетков и подсвинков. Небольшие различия вполне объяснимы высоким уровнем изменчивости дикого кабана [1; 17].

Данные о возрастах рецентных диких кабанов, добываемых охотниками в сопредельных Аркаиму угодьях в настоящее время, неплохо соотносятся с данными, которые приводит П. А. Косинцев (табл. 4).

Преобладание в добыче подсвинков и сеголетков современные охотники объясняют большей лёгкостью охоты на особей именно этих возрастных групп. Кроме того, в стадах диких кабанов эти возрастные группы преобладают. Возможность эффективного промысла дикого кабана в регионе в эпоху бронзы

¹ Говоря о южных связях синташтинской культуры, я имею в виду прежде всего систему взаимодействий и «пространство общения», не касаясь здесь вопроса происхождения «синташты».

Таблица 4

Возрастной состав кабанов, добытых в районе УП Аркаим, в сравнении с данными П. А. Косинцева

Возраст, месяцев	УП Аркаим		Рецентные (1993–1998 гг.)	
	Количество			
	Абсолютное	%	Абсолютное	%
Взрослые, старше 22	3	11	5	16
Подсвинки, 12–22	15	53	17	55
Сеголетки, 6–12	9	32	9	29
Моложе 6	1	4	–	–
Всего	28	100	31	100

также не могла способствовать развитию на Аркаиме свиноводства¹.

Убедительным доказательством существования у населения укрепленных поселений свиноводства могут явиться данные об изменениях габитуса — укорочении лицевого отдела и конечностей, рассмотренные во времени и собранные на максимально приближенной к Аркаиму территории, но таких данных пока что нет. Основными аргументами против свиноводства у древних насельников УП и Аркаима, в частности, являются: 1) отсутствие следов загонов для передержки этих активных грунтово-рых в зимнее время; 2) невозможность обособления кормовой базы этих животных в зимнее время в исследуемом регионе; 3) отсутствие специфических черт свиноводства в остеологических и культурных комплексах раскопанных укрепленных поселений [см., например: 21. С. 134–138, 146–171].

Верблюдоводство. Представления Е. Е. Кузьминой [14. С. 10] о существовании

у насельников УП верблюдоводства основаны на заблуждении. Остатки этого вида из укрепленных поселений известны (табл. 2), но они крайне малочисленны и, по моему мнению, связаны со спорадическим убоем караванных особей. Присутствие в слоях укрепленных поселений остатков верблюдов указывает на наличие связей с южными территориями, но не на существование в пределах Южного Зауралья верблюдоводства в исследуемой древности.

Завершая эту часть работы, отмечу, что видовой состав домашних копытных изучаемой древности достаточно хорошо соотносится с таковым современности (кроме домашней свиньи)². Это замечание справедливо как в отношении набора разводимых здесь видов, так и в отношении их между собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР. М. : Сельхозиздат, 1953. Т. 2.
2. Гайдученко, Л. Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-казахстанских степей в эпоху неолита–бронзы / Л. Л. Гайдученко // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск : Центр

¹ Интересные наблюдения на этот счёт были сделаны в конце XIX в. А. А. Силантьевым среди русских поселенцев в Сыр-Дарьинской области. Он пишет: «Кабанья охота ... парализовала уже во многих селеньях свиноводство, потому что крестьянину легче и дешевле сходить на охоту и убить дикую свинью, нежели вскармливать домашнюю» [20. С. 288]. Ссылкой на эту работу я обязан Д. Г. Здановичу.

² По устному сообщению А. Н. Рыбалко, изучавшего хозяйство разных этнических групп населения региона в XVIII–XX вв., свиноводство как значимая отрасль животноводства получило здесь развитие лишь с 1950-х гг.

«Аркаим»: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 150–169.

3. Гайдученко, Л. Л. Лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I / Л. Л. Гайдученко // Калиева С. С. Поселение Кожай I. Алматы: Ин-т археологии МН-АН Республики Казахстан, 1998. С. 234–254.

4. Гайдученко, Л. Л. Мелкие позвоночные — обитатели укрепленных поселений эпохи бронзы в Южном Зауралье / Л. Л. Гайдученко // Человек и животные: материалы II междунар. науч.-практ. конф., (13–14 мая 2004 г.). Астрахань: Астрахан. ун-т, 2004. С. 57–59.

5. Гайдученко, Л. Л. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению Восток–Запад в эпоху бронзы / Л. Л. Гайдученко // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Ч. V, кн. 2. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. С. 110–115.

6. Гайдученко, Л. Л. Расчёты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археозокологических исследованиях / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск: Центр «Аркаим»: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 45–72.

7. Галиуллина, М. В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим / М. В. Галиуллина // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск: Центр «Аркаим»: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 95–103.

8. Генинг, В. Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск: ЮУКИ, 1992.

9. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск: УрО РАН, 1999.

10. Евдокимов, В. В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья / В. В. Евдокимов //

Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1983. С. 35–47.

11. Зданович, Д. Г. Аркаим: некрополь / Д. Г. Зданович [и др.]. Кн. 1. Челябинск: ЮУКИ, 2002.

12. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997.

13. Косинцев, П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим / П. А. Косинцев // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск: Центр «Аркаим»: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 17–44.

14. Кузьмина, Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг / Е. Е. Кузьмина // Вестн. др. истории. 2000. № 4. С. 3–20.

15. Малютина, Т. С. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Ч. V, кн. 1. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. С. 100–106.

16. Медоев, А. Г. Гравюры на скалах: Сары-арка, Мангышлак / А. Г. Медоев. Алма-Ата: Жалын, 1979.

17. Млекопитающие Казахстана. Т. III, ч. 4. Алма-Ата: Наука, 1984.

18. Моисеев, Д. А. Аннотированный список высших растений музея-заповедника «Аркаим» и его окрестностей / Д. А. Моисеев. Челябинск: Рифей, 1998.

19. Орфинская, О. В. Комплексное исследование текстильных изделий эпохи бронзы евразийских степей / О. В. Орфинская, В. П. Голиков, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ, 1999. С. 58–184. (Труды ГИМ. Вып. 109).

20. Силантьев, А. А. Обзор промысловых охот в России / А. А. Силантьев. СПб., 1898.

21. Шнирельман, В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема) / В. А. Шнирельман. М.: Наука, 1980.

Л. Л. Гайдученко, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЯСНОЙ ПИЩЕЙ НАСЕЛЕНИЯ УКРЕПЛЁННОГО ПОСЕЛЕНИЯ АЛАНДСКОЕ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕГО ОБИТАНИЯ

В процессе раскопок укрепленного поселения (УП) Аландское удалось выделить несколько строительных горизонтов в их стратиграфической последовательности [2; 4]. К сожалению, поскольку материалы ранних этапов застройки сохранились лишь в отдельных местах (преимущественно в углах жилищных котлованов), то количество таких надежно стратиграфически привязанных материалов невелико.

Благодаря уникальной сохранности органических остатков удалось получить большой полевой материал, частично опубликованный [8].

Настоящая публикация посвящена осмыслению данных определений остеологических останков копытных животных из наиболее ранних строительных горизонтов этого УП. Самый ранний строительный горизонт — синташтинский — разделяется на два этапа: первый, или ранний, обозначаемый как «CI», и второй, или поздний, обозначаемый как «CII». Синташтинский строительный горизонт сменяется петровским, обозначаемым как «П». Названия этапов синташтинского строительного горизонта отображают лишь стратиграфическую ситуацию конкретного УП.

Вместе с тем не исключено, что ранний этап (CI) синташтинского строительного горизонта изучаемого поселения действительно может нести следы событий если не самого раннего этапа

заселения Южного Зауралья прасинташтинским населением, то очень к нему близкого.

Систематический состав животных, останки которых найдены при раскопках УП Аландское, приводится в статье Л. Л. Гайдученко в настоящем сборнике. Несмотря на то что упомянутая статья освещает материалы раскопок 1997 г., никаких принципиальных различий между ними и материалами последующих лет не выявлено.

В табл. 1 представлены данные о количестве особей домашних и диких копытных из УП Аландское по строительным горизонтам. Материалы 1997 г. в ней учтены.

Для удобства дальнейшего оперирования показателями о количестве особей копытных из раннего и позднего этапов синташтинского строительного горизонта желательнее распределить показатели количества особей из смешанных слоёв (колонка CI+II) между колонками CI и CII. В нашем случае это делается несложно. Данные колонки «CI+II» пропорционально распределяем между колонками «CI» и «CII», приняв за основание соответствующие показатели этих колонок. Таблица в части отражения количества особей по этапам синташтинского строительного горизонта несколько меняется (табл. 2).

При строительстве жилищ синташтинского и петровского строительных горизонтов на УП Аландское

Таблица 1

**Систематический состав копытных из укрепленного поселения Аландское
(показано количество особей¹)**

Систематическая принадлежность	Строительный горизонт, этапы				
	Синташтинский				Петровский П
	СИ	СИ + П	СП	В целом	
Домашние					
Лошадь	2	5	3	10	27
Крупный рогатый скот	11	18	9	38	53
Овца	58	27	28	113	77
Коза	4	4	3	11	8
Верблюд	–	–	–	–	1
Дикие					
Кулан	1	–	2	3	1
Кабан	–	–	1	1	8
Косуля	–	–	–	–	4
Лось	–	–	–	–	2
Благородный олень	–	–	–	–	1
Сайга	–	–	2	2	3

¹ То, что в таблице приводятся сведения о сравнительно небольшом количестве особей ряда видов — иногда лишь единичных, не должно вызывать недоверия к выполненным далее на этой основе расчётам, поскольку эти данные получены от изучения вполне репрезентативных выборок:

СИ — 419 останков, из которых 390 от копытных;

СИ+П — 517 останков, 425 от копытных;

СП — 402 останка, 392 от копытных;

П — 1479 останков, 912 от копытных.

Определение количества особей выполнялось с учётом максимально возможного числа соответствующих параметров, и полученные показатели приближаются к реально существовавшим настолько, насколько это вообще возможно.

Таблица 2

**Систематический состав копытных из укрепленного поселения Аландское
(показано количество особей после разделения данных колонки «СИ+П»
между «СИ» и «СП»)**

Систематическая принадлежность	Строительный горизонт, этапы			
	Синташтинский			Петровский П
	СИ	СП	В целом	
Домашние				
Лошадь	4	6	10	27
Крупный рогатый скот	21	17	38	53
Овца	72	41	113	77
Коза	6	5	11	8
Верблюд	–	–	–	1
Дикие				
Кулан	1	2	3	1
Кабан	–	1	1	8
Косуля	–	–	–	4
Лось	–	–	–	2
Благородный олень	–	–	–	1
Сайга	–	2	2	3

использованы одни и те же строительные материалы (грунт, стволы деревьев, ветки, трава), частично изученные Л. Л. Гайдученко¹. Более того, петровское население зачастую использовало для строительства своих жилищ котлованы синташтинских [4]. Жилища синташтинского и петровского населения здесь могли несколько различаться в конструктивной части, но эти различия, вероятно, не были принципиально велики. Мы считаем, что «сроки службы» органических материалов (опорные столбы, жерди обвязки и перекрытия, веточные и травяные настилы перекрытия и т. п.) в жилищах синташтинского и петровского строительных горизонтов УП Аландское были если не одинаковы, то очень близки.

Основываясь на вышеизложенном, мы считаем возможным длительность времени накопления органических останков (в нашем случае — костей животных и им сопутствующей органики) для синхронного или последующего заполнения котлованов синташтинских и петровских жилищ также принять если не одинаковой, то приближающейся к таковой. Это позволяет нам этапы CI и CII внутри синташтинского строительного горизонта и пока единственный этап II петровского строительного горизонта по временной протяжённости считать вполне сопоставимыми.

Органические остатки (= останки животных), накопившиеся в течение каждого из трёх этапов строительства, извлечённые в процессе раскопок по методу сплошного сбора, являются, таким образом, случайной выборкой фиксированных в материале следов деятельности обитателей УП Аландское каждого из

трёх этапов. На эти материально зафиксированные следы деятельности, как в процессе накопления, так и в процессе последующих «археологизации», извлечения, консервации и изучения, действовали одинаковые тафономические факторы. Следовательно, сопоставление результатов исследования всех трёх выборок (CI, CII, II) представляется вполне корректным.

Поскольку копытные животные являются основными поставщиками мясной продукции для питания населения (как в настоящем, так и в прошлом Южного Зауралья), то оценим их значимость в изучаемых выборках по этому направлению. Широко распространённые способы сравнений и определений значимости того или иного вида для населения древности по соотношению останков (костей) или даже особей нам представляются некорректными. Приходится сравнивать не только виды с разной биомассой, но и с разным выходом поедаемого продукта (поедаемой массы тела животного во всей её совокупности).

Более корректным представляется подход Л. Л. Гайдученко и Д. Г. Здановича [1. С. 45–72], предлагающих для определения значимости видов животных в физическом пищеобеспечении населения сопоставлять величины конечного продукта, получаемого от того или иного вида. Л. Л. Гайдученко и Д. Г. Зданович приводят варианты показателей величин поедаемой массы тела для ряда видов домашних и диких копытных, адаптированные для Урало-Казахстанских степей [1]. Применимые для расчётов по УП Аландское показатели поедаемой массы тела копытных приведены в табл. 3.

Оперируя вышеупомянутыми показателями величин поедаемой массы тела представленных на УП Аландское видов

¹ См. в этом же сборнике статью Л. Л. Гайдученко «Биологические остатки из укреплённых поселений “Страны городов” Южного Зауралья», а также [8. Р. 401–407].

Таблица 3

Поедаемая масса тела копытных животных
[по: 1. С. 45–72. Табл. 9, 13]

Систематическая принадлежность	Поедаемая масса тела, кг
Домашние	
Лошадь	184,5
КРС	159
Овца	35
Коза	12
Верблюд	150 ¹
Дикие	
Кулан	106
Кабан	50
Косуля	22,5
Лось	154
Благородный олень	108
Сайга	15,2

копытных (табл. 1 и 2), а также количеством их особей для всех трёх этапов (табл. 2), подсчитаем величины поедаемой массы тела каждого вида копытных. Результаты расчётов приведены в табл. 4.

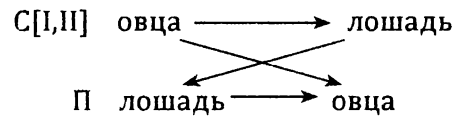
Ранжировав виды домашних животных по значимости (от наиболее к наименее значимым), для каждого из этапов получаем следующие ряды значимости:

CI: КРС — овца — лошадь — коза;

CII: КРС — овца — лошадь — коза;

П: КРС — лошадь — овца — коза².

Как видим, качественных перестроек от этапа к этапу в плане значимости домашних копытных в обеспечении мясopодуктами синташтинского населения УП Аландское не происходит. Такие перестройки отмечаются лишь при сопоставлении синташтинского и петровского рядов значимости. Сократив подобные члены, получаем следующую картину распределения:

От синташтинского хроноинтервала к петровскому примат овцы в мясном пищеобеспечении населения переходит к лошади.

Для дальнейших сопоставлений нам необходимо определить долю каждого вида копытных, как диких, так и домашних, в мясообеспечении населения. Результаты представлены в табл. 5.

Основываясь на принципах выделения пищевых групп [3. С. 40], предлагаем следующие группы и критерии их выделения, применимые к анализируемой ситуации:

I — **основная группа** копытных — поставщиков мясной продукции (более 10 % значимости вида);

II — **дополнительная группа** — более 1, но менее 10 % значимости вида;

III — **вспомогательная группа** — менее 1 % значимости вида.

Результаты применения вышеописанного подхода и критериев к разделению животных на группы по значимости вида в мясообеспечении соответствующего населения приведены в табл. 6.

¹ Данные приводятся впервые.

² В действительности петровский ряд значимости должен иметь следующий вид: КРС — лошадь — овца — верблюд — коза, но, учитывая, что верблюд не является продуктом аборигенного животноводства и импортирован с другой территории [8. Р. 414; 6. С. 168], мы сочли возможным из данного ряда значимости его исключить.

Таблица 4

Величина поедаемой массы тела копытных из укреплённого поселения Аландское, кг

Систематическая принадлежность	Строительный горизонт, этапы			
	Синташтинский			Петровский П
	CI	СII	В целом	
Домашние				
Лошадь	738	1107	1845	4981,5
Крупный рогатый скот	3339	2703	6042	8427
Овца	2520	1435	3955	2695
Коза	72	60	132	96
Верблюд	–	–	–	150
Дикие				
Кулан	106	212	318	106
Кабан	–	50	50	400
Косуля	–	–	–	90
Лось	–	–	–	308
Благородный олень	–	–	–	108
Сайга	–	30,4	30,4	45,6

Таблица 5

**Значимость видов копытных в мясообеспечении синташтинского и петровского населения УП Аландское
(% от суммарной по хроноинтервалам поедаемой массы тела)**

Систематическая принадлежность	Строительный горизонт, этапы			
	Синташтинский			Петровский
	CI	СII	В целом	
Домашние				
Лошадь	10,89	19,78	14,92	28,62
Крупный рогатый скот	49,28	48,29	48,83	48,41
Овца	37,20	25,64	31,97	15,48
Коза	1,06	1,07	1,07	0,55
Верблюд	–	–	–	0,86
Дикие				
Кулан	1,56	3,79	2,57	0,61
Кабан	–	0,89	0,40	2,30
Косуля	–	–	–	0,52
Лось	–	–	–	1,77
Благородный олень	–	–	–	0,62
Сайга	–	0,55	0,25	0,26

Мы получили практически все необходимые данные для рассмотрения вопроса о деятельности населения УП Аландское, направленной на обеспечение мясным продуктом в период первого (CI) и второго (CII) строительных этапов синташтинского строительного горизонта. Кроме того, получены данные и для сравнительной оценки этой стороны деятельности синташтинского и петровского населения УП

Аландское. Во избежание дублирования некоторых сведений, полученные при изучении коллекции органических остатков из этого поселения, здесь не приводятся, а будут взяты из статьи Л. Л. Гайдученко, помещённой в настоящем сборнике.

На всех рассматриваемых этапах обитания УП Аландское основную группу по значимости в мясообеспечении составляли крупный рогатый скот, овца

Таблица 6

**Пищевые группы копытных по их значимости в мясообеспечении
синташтинского и петровского населения УП Аландское**

Пищевая группа	Строительный горизонт, этапы			
	Синташтинский			Петровский П
	СИ	СИ	В целом	
Основная I	КРС, овца, лошадь	КРС, овца, лошадь	КРС, овца, лошадь	КРС, лошадь, овца
Дополнительная II	Кулан, коза	Кулан, коза	Кулан, коза	Кабан, лось
Вспомогательная III	—	Кабан, сайга	Кабан, сайга	Верблюд, благородный олень, кулан, коза, косуля, сайга

и лошадь. Крупный рогатый скот и у синташтинского, и у петровского населения изучаемого УП занимал лидирующую позицию. У синташтинского населения на втором месте находилась овца, а на третьем — лошадь. У петровского, соответственно, наоборот. Эта смена, как понятно из табл. 5, происходит исподволь: от СИ через СИ к П овца постепенно теряет, а лошадь набирает значимость в мясообеспечении населения.

Об этом же свидетельствует и возраст забиваемых на мясо лошадей. Для первого (СИ) этапа удалось определить возраст обеих особей, останки которых были найдены: старше 16 лет и около 20 лет. Лошади второго (СИ) этапа тоже были старыми, но здесь же встречены останки более молодой — 8–10-летней особи. Для петровского этапа отмечается убой уже 4–5-летней особи.

Вышеизложенное говорит о том, что на первых порах строители УП Аландское были явно выраженными скотоводами, разводившими крупный рогатый скот и овец. Лошадей у них было мало, и они максимально использовали их как средство передвижения, пуская под нож лишь в очень старом возрасте.

К следующему, СИ этапу ситуация меняется. Овец в стаде становится несколько меньше, а лошадей в табунах — больше. На убой пускаются ещё не старые особи. Доля конины в питании населения СИ по сравнению с СИ возрастает в 1,5 раза.

С появлением петровского населения процесс возрастания потребления конины резко усиливается. В рационе этого населения конина становится привычной. Её доля в питании населения П, по сравнению с СИ, возрастает в 4,5 раза. На убой пускаются уже и молодые, вполне работоспособные особи.

Петровское население, таким образом, по сравнению с синташтинским характеризуется не только более активным коневодством, но и «коневодством». О большей проникнутости культом лошади (=коня) петровского населения региона, по сравнению с синташтинским, свидетельствуют приводимые Д. Г. Здановичем данные о количествах лошадей в жертвенных композициях этих населений [5].

Следствием лучшей обеспеченности лошадьми петровского населения УП Аландское в сравнении с синташтинским является большая подвижность

петровского населения, хорошо иллюстрируемая изучаемым материалом.

Обратимся к данным табл. 2, 4–6 — к тем их частям, которые характеризуют роль необязательных по участию в мясообеспечении видов. Как правило, эти виды относятся к группе вспомогательных, иногда — дополнительных (см. табл. 5). Для синташтинского населения УП Аландское доля таких видов составляет: для CI — 1,56 % и для CII — 5,23 %. Для петровского населения она составляет 6,08 %, а с учётом поедаемой массы тела верблюда — 6,94 %.

Другая система оценки значимости охоты, основанная на системе кратности, показывает такую тенденцию: от CI к CII — возрастание в 2,79 (2,8) раза; от CII к П — возрастание в 3,61 (3,6) раза. Это без учёта поедаемой массы тела верблюда. При её учёте получаем возрастание от CII к П — в 3,66 (3,7) раза. Таким образом, учёт данных о верблюде изменяет показатели незначительно.

В любом случае существенно расширяется спектр промысловых видов: от одного для CI до трёх для CII и до шести для П. Это расширение идёт за счёт вовлечения в круг промысловых копытных лесных (лось, благородный олень) и лесостепных видов (косуля). Кабан вовлекается в круг промысловых копытных уже на втором синташтинском этапе — CII. На всех этапах сохраняется добыча степных копытных, представленных массовыми видами — кулана и сайги, что, по нашему мнению, может, с одной стороны, указывать на связь со степными территориями (хотя доставка мяса с костями за много десятков километров от мест охоты на сайгу или кулана к УП маловероятна), с другой — отображать зоогеографические особенности конкретного пространственно-временного

континуума — летние заходы этих копытных в пределы охотничьей округи древних насельников УП Аландское, что более вероятно¹.

Однозначно в пользу степных связей петровского населения изучаемого поселения свидетельствуют находки на полу петровского жилища щитков панциря степной черепахи (см. статью Л. Л. Гайдученко в настоящем сборнике). Ближайшая территория недавнего обитания степной черепахи располагается в 160–180 км юго-восточнее УП Аландское в Камышинском районе Кустанайской области (Казахстан)².

Косвенно о подвижности петровского населения (по крайней мере, о проживании большей его части на некотором удалении от УП в летнее время) свидетельствует меньшее количество находок костей птиц.

Представляется заслуживающей внимания оценка отмеченных особенностей хозяйствования населения двух этапов — CI и CII — синташтинского строительного горизонта УП Аландское в плане подхода к проблеме происхождения этого населения и его культурогенетических реалий.

1. Раннесинташтинское население (этап CI) УП Аландское характеризуется явно выраженным степным наследием:

- высокой долей овцы в стаде домашних копытных;
- наличием навыков охоты на степные виды копытных и птиц (кулан, дрофа);

¹ Наиболее поздний (к сожалению, может быть, последний — в связи с резким падением численности вида в Казахстане) по годам заход сайги к южным границам музея-заповедника Аркаим наблюдался Л. Л. Гайдученко в июне 1991 г. [7. С. 197]. Наблюдались четыре взрослых самки, но их поведение позволяло предполагать наличие поблизости незамеченной наблюдателем более многочисленной группы.

² Немногочисленная её популяция была здесь уничтожена между 1960 и 1962 гг. (архивные материалы Л. Л. Гайдученко).

– отсутствием (?) навыков охоты на кабана, лесные и лесостепные виды копытных.

2. На следующем (СII) этапе развития синташтинского населения УП Аландское адаптируется к природному окружению локуса базирования:

– расширяет спектр промысловых копытных за счёт кабана и сайги (в данном случае для нас принципиально важным является включение в круг охотничьей добычи кабана, что позволяет в 1,5 раза увеличить поступление мяса к столу за счёт охоты).

3. Петровское население (мы включаем данные о нём для повышения полноты восприятия реконструируемой последовательности), генезис которого напрямую выводится из синташтинского, показывает более высокий уровень адаптации: в 4,5 раза повышает значимость охоты в мясообеспечении, достигая этого за счёт вовлечения в круг промысловых видов копытных лесных и лесостепных местообитаний (косуля, лось, благородный олень).

Материалы, полученные при раскопках УП Аландское, позволяют подступить и к ответу ещё на один важный вопрос синташтоведения — зачем прасинташтинское население устремилось с прародины (которую ещё предстоит локализовать) в Южное Зауралье? Обычное мнение, широко распространённое в литературе, — за медными рудами, металлом. Один из других возможных (или параллельных) ответов — за лошадьми.

По мнению Л. Л. Гайдученко, в степи за Уралом потомками позднэнеолитического населения в достаточно больших количествах разводятся лошади необходимых прасинташтинцам эксплуатационных качеств. За этими-то лошадьми из родных пределов и двинулись за

Уралом пассионарии эпохи средней бронзы — прасинташтинцы.

Культ коня, и это не оспаривается, у них был, но самих коней, столь необходимых для реализации амбиций, было недостаточно. Кони были за Камнем...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гайдученко, Л. Л. Расчёты величин биомассы и поедаемой массы тела копытных в археозоологических исследованиях / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович // Археологический источник и моделирование древних технологий : тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск : Центр «Аркаим» : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 45–72.

2. Зданович, Г. Б. Укреплённое поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. С. 56–61.

3. Зданович, Г. Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. Б. Зданович. Челябинск, 2002.

4. Зданович, Г. Б. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укреплённое поселение Аландское) / Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина, Д. Г. Зданович // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потёмкиной). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 103–108.

5. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Зданович. Екатеринбург, 2005.

6. Косинцев, П. А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири / П. А. Косинцев // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М. : Языки слав. культуры, 2004. С. 157–174.

7. Чибилев, Е. А. К фауне млекопитающих степной зоны Южного Зауралья /

Е. А. Чибилев // Зыряновские чтения : материалы конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. С. 196–197.

8. Gayduchenko, L. L. The biological remains from the fortified settlements of the Country of Towns of the South Trans-Urals /

L. L. Gayduchenko // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2002. Vol. II. P. 400–416.

К. Джоунс-Блей

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, РИГВЕДА И АВЕСТА¹

Погребения аркаимского культурного круга лучше всего документированы могильником Синташта. Эти погребения, как и те, которые обнаружены на других памятниках аркаимского типа, сильно различаются в своих деталях; их различия — отдельная аналитическая проблема. Тем не менее, взятые в качестве группы, эти погребения, как показал В. Ф. Генинг, археологически свидетельствуют о многих аспектах погребальных ритуалов, описанных в текстах древнего индоиранского происхождения, а именно в Ригведе и Авесте [1; 24]. Они, таким образом, предоставляют в наше распоряжение одно из наиболее ранних свидетельств существования культуры, которая почти с полной уверенностью может быть названа индоевропейской, если не индоиранской.

К сожалению, не существует «розеттского камня» для расшифровки археологических источников. Мы не можем обратиться к какому-то отдельному тексту или древнему автору и сказать: «здесь» есть решение ранее не разрешенных вопросов. Проблему осложняет то обстоятельство, что Ригведа и Авеста противоречат не только друг другу, но и сами себе². Ригведа и Авеста — одни из

самых древних ритуальных текстов, которые нам известны; чтобы руководствоваться этими текстами, мы должны попытаться понять их зачастую темный смысл, однако делать это нужно с большой тщательностью и осторожностью. Проблема ещё больше осложняется различиями в возрасте текстов и неполнотой Авесты. Всё же мы не можем пренебречь этими текстами, так как они могут помочь нам перебраться через трясины археологических материалов, которые зачастую также темны, противоречивы и запутаны.

Авеста, священная книга парсов, была составлена Зороастром и его последователями, которые пытались стереть из памяти более ранние обычаи индоиранцев. Но, несмотря на их старания, следы этих ранних традиций можно собрать из текстов по крупицам, зачастую они совпадают с теми данными, которые даёт нам Ригведа. Датировка Авесты является спорной, поскольку мы даже не знаем, когда жил сам Зороастр. Лучше всего предположить дату около 628 г. до н. э., но есть утверждения, что это было намного раньше — за 6000 лет до Платона.

¹ Перевод выполнен по изданию: Jones-Bley, K. Indo-European burial, the «Rig Veda» and «Avesta» // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Vol. 1. Washington, DC. 2002. P. 68–81.

² Оба текста явились результатом длительного составления их изустно, и в них можно выделить хронологические слои. Книга X Ригведы, в которой содержится большая часть материалов,

касающихся погребального обряда, была самым поздним добавлением [39. P. XIV–XVI]. О трудностях перевода Ригведы см.: [32]. Подобным же образом древнейшие части Авесты — Гаты, или гимны Заратуштры (Зороастра), — сложены другим размером и на более архаичном языке, нежели остальная часть сборника. Хотя в тексте есть непоследовательности и противоречия, которые указывают на его модернизацию, «традиция в этом очень сложном тексте сохранилась удивительно достоверно» [11. P. 10].

Тем не менее все исследователи согласны с тем, что Авеста сохранила факты, которые намного старше 800 г. до н. э.

Авестийский погребальный ритуал. Авеста предписывает экскарнацию тел умерших: как только они утратят плоть, кости следует поместить в оссуарий. Только в случае плохой погоды в качестве временной меры разрешалась ингумация тел. Поэтому тело должно быть взято «с глины, или с камней, или из оштукатуренного дома и положено в такое место, о котором известно, что там всегда есть пожирающие трупы собаки и пожирающие трупы птицы» [ВД. VIII. 10; 58. Р. 98]¹.

Геродот сообщает, что позднее персы избавлялись от мертвых тел таким же способом: «Есть, однако, другой обычай, связанный с захоронением умерших, о котором не говорят открыто, и это есть что-то вроде тайны. Он таков, что перса мужского пола никогда не хоронят прежде, чем тело не растерзают птицы или собаки. Я достоверно знаю, что этот обычай есть у магов, ведь они делают это вполне открыто. Вообще же персы, однако, покрывают тело воском и затем хоронят его» [30. Р. 98–99].

Хотя в Авесте можно найти упоминания и о кремации, и о погребении (в земле), оба этих способа осуждаются. Таковы, например, упоминания о

«сжигающих трупы» *pasu-rāka*² [10. S. 1059; 21. Р. 727]. В Авесте описывается, как Ахура-Мазда приказывает Зороастру: «убеди каждого в телесном мире, о Спитама Заратуштра, разрушить дахмы» (ВД. VII. 50) (то есть отказаться от захоронений в земле и сложных погребальных сооружений). Однако предыдущее утверждение Ахуры-Мазды — «когда труп умершего человека пролежит в земле пятьдесят лет, о Спитама Заратуштра, тогда земля снова станет чистой» (ВД. VII. 48) — ясно показывает, что ингумация имела место, а «осквернение» земли считалось временным. Как полагает Бойс, выставление трупов на первых порах не было принято или связано повсеместно [14. Р. 326].

Погребальный обряд по описанию Ригведы. Традиционная датировка Ригведы — 1500 г. до н. э., и основной способ обращения с умершими здесь — кремация. Однако в Ригведе есть несколько случаев, указывающих, что практиковалась и ингумация, а также описан процесс ингумации. Это видно из РВ X. 16.1 («Не сжигай его дотла, Агни, не поглощай его в своём пламени. Не истребляй его покровы, его плоть» [54. Р. 49]³ и в РВ X.18.11 («Раскройся земля, не дави его! Будь лёгкой для него, чтобы он вошёл и погрузился в тебя. Земля, укрой его, как мытья укрывает сына своим подолом» [54. Р. 53]). В первом отрывке представлена частичная кремация, а во втором мы имеем явное упоминание о захоронении тела в земле.

Литвинский предположил, что кремация и экскарнация были альтернатив-

¹ Впервые на английский Авесту перевел Дармстетер в 1880 г., в 1885 г. появилось второе издание. Хотя в целом издания были одинаковыми, в них есть знаменательные различия, которые меняют смысл некоторых отрывков. Один из таких случаев — ВД. VIII. 10. Я считаю, что во втором издании дано более верное прочтение отрывка. В первой редакции этот стих читается так: «в дом из глины, камней и известкового раствора, подняв на такое место, о котором известно, что там всегда есть трупоедающие собаки и трупоедающие птицы» [58. Р. 96]. Я признательна Мартину Хальду, который обратил на это моё внимание.

² Бойс переводит *pasu* как «падаль» [14. Р. 327. № 6].

³ Перевод Ригведы на английский О'Флаэрти неполный, но он наиболее доступен английскому читателю. Елизаренкова [5–6], Гельднер [23] и Рену [49] обеспечили переводы РВ соответственно на русский, немецкий и французский языки.

ными формами одного и того же ритуала [3]. Это действительно может объяснить существование кремации, однако мы вправе ожидать большего количества свидетельств об обряде экскарнации трупов, который примечателен своим отсутствием за пределами иранского мира. Гамкрелидзе и Иванов высказали предположение о том, что кремация была мерой против распространения чумы [21. Р. 730]; центром, откуда распространялась чума, как кажется, был Египет, куда она была занесена из области Великих африканских озёр. Может быть, это был страх перед болезнями, инспирированный разложением трупов. В ВД. VII. 45–50 Зороастр спрашивает, сколько времени требуется, чтобы тело обратилось в прах, если оно выставлено на поверхности, погребено в земле или размещается в дахм (погребальном сооружении)¹. Ответ — один год, пятьдесят лет и пока не разрушится погребальное сооружение. Можно предположить, что тело, размещённое в погребальном сооружении, было набальзамировано — возможно, покрыто воском, как об этом говорит Геродот. Здесь мы можем видеть, как Зороастр доносит до нас сведения о тех обычаях, которые он осуждает. Действительно, в ВД. VII. 58 дахмы описаны как места порчи, разложения и развития болезней [14. Р. 326]². В ВД. VIII. 35 могила упоминается как место тьмы, связанное с зороастрийским адом³.

¹ ВД. VII. 45: О творец плотского мира, о святейший! Через какое время после того, как труп мёртвого человека был положен на землю, одетую в свет небес и созерцающую солнце, станет земля опять собою?

² ВД VII. 58: Итак, демоны там пируют, пока зловоние коренится в дахмах. Итак, из дахм исходят зараза болезней, зуд, горячая лихорадка, телесные жидкости, холодная лихорадка, рахит и ранняя белизна волос. Там смерть имеет наибольшую власть над человеком с того времени, как село солнце [58. Р. 88].

³ ВД. III. 35: Если тот, кто обрабатывает землю,

Указания на то, что кремация и ингумация у индоевропейцев могли быть взаимозаменяемыми формами обряда, можно обнаружить в письменных памятниках разных ветвей индоевропейских языков. Беовульф, например, даёт нам описания двух захоронений, по одному на каждый из ритуалов [12]⁴. Есть сведения о существовании двух ритуалов у хеттов. Хеттский царский погребальный обряд предписывает кремацию⁵, но Хаттусили I, во времена Старого Царства, завещал похоронить себя в земле. Столь же противоречивые данные есть и о древних исландцах⁶. В Греции, где обычным обрядом была ингумация, после XIII в. до н. э. большое распространение получила кремация, а в VIII–IV вв. до н. э. оба обряда практиковались на равных правах [22. Р. 34, 126]. Между 150 и 300 г. н. э. в римском погребальном ритуале произошёл переход от кремации к ингумации [43. Р. 201]. Чередование этих двух обрядов — не та загадка, которую мы можем здесь разгадать.

о Спитама Заратуштра! не станет воздавать сердечно и набожно правоверному, падёт он во мрак Спэнта-Армайти (земли), падёт он в мир несчастий, падёт в дом преисподней [58. Р. 31].

⁴ Обряды погребения в Беовульфе различаются тем, что один из них — кремация, а в другом случае описано, как тело оставили плыть по течению, по типу ингумации на воде [35].

⁵ Хотя у нас есть фрагменты к тринадцати дням Le Rituel Des Funerailles Royales Hittites, ритуал мог длиться дольше. Более того, если табличка за первый день имеет много лакун, то табличка за второй день почти целая, и она ясно показывает, что тело было кремировано. Более того, вне Багазкеё были выявлены и кремация, и ингумация людей нецарского звания [28. Р. 140].

⁶ Несмотря на то, что Один предписал сжигать умерших [52. 12], скандинавские источники также дают нам разнородную информацию. «Они возвели для Гуннара могильный холм и поместили тело внутрь в вертикальном положении» [44. Р. 172], но «тело Сигурда затем было подготовлено согласно древнему обычаю, и был возведён высокий погребальный костёр. Когда костёр полностью разгорелся, тело Сигурда, убийцы Фафнира, возложили не его вершину» [55. Р. 254].

Погребения Синташты и индоевропейский погребальный обряд. Несколько лет тому назад в своей статье я попыталась дать характеристику индоевропейского погребального обряда [35]. Приняв за отправную точку построений восемь позиций, установленных Марией Гимбутас [27], я добавила к ним литературные и археологические свидетельства, модифицировала эти позиции и перестроила их в порядке значимости. Думаю, что будет полезно рассмотреть эти позиции заново применительно к захоронениям из Синташты:

1. Индивидуальное погребение.
2. Курган.
3. Погребальные сооружения в виде жилищ.
4. Разделение погребений на классы по наличию/отсутствию погребального инвентаря и архитектурной сложности.
5. Центральные мужские захоронения и подчинённое положение погребений женщин и детей.
6. Жертвоприношения людей и животных, включая обычай «сати».
7. Размещение умерших на полах могильных ям в скорченной позиции.
8. Захоронения животных в отдельных могилах.

Первая позиция — индивидуальные погребения — у Гимбутас специально не оговорена. Нужно уточнить, что я имею здесь в виду «единовременные» или «однократные» захоронения. Некоторые захоронения Синташты названы «коллективными», так как в погребальной камере находилось несколько скелетов. Однако они были помещены в могилу в одно время, и поэтому такие захоронения являются «однократными» в отличие от столь обычных в неолите погребений с подзахоронениями трупов (особенно часто — в мегалитических гробницах). Такие захоронения

часто также называют коллективными или общими. Чтобы избежать путаницы в терминологии, эти неолитические погребения лучше было бы назвать «повторными погребениями».

На Синташте пять погребальных памятников: 1) СМ — большой грунтовый могильник с 40 могилами, 2) С I — сложный курганный комплекс с 16 могилами, С II — малый грунтовый могильник с 10 могилами, 4) С III — небольшой курган с одним погребением, 5) СБ — большой курган, ограбленный в древности. Эти погребения, вместе с более ранними и более поздними захоронениями евразийских степей, так же, как и захоронения, обнаруженные в более западных областях, позволяют проиллюстрировать все восемь позиций.

1. Индивидуальные погребения. Все захоронения Синташты попадают в категорию «однократных» захоронений. Здесь нет следов повторного вскрытия погребальных камер. Индивидуальные погребения получили широкое распространение в степях вместе с ранними «ямниками» и к эпохе средней бронзы стали доминирующей формой захоронений.

Ригведа описывает индивидуальное захоронение вначале в гимне X. 14, в центре которого Яма — царь мертвых, а затем ещё в нескольких гимнах, которые отсылают умерших к Яме (РВ. X. 16, X. 18, X. 58, X. 135, X. 154 [54]). Однако в РВ не упоминаются повторные захоронения. РВ. X. 135 ясно говорит, что захоронения были индивидуальными. В этом гимне мальчик оплакивает смерть своего отца, и его воображение следует за отцом в царство Ямы. Индоевропейские источники изобилуют описаниями однократных захоронений, но я не знаю в них примеров описания вскрытия могилы для подзахоронения трупов. Есть,

однако, сведения о погребениях, содержащих несколько тел, и этот тип могил мы можем обнаружить на Синташте.

2. Курган. Курганы были возведены над большинством синташтинских могильных ям. Только три захоронения взрослых и многие из детских захоронений СМ не имели курганов. Ни один из курганов не имел значительной высоты. Сохранившиеся курганы были высотой всего лишь 30–40 см [24. Р. 26]. Хотя два могильника, по существу, были грунтовыми, на Синташте были и курганы и, может быть, самое сложное погребение — СБ — располагалось под курганом.

Кажется, курганы играли в Синташте меньшую роль, чем у других индоевропейцев и даже у других степных племён. Ранние насельники степей, начиная с «ямников», хоронили своих умерших почти исключительно в курганах; грунтовые захоронения хотя и встречались [36], но были редкостью. Именно курган стал здесь наиболее зримой частью могильного памятника, он сигнализировал о значимости захоронения. Хотя в Ригведе нет конкретных описаний, мы находим здесь явное упоминание о курганах: «пусть живут они сто долгих осеней и хоронят умерших в их холмах» (РВ. X. 18.4).

С раннего бронзового века индивидуальные погребения с могильными насыпями обнаруживаются в Европе повсеместно, причём не только в ландшафте, но и в письменных источниках. Ахилл возвёл большой могильный холм для Патрокла, так же поступили троянцы с Гектором. Еврипид в своей «Ифигении в Тавриде» вложил в уста Ореста слова: «насыпьте надо мною холм» [18. 1, 702]. Бог Один у германцев предписал сооружать курганы для знатных мужей [52. Р. 12]; курганы, однако, сооружались не только для знати, но и для её окружения. «Королю Хольфу был насыпан могильный холм,

и его меч Скофнунг лежал подле него, и каждому воину — свой холм и оружие с ним»¹. Ещё Тацит (и значительно западнее) сообщает нам, что «могилы (германцев) — это насыпи из дёрна» [53. Р. 171].

Главным исключением в индоевропейском мире были хетты, так как они не возводили насыпей над могилами.

3. Погребальные сооружения в виде жилищ. Большая часть могил на Синташте, если не все, была оконтурена конструкциями из дерева. Некоторые деревянные конструкции были настолько крупными, что нуждались в центральных опорных столбах; самым сложным сооружением в этом плане был опять же СБ. В Ригведе загробный мир был «домом Ямы», греки имели сходные представления, но говорили о «доме Аида», германский термин — *Helyarrann*². Во всех этих сочетаниях для обозначения иного мира использованы слова, обозначающие построенное здание.

В РВ. VII. 89.1 выражение «дом из глины» использовано как метафора могилы, но оно может относиться и к урне, куда помещены обожжённые кости. Настоящие дома можно встретить на целом ряде погребальных памятников Европы, включая Лейбинген и Хелмсдорф в Саксонии [25. Fig. 171; 173]; на многочисленных греческих вазах умершие изображены в их домах. Микенские камерные гробницы иногда расписывали так, чтобы они походили на дом. Более того, начиная с эпохи поздней бронзы и до классического периода

¹ Jones, G. A History of Vikings. Oxford : OU Press, 1961. P. 318.

² *Vegtams-kviða* 6 [17. Р. 254]. Мартин Хальд указал мне (личное сообщение), что *Helyarrann* буквально значит «дом (древнеисландское *gann*, ср. готтское *ganz*) мёртвых богини Хель» и что это выглядит как индоевропейская формула для «Дома смерти», если мы поместим с другой стороны ведическое *Yamasya sādhanam* (РВ. 10.135.7) и греческое *βοῖου Αἰδός* (Илиада. III. 322).

гробы также часто имитировали дома [56. Р. 48].

Носители культуры вилланова практиковали кремацию и зачастую, особенно в ранний период, моделировали в глине погребальные дома. Они часто украшали эти дома и погребальные урны свастиками [29. Fig. 23; 26; 33; 49] — так же, как «синташтинцы» декорировали сосуды, которые найдены в их погребениях [2. Рис. 47; 187].

4. Разделение погребений на классы по наличию/отсутствию погребального инвентаря и сложности архитектуры. Эту позицию иллюстрируют несколько погребений из Синташты, но, может быть, лучше всего — захоронение в СБ, хотя оно и было ограблено в древности. Здесь над могилой был построен сложно устроенный погребальный дом, поверх которого размещался крупный курган [2. С. 342–375. Рис. 210; 213].

Ни Ригведа, ни Авеста не говорят прямо о погребальном инвентаре, однако помещение вещей в могилы было очень распространённым обычаем. Мы можем заключить, что такие предметы были вещами необходимыми или желаемыми в ином мире. Список предметов погребального инвентаря даёт Беовульф. Книга 23 Илиады детально описывает погребение Патрокла, включая предметы, положенные на погребальный костёр. Именно наличие погребального инвентаря часто, но не всегда служит самым очевидным доказательством классовых различий. Нельзя отрицать, что в могиле, полной предметов большой ценности, была захоронена богатая или значительная личность. Тому есть много примеров в археологии, один из ранних — полтавкинское захоронение в волго-донских степях. Это погребение содержало более двадцати предметов, включая бронзовые инструменты и оружие, навершие булавы

из серпентинита, керамику и столь экзотические предметы, как окаменелое дерево, пресноводный жемчуг и скелет змеи [36. Р. 74–75]. Позднее погребения и погребальный инвентарь становятся намного более сложными. Это показывают многие скифские погребения и погребения, обнаруженные западнее, например, в Очове [25. Р. 319–320], Хочдорфе [13], Виксе [33], а также позднее захоронение в Саттон-Ху, которое часто сравнивают с погребениями, описанными в Беовульфе [19]. Мы не можем, однако, пренебрегать и погребениями без богатого и тщательно выполненного погребального инвентаря, считая, что они принадлежали бедноте — мы ведь не знаем, какие предметы были помещены в могилу, но в ней не сохранились. Могут быть случаи, где более показательной является погребальная архитектура. В Барановке в волго-донских степях основное захоронение, совершённое под курганом, значительно превосходящим по своим размерам остальные из почти ста двадцати исследованных курганов, содержало кенотаф катакомбного времени; внутри находился один-единственный сосуд, хорошо сделанный и тщательно декорированный [7; 36. Р. 73–74].

5. Центральные мужские захоронения и подчинённое положение погребений женщин и детей. На Синташте прослеживается приниженное положение некоторых детских захоронений — только эти могилы не содержали жертвенных животных. Вполне очевидно, что жертвоприношения животных, при такой их многочисленности у «синташтинцев», имеют здесь большое значение. Их отсутствие может свидетельствовать о более низком статусе погребений. Несмотря на то что дети присутствуют среди погребённых, они не имеют здесь такого богатого погребального

инвентаря, как у ранних «ямников» или даже «катакомбников».

Ригведа к этому вопросу не обращается, но вполне очевидно, что взрослые мужчины являются наиболее важной гендерной группой. Женщины упоминаются в основном в связи с обрядом «сати», что придаёт этой группе второстепенное значение. Захоронения, которые описаны в Ригведе (РВ. X. 16, 18, 58, 135, 154) [54] — это захоронения мужчин. Однако в ритуале поздних Вед, который предполагает кремацию, дети (и аскеты) выступают отдельно [38. Р. 125].

В ямную эпоху во многих погребениях находятся подростки с богатым (для того времени) погребальным инвентарём. Эта традиция продолжает существовать, хотя и в меньшей степени, в атакомбное время [36], но позднее она становится не столь распространённой. У кельтов и в скифо-сарматское время хорошо известны погребения женщин, обладающие богатством и/или высоким статусом. Это — Викс [33], Уэделгесхейм [42. Р. 113], Клейн-Эспергл [20. Р. 45], Пазырык [47], Восточный [4].

6. Жертвоприношения человека и животных, включая обряд «сати». Жертвоприношения людей распространены гораздо реже, чем жертвоприношения животных, и их зачастую трудно доказать археологическими фактами. Есть, однако, случаи с чёткими признаками. Один из них — Синташта, комплекс С III.

В северной части ямы С III были найдены остатки повозки или «боевой колесницы»¹. В повозке, вместе с сосудами, и вне её находились останки пяти тел (четыре из них — кости, очищенные от мягких тканей). На другой

стороне могилы возле столба располагались черепа двух лошадей и черепная коробка человека. Здесь же было несколько керамических сосудов, бронзовый нож, шилья, каменное навершие булавы, тальковые плитки, керамические сопла и другие предметы из камня и бронзы [2. С. 396–397]. Этого человека можно рассматривать в качестве основного погребённого, об этом говорит его особое положение в могиле и погребальный инвентарь. На его высокий статус намекают многочисленные бронзовые предметы, но, может быть, более важно наличие навершия булавы. Булава, как я предположила в другом месте [36], — это символ власти, точно так же, как ранее в качестве властных символов были представлены сходные навершия булав, найденные в Англии [16].

В Ригведе подробно описываются и жертвоприношение животного, обозначенное немаркированным термином *medha*, и жертвоприношение человека, обозначаемое сложным словом *rugusamedha*. Кроме того, у нас есть текстовые свидетельства из других частей индоевропейского мира, утверждающие, что практиковались и те, и другие жертвоприношения². В Ригведе интересно то, что по крайней мере человеческие жертвоприношения в это время уже не существовали. Одно из наиболее ясных указаний относится к «сати». РВ. X. 18.8 наводит на мысль, что у женщины уже не было необходимости умирать вместе со своим мужем:

*Встань, иди к миру живых, о женщина!
Ты лежишь здесь с тем, чья душа
отлетела.*

*Иди, теперь ты вступила в брак
С мужем, который берёт твою руку
и который жаждет тебя [38. Р. 126].*

¹ В силу недостатка данных о самих транспортных средствах, Литтауэр и Кроуэл поставили вопрос об использовании термина «колесница применительно к синташтинскому транспорту [37]. Я согласна с этим мнением [34].

² Для дальнейших справок см.: [35].

Кроме того, у нас есть многочисленные примеры «сати» в германских письменных источниках. В Скандинавии мы имеем квазиисторическое сообщение о человеческих жертвоприношениях у Саксона Грамматика в его *Gesta Danorum*. Ахилл, как мы должны помнить, принёс в жертву Патроклу двенадцать сыновей Трои (Илиада, 23, 175).

У нас есть примеры жертвоприношения лошадей и, по-видимому, «сати» в Греции. В погребении X в. до н. э. с Эвбеи, разделённом на два отсека, в одном отсеке представлено три лошади, которые выглядят так, как будто их сбросили в яму, а в другом — скелет женщины и амфора с прахом (предположительно, мужчины), а также железный меч, наконечник копья и точильный камень [22. Р. 35].

Есть многочисленные свидетельства того, что жертвоприношения животных были частью погребального ритуала индоевропейцев. РВ. Х. 16 предусматривает сожжение козы вместе с трупам лошади и человека, а более поздний ведический ритуал — козы или коровы [38. Р. 125]. Царские тексты хеттов, которые предусматривают особое число быков и овец, достаточно специфичны в этом аспекте. В нецарских могилах хеттов обычно находятся кости коров, овец и свиней, а кроме того, собак, лошадей и ослов (последние, очевидно, использовались как менее дорогостоящая замена лошади) [40. Р. 134].

Хотя в греческих письменных источниках в качестве жертвенных животных упоминаются только овцы и быки, находки костей в погребениях геометрического периода включают кости коров, свиней, коз и зайцев. В жертву приносили только самок или кастрированных животных, предпочтительно чёрного цвета [22. Р. 112]. Все признаки

указывают на то, что жертвоприношения животных в Греции были распространены исключительно широко — настолько, что в 594 г. до н. э. Солон издал закон, запрещающий излишества при погребальных жертвоприношениях.

Жертвоприношения животных, в особенности лошади, имевшие место на Синташте, не обнаружены в более раннее время, а затем, после Синташты, вновь обнаруживаются нечасто, вплоть до скифского времени и таких захоронений, как Аул-Уль, где в жертву было принесено 360 и 150 лошадей [50. Р. 43–45]. Однако у нас достаточно текстовых данных о жертвоприношении животных. Брахманические тексты сообщают, что во времена вед порядок жертв по нисходящей составляли: человек, лошадь, крупный рогатый скот, овца и коза. Ритуальные тексты хеттов предписывают человеческие и животные жертвоприношения. Много примеров принесения в жертву и человека, и животных представлено у Гомера и в германских письменных источниках.

Жертвоприношения животных можно обнаружить и в более раннее время и в других частях степи. В Цаце на юге Волго-донского района в катакомбном одиночном погребении мужчины было найдено 40 лошадиных черепов [8; 36]. На Ботае в Казахстане в погребениях, которые датируются ок. 3600–3100 гг. до н. э., обнаружены коровы, овцы, собаки, а также не менее восьми лошадей, которые были захоронены вместе с людьми [45]. Остатки животных в могилах являются достаточно обычными находками, и их часто атрибутируют как посмертную пищу, которая необходима умершему для путешествия в иной мир. Это, однако, кажется маловероятным в тех случаях, когда в могилы помещали целые туши животных.

7. Размещение умерших на полу могильных ям в скорченной позиции. На Синташте многие костяки были обнаружены в скорченной позиции. У нас нет ни ритуальных, ни письменных данных по этому вопросу. Размещение тел изменялось с течением времени как по положению: скорченное в бронзовом веке, вытянутое — в железном, так и по ориентировке.

8. Захоронения животных в отдельных могилах. Захоронения животных на Синташте имеют огромное значение. Большое количество особей крупного рогатого скота, овец, лошадей, собак было обнаружено почти во всех человеческих захоронениях, а также в отдельных захоронениях животных.

Наиболее известный пример жертвоприношения животных — это, конечно, ашвамедха (РВ. I. 162), так же жертвоприношения лошади мы обнаруживаем на другом краю индоевропейского мира в виде October Eguus и ирландского ритуала, как он описан у Жиральда Камбрена [48]. Хеттская ваза [46], на которой мужчина и женщина совокупляются как животные, побудила Уоткинса [57. Р. 267] интерпретировать её как ещё одну возможную отсылку к ашвамедхе. Тем не менее этот ритуал не является погребальным жертвоприношением. Хотя жертвоприношение в виде ашвамедхи может ассоциироваться с отдельными обособленными погребениями лошадей, эта ассоциация, как полагают Энтони и Виноградов, неприменима к лошадям, которые сопровождают человеческие захоронения [9].

В духе Синташты Геродот рассказывает о предводителе скифов, с его задушенными наложницами и принесёнными в жертву лошадьми. Гамкрелидзе и Иванов используют это указание как свидетельство того, что лошади во мно-

гих отношениях уравнивались с женщинами [21. Р. 403]. Хеттские тексты сообщают, что блуд с лошадьми, ослами или женщинами-рабынями не является наказуемым, но если некто имел такую связь со свиньей или собакой, то наказанием была смерть [21. Р. 402].

Заключение. Представляется, что в погребениях Синташты выявлены все восемь позиций, но очевидно, что некоторым из них придавалось большее значение, нежели другим. Ранее я приписывала значение захоронений животных в могилах и предложила исключить отдельные захоронения животных из перечня тех восьми пунктов, которые определяют погребальный обряд индоевропейцев. Сейчас я считаю, что хотя они, возможно, не были широко распространены в более поздних индоевропейских сообществах, их значение для Синташты, безусловно, столь велико, что они должны быть оставлены в списке. Более того, может быть и так, что обычай помещения жертвенных животных в могилы впитал в себя практику отдельных захоронений, когда жертвоприношение значительного количества животных стало маловероятно экономически. В особенности это может быть верным для тех территорий, где имелся меньший доступ к большим стадам лошадей. Хотя отдельные захоронения животных были всё ещё широко распространены в культуре шнуровой керамики, в позднем бронзовом веке их количество сильно снизилось. Возможно, дальнейшим продолжением была замена животных на фигурки лошадей, как в погребениях из Хочдорфа и Вика. Стоит ожидать подобных изменений при развитии традиции, которая длилась тысячелетиями.

Хотя стиль синташтинской керамики, безусловно, более поздний, а прочий

погребальный инвентарь выполнен более тщательно и демонстрирует значительные технологические достижения, существует полная преемственность синташтинского погребального обряда от обряда ямного периода раннего бронзового века. Погребальный обряд Синташты включает в себя все те элементы, которые входят в основной корпус погребального обряда индоевропейцев, а также и такие элементы, которые, как экскарнацию трупов, можно считать исключением из нормы. Эта ситуация преподносит нам непредвиденное заключение, а именно: факты, представленные на Синташте, можно интерпретировать как связующее звено между ямными погребениями, которые Гимбутас [26] и Мэллори [41] рассматривали в качестве самых ранних проявлений индоевропейского, и более поздней иранской традицией, сохранённой Авестой, как полагал Генинг [1; 24]. Примем во внимание, что погребальный ритуал является одной из самых консервативных форм человеческой деятельности и что нами были выявлены почти все характеристики индоевропейского погребального обряда, распределённые по восьми позициям и обнаруженные в Авесте и Ригведе. Представляется, что трудно признать юго-западную прародину индоевропейцев в Анатолии, когда здесь, в русских степях, существует подобная целостность всех восьми ключевых элементов.

Пер. с англ. Д. Г. Здановича

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Генинг, В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён / В. Ф. Генинг // Сов. археология. 1977. № 4. С. 53–73.
2. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Ура-

ло-казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : ЮУКИ, 1992. Ч. 1.

3. Литвинский, Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти / Б. А. Литвинский // Вестн. древн. истории. 1967. № 4. С. 11–127.

4. Прохорова, Т. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону / Т. Прохорова, В. Гугуев // Известия Ростовского (Ростова н/Д) областного музея краеведения. 1988. Вып. 5. С. 40–49.

5. Ригведа. Мандалы I–IV / пер. Т. Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1989.

6. Ригведа. Мандалы V–VIII / пер. Т. Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1989.

7. Сергацков, И. В. Погребения эпохи бронзы Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) / И. В. Сергацков // Древности Волго-Донских степей. 1992. Вып. 2. С. 97–105.

8. Шилов, В. П. Курганный могильник у села Цаца / В. П. Шилов // Древности Калмыкии. Элиста : Ин-т археологии АН СССР, 1985. С. 94–157.

9. Anthony, D. Birth of the Chariot / D. Anthony, N. B. Vinogradov // Archaeology. 1995. Vol. 48(2). P. 36–41.

10. Bartholome, C. Altiranisches Wörterbuch / C. Bartholome. Strassburg : K. J. Trübner, 1904.

11. Beekes, R. A Grammar of Gatha Avesta / R. Beekes. Leiden : E. J. Brill, 1988.

12. Beowulf, A New Verse Translation / trans. S. Heaney. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2000.

13. Biel, J. Der Keltenfürst von Hochdorf / J. Biel. Stuttgart : Konrad Theiss Verlag, 1985.

14. Boyce, M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. The Early Period. Third impression with correction / M. Boyce. Leiden : E. J. Brill, 1996.

15. Christmann-Franck, L. Le Rituel Des Funérailles Royales Hittites / L. Christmann-Franck // Rev. Hittite et Asianique. XXXIX. 1971. P. 61–111.

16. Clarke, D. V. Symbols of Power, at the Time of Stonehenge / D. V. Clarke, T. G. Cowie, A. Foxon. Edinburgh : National Museum of Antiquities of Scotland, Her Majesty's Stationery Office, 1985.

17. Cleasby, R. An Icelandic-English Dictionary / R. Cleasby, G. Vigfusson, W. A. Craigie.

2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 1957. (1986 reprint).

18. Euripides. Vol. II: Electra; Orestes; Iphigeneia in Taurica; Andromache; Cyclops / trans. A. S. Way. Loeb Classical Library. Cambridge : Harvard University Press, 1912. (1988 reprint).

19. Evans, A. C. The Sutton Hoo Ship Burial / A. C. Evans. London : British Museum Publications, 1986.

20. Filip, J. Celtic Civilization and Its Heritage / J. Filip. 2nd revised ed. Wellingborough : Collet's, 1977.

21. Gamkrelidze, T. V. Indo-European and the Indo-Europeans : 2 vols. Trends in Linguistics Studies and Monographs 80 / T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov ; trans. J. Nichols. Berlin : Mouton de Gruyter, 1995.

22. Garland, R. The Greek Way of Death / R. Garland. Ithaca : Cornell University Press, 1985.

23. Geldner, K. F. Der Rigveda. Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen : 3 vols. (Harvard Oriental Series 33, 34, 35.) / K. F. Geldner. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1951.

24. Gening, V. F. The Cemetery at Sintashta and the Early Indo-Iranian Peoples / V. F. Gening // J. of Indo-European Studies. 1979. Vol. 7. P. 1-30. [translation of 1977 article].

25. Gimbutas, M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe / M. Gimbutas. The Hague : Mouton & Co, 1965.

26. Gimbutas, M. The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected articles of Marija Gimbutas, 1952 to 1993 / M. Gimbutas // J. of Indo-European Studies. Monograph № 19. Washington DC : The Institute for the Study of Man, 1997.

27. Gimbutas, M. An Archaeologist's View of PIE* in 1975 / M. Gimbutas // J. of Indo-European Studies. 1974. Vol. 2 (3). P. 289-307.

28. Gurney, O. R. The Hittites / O. R. Gurney. 2nd ed., 1990 reprint with revisions. London : Penguin Books, 1990.

29. Hencken, H. Tarquinia, Villanovans and Early Etruscans / H. Hencken. Cambridge, Massachusetts : The Peabody Museum, 1968.

30. Herodotus. Vol. I : Books I and II / Herodotus ; trans. A. D. Godley. Loeb Classical Library. Cambridge : Harvard University Press, 1990. [1920 reprint].

31. Homer. Iliad. / Homer ; trans. A. T. Murray. Cambridge : Harvard University Press, 1976. Vol. 2. (Loeb Classical Library). [1925 reprint].

32. Jamison, S. On Translating the Rig Veda: Three questions. Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference / S. Jamison // J. of Indo-European Studies. Monograph Series № 35. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2000. P. 1-20.

33. Joffroy, R. Vix et ses Trésors / R. Joffroy. Paris: Librairie Jules Tallandier, 1979.

34. Jones-Bley, K. 2000. The Sintashta «Chariots» / K. Jones-Bley // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age. BAR International Series, Oxford : Archaeopress, 2000.

35. Jones-Bley, K. Defining Indo-European Burial / K. Jones-Bley // Papers in Memory of Marija Gimbutas: Varia on the Indo-European Past / eds. : M. R. Dexter and E. Polomé // J. of Indo-European Studies. Monograph Series 19. Washington DC : Institute for the Study of Man, 1997. P. 194-221.

36. Jones-Bley, K. Early and Middle Bronze Age Pottery from the Volga-Don Steppe / K. Jones-Bley. BAR International Series 796, Oxford : Archaeopress, 1999.

37. Littaurer, M. A. The origin of the true chariot / M. A. Littaurer, J. H. Crouwel // Antiquity. 1996. Vol. 70. P. 934-39.

38. Macdonell, A. A. A History of Sanskrit Literature / A. A. Macdonell. N. Y. : Haskell House Publishers Ltd, 1900. [1968 reprint].

39. Macdonell, A. A. A Vedic Reader for Students / A. A. Macdonell. Madras : Oxford University Press, 1917 [1st Indian impression 1951, 10th impression.]

40. Macqueen, J. G. The Hittites and Their Contemporaries in Asia Minor / J. G. Macqueen. London : Thames & Hudson, 1986.

41. Mallory, J. P. In Search of the Indo-Europeans / J. P. Mallory. London : Thames and Hudson, 1989.

42. Megaw, R. Celtic Art: From its beginnings to the Book of Kells / R. Megaw, V. Megaw. N. Y. : Thames and Hudson, 1989.

43. Morris, I. Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity / I. Morris. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.

44. Njal's Saga / trans. M. Magnusson, H. Pálsson. Harmondsworth, Middlesex : Penguin Books, 1960.

45. Olsen, S. Reflections of Ritual Behavior at Botai, Kazakhstan / S. Olsen // Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference // J. of Indo-European Studies. Monograph Series № 35. Washington, D.C. : Institute for the Study of Man, 2000. P. 183–207.

46. Öxhüç, T. İnandıktepe / T. Öxhüç. Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988.

47. Polosmak, N. V. The Burial of a Noble Pazyryk Woman / N. V. Polosmak // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1998. Vol. 5(2). P. 125–163.

48. Puhvel, J. Comparative Mythology / J. Puhvel. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1987.

49. Renou, L. Études védiques et ippécennes : 17 vols (Publications de l'Institut de Civilisation Indienne, Fasc. 1, 2, 4, 6, 9–10, 12, 14, 16–18, 20, 22–23, 26–27, 30.) / L. Renou. Paris : E. de Boccard, 1955–1969.

50. Rolle, R. The World of the Scythians / R. Rolle ; trans. F. G. Walls. Berkeley : UC Press, 1989.

51. Saxo Grammaticus. The Nine Books of The Danish History of Saxo Grammaticus

in Two Volumes / trans. O. Elton. London : Norrœna Society, 1894.

52. Snorri Sturluson. The Prose Edda of Snorri Sturluson / S. Sturluson ; trans. J. I. Young. Tales from Norse Mythology, Berkeley : UC Press, 1954.

53. Tacitus. Tacitus, Germania / trans. M. Hutton. Loeb Classical Library. Cambridge : Harvard University Press, 1914 [1980 reprint].

54. The Rig Veda / trans. W. D. O'Flaherty. N. Y. : Penguin Books, 1981.

55. The Saga of the Volsungs / trans. J. Byock. Berkeley : UC Press, 1990.

56. Vermeule, E. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry / E. Vermeule. Berkeley : UC Press, 1979.

57. Watkins, C. How to Kill A Dragon / C. Watkins. Oxford : Oxford University Press, 1995.

58. Zend-Avesta, Part 1, The Vendîdâd / trans. J. Darmesteter. [1st ed.]. Oxford : The Clarendon Press, 1880.

59. Zend-Avesta, Part 1, The Vendîdâd / trans. J. Darmesteter. 2nd ed. Oxford : The Clarendon Press, 1885.

Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова

ЛОШАДИ И БЛИЗНЕЦЫ: К «АРХЕОЛОГИИ РИТУАЛА» ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

«Археология ритуала» и, тем более, «индоевропейская археология ритуала» — мало разработанные и во многом дискуссионные направления исследований, связанные с мультидисциплинарным подходом к изучению древности. Обращаясь к этой проблематике, авторы опираются на материалы некрополей степной и лесостепной полосы Центральной Евразии первой половины II тыс. до н. э.¹ «Мозаичная целостность» означенного региона в этот период обусловлена наличием группы родственных археологических культур — синташтинской, петровской, алакульской (в различных её вариантах), (ранне) срубной, а также памятников потаповского типа².

Исследователи связывают эти археокультурные образования с ранними индоевропейцами (индоиранцами, различными их группами) [13–15; 20; 24; 38; 63; 67; 79; 103 и др.] либо, по крайней мере, выделяют роль индоиранского субстрата в их сложении [28; 47]. В последнем случае подчёркивается, что

при исходном билингвизме населения [39. С. 8], в начале эпохи поздней бронзы (синташтинская культура) в этой части Центральной Евразии закрепился язык из группы индоиранских [47. С. 95]. Следовательно, здесь должны были утвердиться и многие формы обряда и религиозной жизни, свойственные индоевропейцам (индоиранцам).

Одна из характерных черт некрополей Центральной Евразии указанного периода — наличие остатков жертвенных животных [23; 31; 32; 89; 113]. Принесение животных в жертву сопровождалось сложными, детально разработанными ритуалами. В данной статье задачи авторов ограничены анализом типологии, структуры и семантики парных жертвоприношений — в первую очередь, жертвоприношений лошади. По нашему мнению, такие обряды можно интерпретировать на основе мифологии ранних индоевропейцев (и прежде всего на основе индоевропейского близнечного мифа).

К настоящему времени авторам известно о находках в Центральной Евразии II тыс. до н. э. около 80 пар жертвенных лошадей. Основная их масса сосредоточена на территориях степного Зауралья, Казахстана (Северного и Центрального), Среднего Поволжья (рис. 1). Количество находок постоянно увеличивается. Растёт и интерес к проблематике колесниц и «колесничных лошадей» — особенно у молодых

¹ Авторы признательны Г. Б. Здановичу и Л. Л. Гайдученко за предоставленные археологические и археозоологические материалы, не попавшие в печать. См. список основных источников в конце статьи.

² Ещё более запутанной выглядит ситуация в Центральном Казахстане, где исследователи выделяют особые нуринский, нуртайский, атасульский и др. типы памятников [72]. На наш взгляд, принципиального значения эти локальные подразделения не имеют. Целесообразно рассматривать их в рамках петровской, алакульской и федоровской формаций.

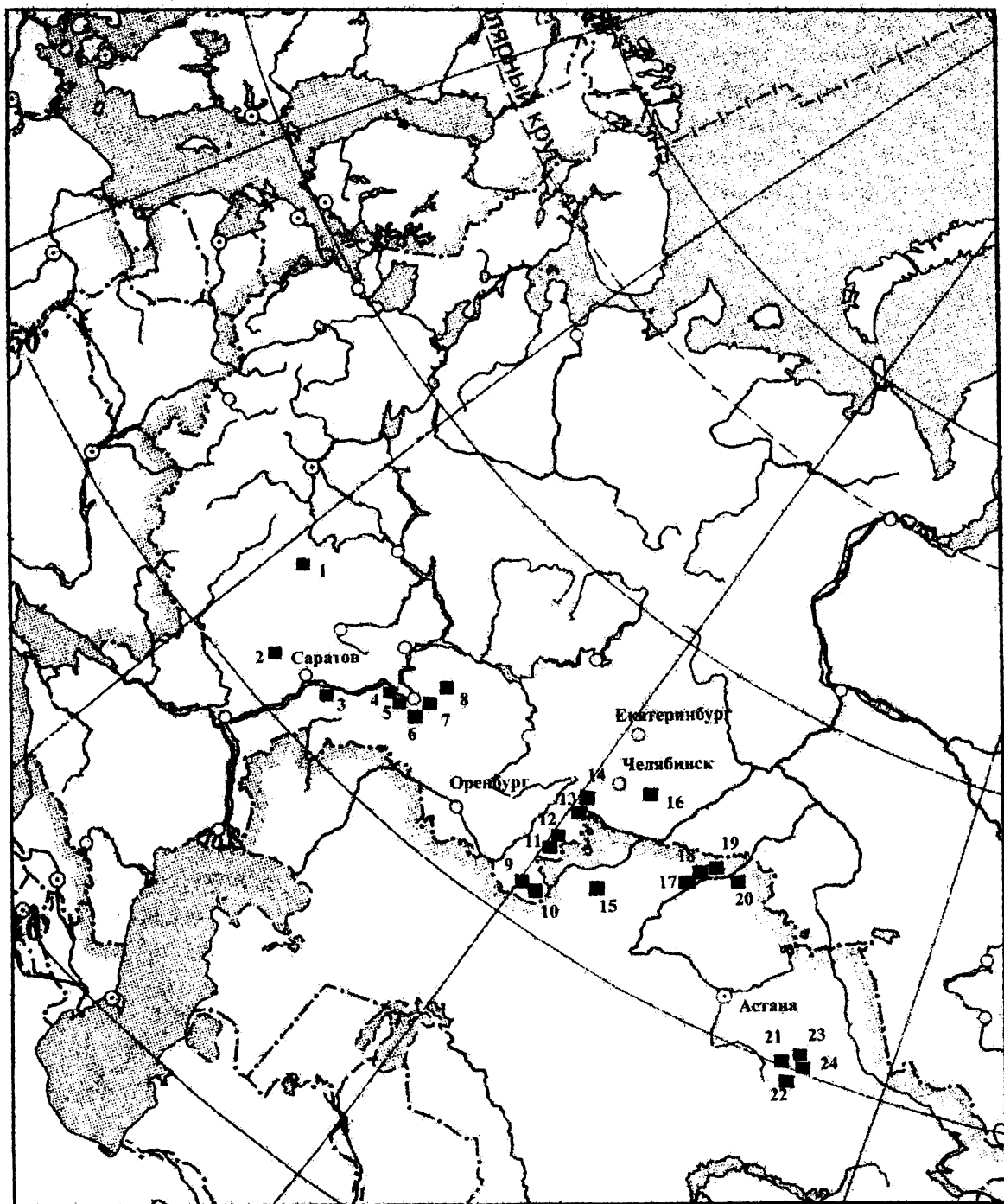

Рис. 1. Карта расположения основных памятников, упоминаемых в тексте:

- 1 — Селезни 2; 2 — Баранниково; 3 — Быково; 4 — Комарово; 5 — Песочное; 6 — Потаповский;
 7 — Утевский; 8 — Новые Ключи III; 9 — Большекараганский; 10 — Синташтинский; 11 — Каменный
 Амбар 5; 12 — Солнце II; 13 — Кривое Озеро; 14 — Степное и Степное 7; 15 — Бестамак I;
 16 — Алакульский; 17 — Аксайман; 18 — Берлик II; 19 — Новоникольское; 20 — Семипалатное;
 21 — Аяпперген; 22 — Ащису; 23 — Майтан; 24 — Нуртай

специалистов [43; 69 и др.]. Здесь, впрочем, уместно процитировать слова Ю. П. Чемякина: «...сегодня представление о тех или иных явлениях, процессах в древности у молодых специалистов нередко формирует не знакомство, работа с коллекциями, отчётами и другими оригинальными материалами, а чтение литературы» [74. С. 93].

Парные захоронения лошадей: типология

Наличие в петровских и синташтинских некрополях парных захоронений лошадей уже давно привлекло к себе внимание исследователей. Как правило, такие захоронения связывают с формированием в степной Евразии комплекса воина-колесничего. В одной из недавних работ [75] выделено три типа захоронений «колесничих лошадей»:

– тип А: черепа и конечности двух лошадей, находящиеся в погребальной камере (синташтинская культура);

– тип Б1: костяки двух лошадей, расположенные на перекрытии погребальной камеры (синташтинская, петровская культуры, потаповский культурный тип);

– тип Б2: костяки двух лошадей, лежащие на краю ямы (петровская и покровская культуры, потаповский культурный тип).

Выделенные типы, как считает автор статьи, возникали в хронологическом порядке их перечисления, хотя и сосуществовали какое-то время [75. С. 348].

Предложенная типология носит комплексный характер и учитывает три признака: форму репрезентации жертвы (труп животного/набор частей трупа), положение жертвы относительно погребения, культурную атрибуцию. Имеющиеся у нас материалы¹ поз-

воляют скорректировать и дополнить типологию Е. А. Черленка по указанным параметрам.

Тип А объединяет парные жертвоприношения лошадей, которые представлены набором «голова + дистальные отделы конечностей». Детальное изучение материалов из Урало-Казахстанских степей позволяет разделить тип А на несколько подтипов, как это было сделано с типом Б в [75]. Основанием для более дробного деления типа является такой признак, как положение останков пары жертвенных животных относительно погребения. Уверенно выделяются типы А1 и А2. Сложнее, на наш взгляд, ситуация с выделением типа А3.

А1. Пара жертвенных особей располагается на дне могилы, имитирующей колесницу, параллельно друг другу, перед следами колес («по обе стороны дышла») (СМ, погребения 4, 5, 6, 30; Солнце II, курган 11, погребение 2; Каменный Амбар 5, курган 2, погребение 8). К типу А1 относится и комплекс из могильника Кривое Озеро (курган 9, погребение 1) с достаточно хорошо сохранившимся кузовом колесницы [11. Рис. 34; 80. Р. 39].

А2. Жертвенники располагаются на перекрытии, в могиле отсутствуют следы имитации колесниц, расположение жертвенников в пространстве более свободное (в центре, в противоположных углах камеры, возле опорного столба и т. п.) (СМ, погребения 10, 22, 24; СII, погребение 1; Каменный Амбар 5, курган 2, погребение 6; Солнце II, курган 5, погребение 1; Бестамак I, погребение 14; Большекараганский, курган 25, погребения 12, 24).

Дополнительным основанием для различения жертвенных комплексов типа А1 и А2 служат специфические

¹ См. список основных источников.

признаки их организации. Отметим здесь два момента:

– Парные жертвоприношения лошадей по типу А2 чаще всего входят в состав более крупных жертвенных комплексов с останками крупного и мелкого рогатого скота, занимая при этом высшую ступень в иерархии жертв [113]. Напротив, тип А1 подразумевает обособленное от остальных жертв положение лошадей.

– Для типа А1 характерным является «классический» набор останков в виде черепа с нижней челюстью и дистальных отделов всех четырёх конечностей особи. В жертвенниках типа А2 набор останков не столь устойчив. Часто фиксируются дополнения в виде рёбер, лопаток, бедренных костей и т. д. С другой стороны, встречаются и неполные (редуцированные) наборы останков.

А3. Останки двух лошадей (головы и дистальные отделы конечностей) размещаются за пределами могильной ямы, в древнем гумусном горизонте или в насыпи кургана. Почти все жертвенники этого типа связаны с географической периферией традиции парных жертвоприношений животных и периодом её угасания. Часто вместе с ними фиксируются непарные захоронения лошадей. Всё это осложняет и выделение, и интерпретацию жертвенных комплексов типа А3. Примером жертвенников подобного типа может служить яма 2 кургана 5 могильника Степное. Она расположена к югу от центрального погребения в непосредственной близости от него и содержала черепа и дистальные отделы конечностей лошади и жеребца (рис. 2)¹.

¹ Курган 5 могильника Степное демонстрирует интересный пример сочетания жертвенников разных типов: к северу от центральной ямы располагалось парное жертвоприношение целых туш разнополых лошадей (жертвенный

Перейдём к жертвенникам типа Б. Характерные черты типа Б1 следующие:

1. Костяки лошадей расположены в пространстве могилы парами². Например, в могильнике Бестамак I их число почти всегда равно двум, в СМ их число достигает шести, но по взаиморасположению можно легко выделить пары³.

2. По положению относительно друг друга выделяется четыре основных варианта: на одном боку, ногами друг к другу, ногами в противоположные стороны, валетом, эти же варианты расположения характерны для типа Б2 (см. ниже), а также для парных изображений животных в различных культурных традициях.

3. В могилах в подавляющем большинстве случаев отсутствуют следы колесниц.

Тип Б2 рассматривался авторами в основном на североказахстанских материалах (могильники Берлик II, Аксайман, Новоникольское, Графские Развалины, Семипалатное). Из новейших находок — жертвенный

комплекс 1), к югу, зеркально по отношению к первому жертвеннику — парное жертвоприношение голов и конечностей разнополых лошадей (яма 2). Яма 2 предшествовала захоронению человека, а жертвенный комплекс 1 был сооружен после него — на выкиде из могильной ямы.

² Два замеченных исключения из этого правила должны быть оговорены отдельно. В случае с погребением 18 СМ авторами публикации не учтён второй костяк лошади, располагающийся параллельно первому, сильно разрушенный вследствие ограбления ямы. На чертеже и фотографии [14. Рис. 86; 87, 1] видны кости передних конечностей, позвонки поясничного и грудного отделов второй лошади, располагавшейся, видимо, на левом боку, ногами к первой особи. В погребении 5 могильника Бестамак I число костяков равно трём. Два из них (расположенные вдоль северной и южной стен, головой на запад) образуют пару. Пару третьей лошади, по нашему мнению, составляет лошадь из жертвенного комплекса, приуроченного к данному погребению.

³ См., напр., рис. 7.

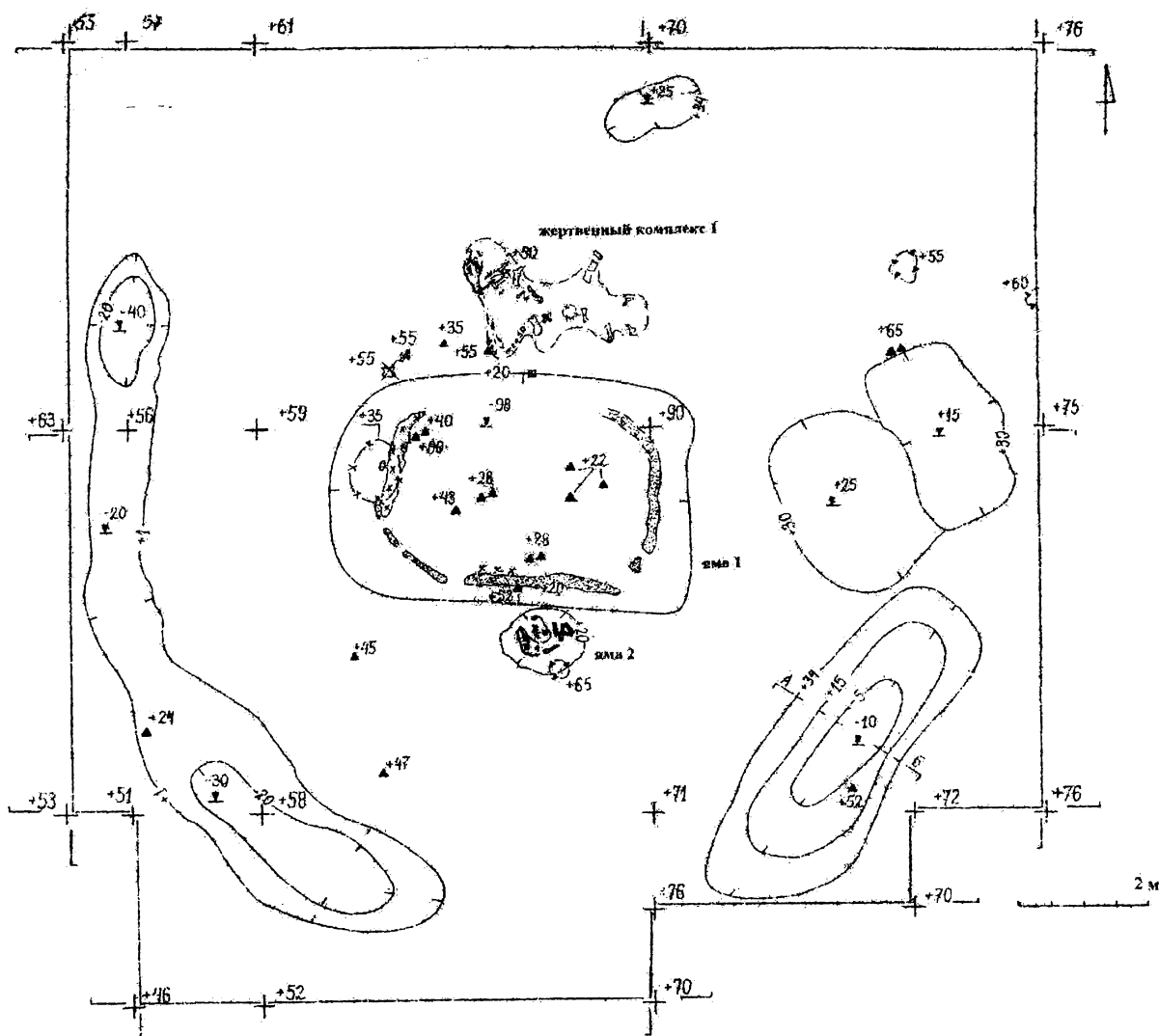

Рис. 2. Могильник Степное, курган 5: общий план

комплекс кургана 5 могильника Степное в Зауралье¹. Выделятся три подтипа обряда:

1) костяки лошадей расположены вдоль длинных стен ямы на её краях, ногами друг к другу (рис. 3);

2) костяки лошадей расположены вдоль длинных стен ямы на её краях, ногами в противоположные стороны (рис. 4);

3) костяки лошадей расположены рядом, с одной стороны ямы, ногами друг к другу, ноги перекрещены (рис. 5).

Для всех трёх подвариантов характерны следующие общие черты:

1. Ориентировка лошадей головами в западные сектора (Казахстан)², на юг или юго-юго-запад — Среднее Поволжье [65. С. 482].

2. Расположение костяков на специально сделанных вокруг центральных ям глиняных площадках (рис. 3–5).

Наличие следов колесниц в жертвенниках типа Б2 фиксируется далеко не всегда. Характерный ритуальный

² Для типов А1, А2 и Б1 можно говорить лишь о тенденции к преобладанию западной ориентировки.

¹ Раскопки авторов, 2008 г.

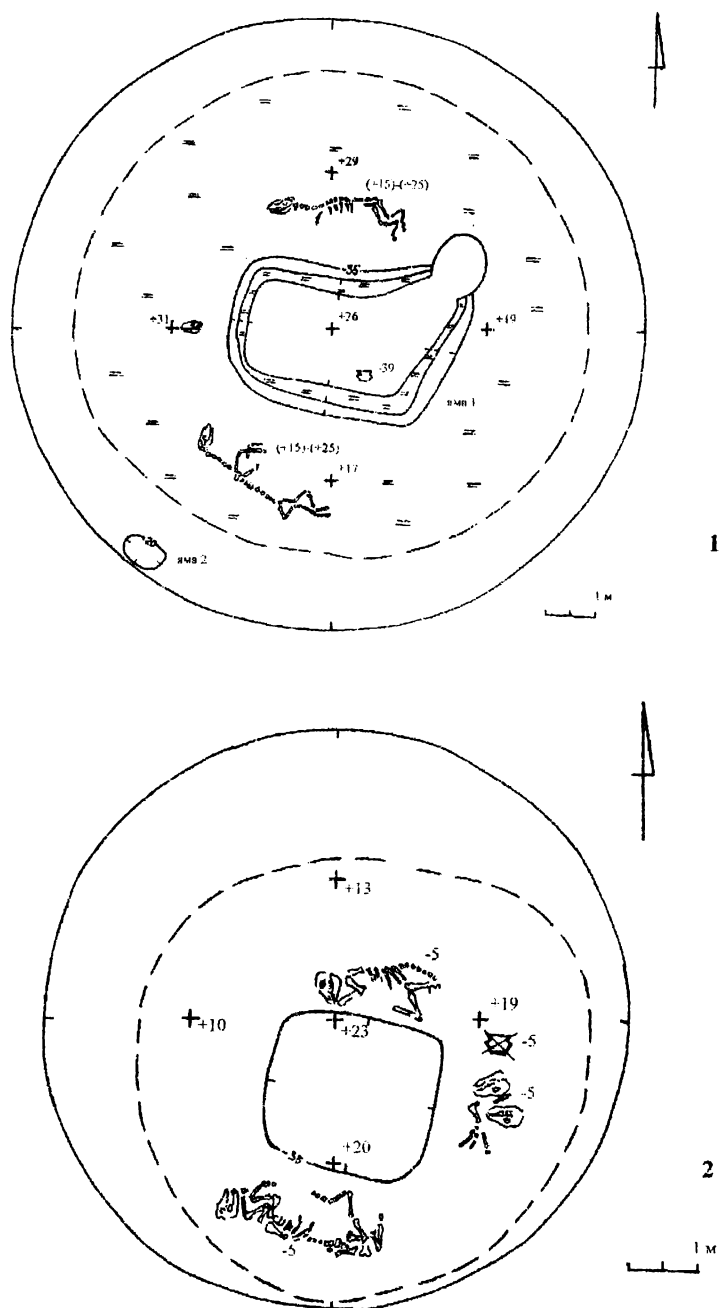

Рис. 3. Жертвоприношения лошадей, тип 52, подтип 1:

1 — могильник Берлик II, курган 1; 2 — могильник Графские развалины, курган 15

Условные обозначения к рис. 3–5

 глиняная обмазка

 сосуд

 сосуд в развале

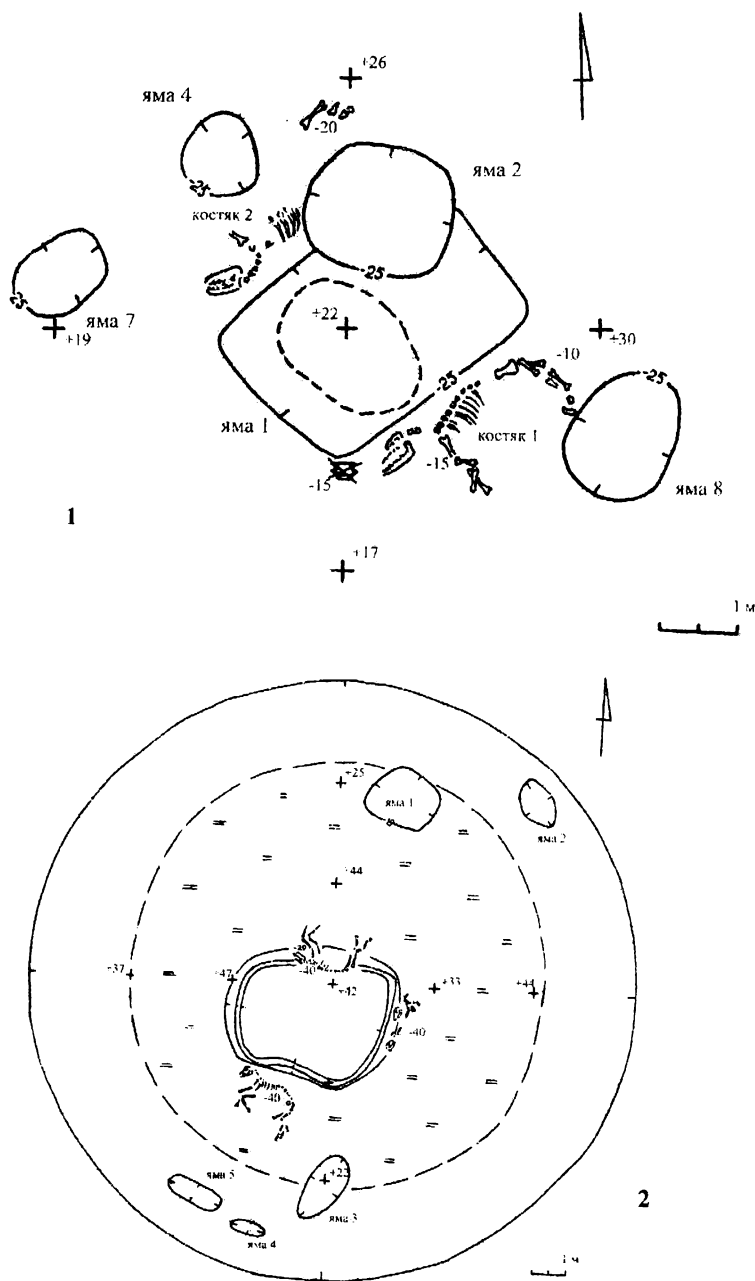

Рис. 4. Жертвоприношения лошадей, тип Б2, подтип 2:

1 — могильник Аксайман, раскоп 4; могильник Берлик II, курган 2

элемент, сопровождающий жертвенники типов Б1 и Б2, следы огня над ямой или рядом на площадке.

В дополнение к типологии парных захоронений лошадей, предложенной Е. А. Черленок, целесообразно выделить

тип Б3 — захоронения трупов лошадей в отдельных ямах на подкурганых площадках. В археологии Центральной Евразии эпохи бронзы такие захоронения встречаются достаточно редко (Баранниково, Уваровский II). Близок

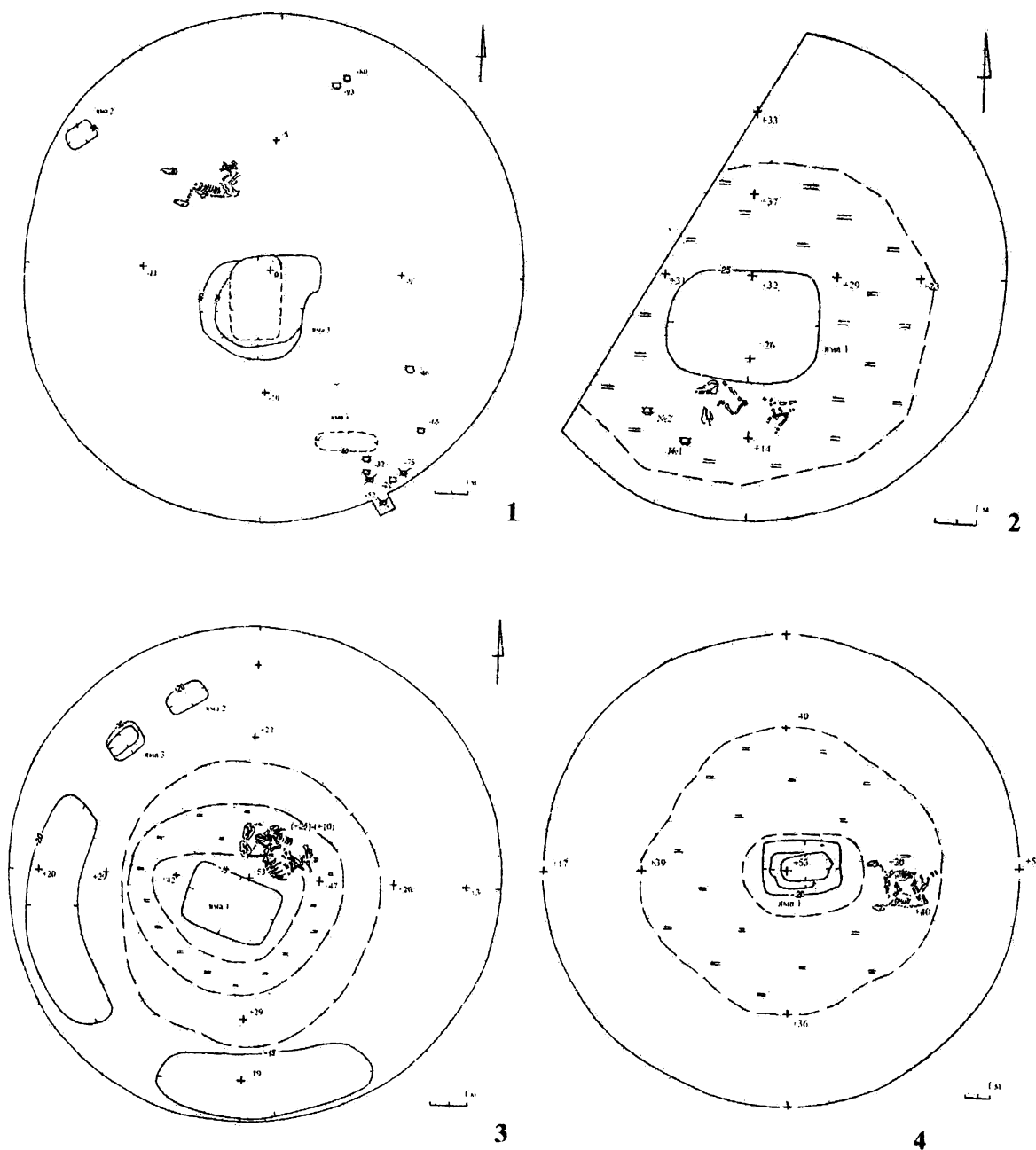

Рис. 5. Жертвоприношения лошадей, тип B2, подтип 3:

- 1 — могильник Семипалатное, курган 2; 2 — могильник Берлик II, курган 10;
3 — могильник Графские развалины, курган 14; 4 — могильник Новоникольское, курган 1

к ним комплекс из ямы 70 могильник Степное 7 — яма сооружена во рву (рис. 6: 1)¹. Возможно, не стоило бы выделять эти захоронения в отдельный тип, если бы они не имели аналогов в других индоевропейских культурах. Парные за-

хоронения лошадей в отдельных ямах хорошо известны в греко-микенском мире. Прежде всего это знаменитая находка в одном из толосов Марафона. Лошади были захоронены в неглубокой прямоугольной яме в дромосе гробницы; положение лошадей — вентрально-вентрально, ноги перекрещены,

¹ Раскопки авторов, 2004 г.

Рис. 6. Могильник Степное VII:

- 1 — парное захоронение жеребца и кобылы (яма 70);
2 — имитация парного захоронения лошадей (яма 85)

головы обращены в сторону входа [109]. Аналогичный комплекс был обнаружен в Саламисе на Кипре, в литературе о нём имеются лишь краткие упоминания [110. Р. 60]. Ямы с парными захоронениями лошадей известны на Крите (два-три случая), они датируются субмикенским временем [82. Р. 25]. Наконец, такие же ритуальные захоронения лошадей есть в скифских курганах (см., например: [71. С. 49, 52–62]). Остаётся добавить, что захоронения животных в отдельных ямах на человеческих некрополях считаются одной из характерных черт погребального обряда индоевропейцев [87].

В типологии Е. А. Черленок не учтены случаи помещения нерасчленённых трупов лошадей на дно могильной ямы. Такая практика не могла быть распространённой по техническим условиям, но два случая всё же известны. Оба они связаны с могильником Бестамак I (погребения 1 и 45). Лошади располагались на брюхе, с подогнутыми ногами. Такая поза жертвенных лошадей встречается в скифских курганах [51. С. 200–201. Рис. 27; 28].

В заключение нашего обзора ритуальных парных захоронений лошадей отметим некоторые из тех явных или предполагаемых случаев, когда парность животных только моделируется или означает:

– при раскопках Ахмеровских курганов в Башкирии в кургане 1 на дне ямы «размещался целый скелет лошади, расчленённой на две части — переднюю и заднюю. Череп и передняя часть положены на бок, а задняя хребтом вверх, с подогнутыми ногами» [9. С. 76]¹;

– в погребении 12 кургана 25 Большекараганского могильника (жертвенник типа А2) одна из двух особей лошади была обозначена астрагалом и пяточной костью [21. С. 54, 57];

– на дне ямы 85 могильника Степное 7 находился скелет жеребца. В головах был расчищен фрагмент лопатки другой особи лошади (рис. 6: 2);

– в погребении 35 могильника Бестамак I (жертвенник типа Б1) грудная клетка одной из двух лошадей была вскрыта и в неё была вложена лопатка ещё одной — третьей по счёту лошади. Пара разнополая; особь, подвергшаяся столь «странной» операции, жеребец².

Приведённые примеры ещё раз свидетельствуют о той важной роли, которую играла категория парности в ритуалах населения евразийских степей во II тыс. до н. э.

Парные жертвоприношения лошадей: география и эволюция традиции

Принято считать, что степной «культ лошади», выраженный в погребальных жертвоприношениях коня и мелкой костяной пластикт, раньше всего оформился в ареале мариупольской культурно-исторической области [8. С. 28–29]. Фигурки лошади происходят из могильников Съезжее и Липовый Овраг, стоянок Виловатовская и Варфоломеевская [37. С. 135], причём одна из фигурок из Съезжего как будто бы имела две головы.

Поиски древнейших следов культа «конных близнецов» у индоевропейцев были предприняты Дж. П. Мэллори. Он отметил находки парных черепов лошади в курганах ямной культуры

¹ Ахмеровские курганы — группа культовых сооружений, связанных с южноуральской абашевской культурой. Степень близости памятников этого типа к «синташте» остаётся на стадии дискуссий.

² Л. Л. Гайдученко предположил, что здесь отражена «идея беременности» (устное сообщение). Образ «беременного жеребца» реконструируется по индоиранским и тюркским источникам [22].

(могильники Нерушай и Новоалексеевка). Ритуальный комплекс, обнаруженный в Деревке, состоял из останков двух собак и двух лошадей, одна из них представлена черепом, другая — костями конечности¹ [98]. Уникальным свидетельством являются находки у с. Съезжее в Поволжье (первый этап самарской культуры), где на ритуальной площадке могильника были найдены черепа и кости конечностей двух лошадей и два сосуда; из Съезжего также происходит фигурка двуглавой лошади [96. Р. 221].

Массовые свидетельства о парных ритуальных захоронениях лошадей датируются не ранее, чем рубежом III–II тыс. до н. э.

Парные захоронения лошадей отмечены на всех без исключения могильниках синташтинской культуры Южного Зауралья. Типичным для синташтинской традиции является тип А, где жертвенные животные представлены набором «голова + дистальные отделы конечностей». Первоначально этот набор частей тела жертвенного животного был выделен С. Пигготтом как «head and hoofs» (голова и копыта) [104]; также используется термин «частичное животное» [113]. «Частичное животное» — наиболее архаичный, по-видимому, способ отчуждения жертвы. Он достаточно широко представлен уже в ранней курганной традиции причерноморско-каспийского региона [98]. И в старых [98; 104], и во многих недавних работах [75 и др.] эта форма репрезентации жертвенного животного понимается — видимо, ошибочно — как шкура, снятая вместе с головой и копытами. Детальное изучение остеологических остатков и тафономии

захоронений показывают, что в бронзовом веке использовались, как правило, выкладки из частей туши жертвы; шкуры в захоронениях отсутствовали [113].

Особое положение среди синташтинских некрополей занимает СМ, где, наряду с жертвенниками типов А1 и А2, широко представлены жертвенники типа Б1 (рис. 7; табл. 1).

Эта особенность СМ, по-видимому, объясняется смешением здесь нескольких культурных традиций. Безусловно, неоднороден керамический комплекс памятника. Наряду с собственно синташтинской керамикой здесь присутствуют сосуды с «андроноидными» признаками (погребения 2, 3, 8, 27, 30, 31, 33, 34). Ряд авторов (Е. Е. Кузьмина, А. А. Ткачёв, С. А. Григорьев и др.) сближают их с керамикой фёдоровской культуры. Подобного рода неоднородность керамического комплекса демонстрируют, на наш взгляд, и материалы могильника Бестамак I [см.: 93]. Именно к этой второй традиции, вероятно, тяготеют обнаруженные на Бестамаке и на СМ жертвенники типа Б1. В целом же для синташтинской традиции жертвоприношения трупов лошадей не характерны. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда синташтинские погребальные комплексы соседствуют с петровскими (например, среднее течение р. Уй: могильники Степное, Степное 7, Кривое Озеро).

Жертвенные комплексы типа А2 также представлены на памятниках Потаповского типа (Потаповский могильник, курган 3, погребение 4).

Основная масса жертвенников типа Б в его разных вариантах сконцентрирована в двух-трёх географически обособленных областях — в Северном и Центральном Казахстане (памятники петровской и алакульской культур) и Среднем Поволжье (покровская культура). Жертвенники

¹ Датировка и культурная принадлежность данного комплекса, ранее безоговорочно отнесённого к среднестоговской культуре, в настоящее время активно обсуждается. Не исключена его принадлежность к белозёрской культуре конца II тыс. до н. э. [55. С. 47–48].

Таблица 1

СМ: ритуальные захоронения лошадей

Количество погребений	40	100 %
Из них с захоронениями лошадей	21	53 %
Типологизированные		Неясного типа или разрушенные
13		8
62 %		38 %
		} 100 %
Тип		
A1	A2	B1
4	1	11
25,1 %	6,2 %	68,7 %
		} 100 %

Казахстана, насколько можно судить на современном этапе исследования, представлены локальными очагами. Так, единственным памятником, где широко представлен тип Б1, является могильник Бестамак I, а большая часть жертвенников типа Б2 сконцентрирована в пределах Среднего Приишимья. Отдельное скопление представляют собой находки в Сары-Арке (жертвенники типа А2 и Б2) в могильниках Нуртай, Ащису, Аяпперген, Майтан (см. рис. 1).

Для Среднего Поволжья в целом, судя по опубликованным данным, характерны жертвенники типа Б2 и их имитации. Как минимум четыре парных жертвенных комплекса из Поволжья с остатками лошади связаны со срубной культурой (Песочное, курган 7; Комаровский могильник, курган 5; Калиновка, курган 5, погребение 6; Быково, курган 5, погребение 5). Е. Е. Кузьмина упоминает в связи с этим о находках в Крутеньком кургане и Уваровском могильнике [39. С. 11]. Комплексы из Комаровского, Песочного и Быково¹ относятся к типу Б2. Как

отмечалось ранее, находки парных лошадей, как и вообще костей лошади, а также псалиев в срубных некрополях Среднего Поволжья тяготеют к одному микрорайону — лево- и правобережью Волги на широте г. Самары [35. С. 84]. Относительно недавние находки — парные захоронения лошадей в могильниках Уваровском II [33] и Новые Ключи III [54] (типы Б2 и Б3).

К западу от Волги находки парных жертвоприношений лошадей единичны. Сводка памятников с библиографией приведена Е. Е. Кузьминой [39. С. 11]. Это — Новоусманский и Филатовский могильники и курган Селезни-2. Немного интересующих нас находок и к северо-востоку от урало-казахстанских степей. Жертвенник типа Б1 исследован в кургане 13 Алакульского могильника [66. С. 56]. Не исключено, что жертвенник с останками двух лошадей был на могильнике Раскатиха в Притоболье².

информации.

² Результаты археозоологических определений утрачены. По крайней мере, здесь же была исследована яма с целым скелетом лошади [60. С. 205, 285].

¹ Об остальных комплексах у нас нет подробной

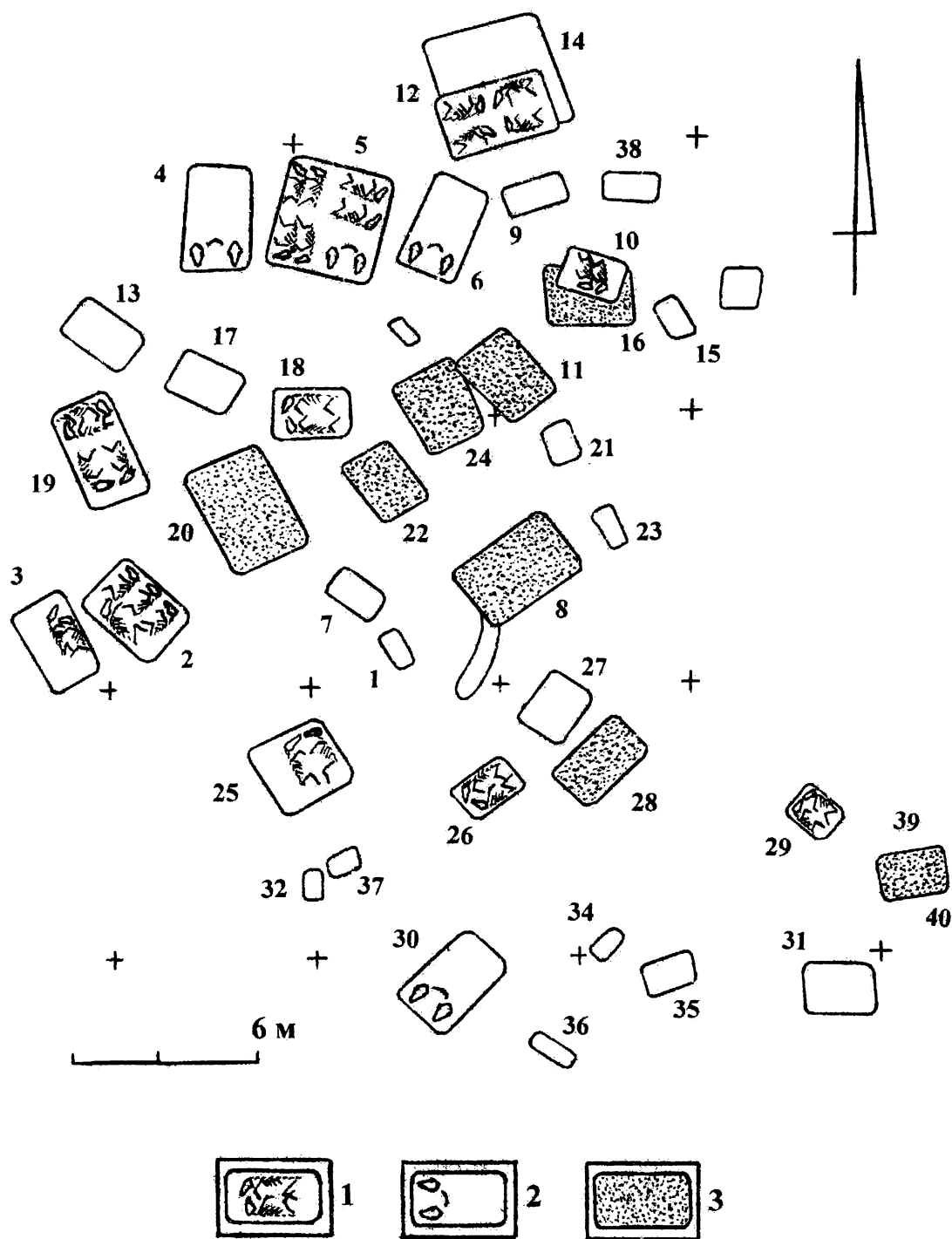

Рис. 7. Синташтинский большой грунтовый могильник:

Распределение жертвенников различного типа, содержащих остатки лошадей, в пространстве могильника: 1 — жертвенники типа Б1; 2 — жертвенники типов А1 и А2; 3 — ямы с разрушенными либо неопределимыми остатками жертвенников

Приведённые факты позволяют представить себе общую картину развития традиции парных жертвоприношений лошадей в пространстве и

времени. Центральным «ядром» традиции, безусловно, является Южное Зауралье, где в конце III или на рубеже III–II тыс. до н. э. формируются

памятники синташтинской культуры. Ближняя периферия ядра ограничена районами Северного и, может быть, Центрального Казахстана, а также Средним Поволжьем. За пределами очерченной зоны традиция парных жертвоприношений лошади угасает и вырождается. Угасание этой традиции наблюдается в западной части степей вплоть до бассейна Дона, а на востоке — в лесостепном Притоболье.

Приведённая схема — центр, ближняя периферия, дальняя периферия — имеет культурное, хронологическое и количественное измерения. В центральной зоне развитие традиции связано с синташтинской культурой, на ближайшей периферии — с потаповскими и петровскими комплексами и с памятниками типа Бестамак I. Носителями традиции на её дальних периферийных территориях (и уже в позднем бронзовом веке) выступают группы, оставившие алакульские, раннесрубные (покровские) и, отчасти, абашевские волго-донские комплексы. Для территории «ядра» характерны массовые находки захоронений парных лошадей, на ближней периферии развитие тенденции, по-видимому, носит очаговый характер, дальняя периферия характеризуется редкими рассредоточенными находками.

Развитие тенденции во времени и пространстве сопровождается изменениями обряда. Если в центральной зоне традиция парных жертвоприношений представлена жертвенниками типа А, то на территории её ближайшей периферии — как западной, так и восточной — доминируют жертвенники типа Б. Для дальней периферии характерны типы Б и АЗ. Угасание и размывание традиции в направлении от центра к дальней периферии, по-видимому, можно перенести и в сферу семантики культа.

Сколько-нибудь стройная интерпретация семантики парных жертвоприношений лошади, на наш взгляд, возможна только для комплексов урало-казахстанских степей.

Весь комплекс материалов по парным жертвоприношениям лошадей заставляет предположить наличие достаточно сложных многовекторных (и неоднозначных в плане вектора воздействия) отношений между центральными областями традиции и её периферией. Типы Б1 и Б2 парных жертвенных комплексов, по-видимому, вышли не из синташтинской среды. Они должны были сформироваться на восточной или юго-восточной периферии традиции. Материалы СМ и могильника Бестамак I свидетельствуют о появлении жертвенников типа Б1 уже в синташтинское время, скорее всего, на уровне «поздней синташты»¹. Жертвенники типа Б2, как и предполагалось [75], относятся к более позднему времени.

Наконец, нельзя не упомянуть о крайней западной периферии традиции, представленной парными захоронениями лошадей микенского и субмикенского времени в Марафоне, Дендре, на островах Эгейского и Средиземного морей [94]. Здесь же (по крайней мере, в материковой Греции) выявлены и свидетельства использования местным населением колесничной упряжи степного типа.

«Кульť лошади»

и принципы близнечной мифологии

Сопоставление парных (упряжных) лошадей с мифологемой близнецов — общее место в литературе. При этом сам по себе «культ близнецов», мифологические основания и движущие силы развития этого архетипа остаются

¹ Проблемы внутренней хронологии синташтинских памятников разработаны недостаточно. См. об относительной хронологии СМ в статье А. И. Хованского в этом сборнике.

неясными, по крайней мере, недоказанными.

Казалось бы, источником этого образа должны быть, в первую очередь, факты рождений гомозиготных и, соответственно, однополых близнецов. В таком случае на первое место выступает феномен «двойника». Действительно, так и считают многие авторы. Х. Л. Борхес писал: «Подсказанное или развившееся благодаря зеркалам, воде и близнецам понятие двойника есть у многих народов» [5. С. 350].

Это — с одной стороны. С другой стороны, во многих ранних мифологиях основное внимание явно уделено разнополой близнецной паре, по определению не тождественной идее двойничества. По мнению М. Элиаде, «первоначальный человек» индоевропейских мифологий соединял в себе мужское начало, с женским, т. е. являлся андрогинном [77. С. 314; и сл.]. Таковы, по Элиаде, Яма — первочеловек индийской мифологии, иранский Йима, германский Туисто и др. Все они — близнецы, имеющие своё соответствие в форме существа женского пола (Йима — Йимак, Яма — Ями). Замечательным, на наш взгляд, выражением андрогинизма выступает мифологический образ сиамских близнецов Молионидов, впервые (?) обнаруживший себя в гомеровскую эпоху (Ном. II, XI, 709, 749). Эти «сыновья Актора, которых называли по имени матери Молины» (Paus., VIII, 14, 9) — Эврит и Ктеат — в древности также были широко известны: один как Акторион (по отцу), а второй как Молион (по матери). Половой дуализм метронимиков каждого из близнецов предполагал восприятие Молионидов в качестве своего рода «андрогина».

Принцип «два в одном» (или «единение двух») пронизывает собой всю

индийскую философию. Одно из его ярких воплощений — «Шива-лингам», правая половина которого воплощает собственно лингам (мужской принцип), а левая — Парвати, женскую силу. Вместе они образуют единое целое. По существу, то же самое мы видим у Вишну (хотя и в раздельном образе) — Лакшми, Индрани у Индры, Кумари у Кумара и др. [70. С. 71–72].

Идею мифологических «андрогинных пар» (выражение Л. И. Акимовой) мы также обнаруживаем в древнегреческой мифологии. Акимова полагает, что в основе древне-греческой идеи андрогинизма лежит образ «мужеподобной девы». Акимова приводит список таких пар в классической мифологии: Дий–Дия, Геракл–Гера, Гермес–Гармония (Гермес–Гермиона), Турмс–Туран, Янус–Яна, Либер–Либера, а также Паллада (Афина) – Палант, и др. [1. С. 246, 250]. Пары Дий (Зевс) – Дия и Посейдон–Посидея можно уверенно спроецировать уже на уровень греко-микенской религии [52. С. 57].

Итак, «андрогинные пары» близнецов появляются уже в ранних индоевропейских мифологиях, но затем разрушаются в пользу мужского концепта либо становятся номинальными. Это характерно и для греческого пантеона, и для ариев. Уже в ведическом пантеоне женские соответствия богов «представляются лишь в виде бледных теней своих супругов» [10. С. 305]. При этом (!) у арийского населения Передней Азии XIV в. до н. э. зафиксировано отнюдь не имя богамужчины «Яма», но его женский эквивалент — «Jamī» [17. С. 430].

Иначе говоря, налицо некое внешнее противоречие наиболее вероятной логики развития мифологемы и её реальной истории. Вместо ожидаемого пути от «удивления двойника двойнику»

к «андрогинной паре» мы наблюдаем смещение акцентов с «андрогинной пары» к гомозиготным близнецам-двойникам. Однако это противоречие можно, вероятно, считать чисто внешним. В аспекте структуры мифологии близнецные пары убедительно интерпретированы исследователями в качестве посредников между рядами семантических оппозиций¹. Возникает логическая структура: «двойник — не моё тождество, но моя противоположность»². Этот логический момент определяет собой многие парадоксальные черты индоевропейских мифических Близнецов. Так, у литовцев один из близнецов (!) — «молодой», а другой — «старый» [27. С. 154], в кельтской мифологии близнецная (!) пара воплощает собой антитезу «отец-сын» [112. Р. 83]. Довольно часто индоевропейские Близнецы символизируют противопоставление ночи и дня, Луны и Солнца³.

В связи с этим можно предположить, что на относительно ранних этапах истории и мифологии образ божественных Близнецов по-преимуществу моделировал собой антитезу «мужское / женское», а связанные с этим образом мифологические концепты («мифы») отражали различные формы отношения «мужского» к «женскому» — видимо, в силу актуальности данных идей

для функционирования человеческих сообществ. Вообще же мифически означены как гомозиготные однополые пары, так и разнополые пары близнецов. И если первые суть прежде всего «двойники», ассоциируемые с такими атрибутами той исторической эпохи, как парная конская запряжка и колесница — и лишь глубинное изучение их образов доказывает заложенную здесь антитезу⁴, то мифическое существование вторых обнажает «андрогинное» единство противоположностей в сфере пола. Традиционный «мифический багаж» разнополых Близнецов — идеи «священного брака», плодородия и размножения/развития, трансформированные в поздних слоях мифа как «отвергнутый инцест»; атрибутами близнецов этого типа выступает лошадь и пара человек/лошадь.

Есть — и в достаточно большом количестве — и комбинированные тексты. Они сделаны — как, наверное, сформулировал бы Леви-Строс — по принципу «бриколажа» [44]. Тот же образ колесницы — свойственный близнецам-«двойникам» — может быть трактован и в эротическом ключе, вполне в рамках идеологии «андрогинных пар»:

*Ко мне, Ями, пришла любовь к Яме,
Чтобы лечь с ним на совместное ложе.
Как жена мужу, хочу я отдать (свое)
тело.*

*Да будем мы двое кататься туда-сюда,
как колёса колесницы! (РВ. X, 10, 6)⁵.*

То же самое в переводе этого фрагмента У. Д. О'Флаерти [108]:

*As a women to her husband I would yield my
body.
Like chariot-wheels let us move to and fro!*

⁴ См. об «асимметричности» образов др.-греч. и др.-инд. Божественных Близнецов в: [92].

⁵ Пер. Т. Я. Елизаренковой.

¹ См. об этом в томе избранных работ К. Леви-Строса [45 и любые, более современные издания] с комментариями и библиографией Вяч. Вс. Иванова.

² Ср.: «У каждого из нас есть двойник, он живёт у антиподов. Но встретиться с ним очень трудно, потому что двойники склонны всегда совершать действия, противоположные нашим» [64. С. 715].

³ Гомер говорит о вознесённых на небо Диоскурах так: «Братом сменяется брат и вседневно, когда умирает // Тот, воскресает другой» (Od., XI, 303–304; пер. В. А. Жуковского). По старым представлениям горных таджиков, Солнце и Луна — это брат и сестра, судьба которых предопределена типичным для божественных Близнецов мотивом божественного инцеста.

Интересный для нас вариант мифа о Нарциссе — также комбинированный и в стиле «бриколлажа» — приводит Павсаний. В этом тексте объединены мотивы разнородных (и, соответственно, разнополых) близнецов, зеркала и отражения в воде, а также любви Нарцисса к сестре-двойнику (Paus., 9, XXXI, 7).

Остановимся подробнее на основных выделенных нами темах близнечного культа у ранних индоевропейцев.

1. Тема лошади и колесницы. Связь с лошадьми греческих Диоскуров и древнеиндийских Ашвинов общеизвестна. Рассмотрим другие — менее известные или менее очевидные примеры:

– Древнегреческие сиамские близнецы Молиониды (Эврит и Ктеат) изображались в вазовой живописи геометрического периода с конскими головами и часто на колеснице [88. Fig. 8–10] (рис. 8: 1). Ивик (VI в. до н. э.) называет их «белоконными» [3. С. 90].

– Идас и Линкей (сыновья Афарей) могут рассматриваться как «своего рода параллель к спартанским Диоскурам» [30. С. 362]. Хотя в древнегреческой мифологии «тиражировались» не функции или черты Диоскуров, а их образ, интересно, что Идаса многие греки считали сыном Посейдона (Apollod., 3, 10, 3). Здесь примечательны и типичный близнецовый мотив рождения одного из близнецов от божества, а другого — от смертного, и связь мифологического отца — Посейдона — с конями¹.

– Православные святые Фрол и Лавр — покровители лошадей — приобрели и в народном сознании «зеркальную» пару типа близнецовой. В народном языке их имена слились в одно имя — Фрол-Лавр или ещё чаще «Фролы» [48. С. 520].

– Древнеиндийский Яма имеет выраженные ассоциации с лошадьми. В Ведах есть слова *уата* (с ударением на первом слоге), означающее «укротитель, управитель» (упряжных лошадей) и *уата* (с ударением на последнем слоге), которое значит «близнец». Последний вариант стал именем божества. Древнейшим культовым животным Ямы, по-видимому, была лошадь. Яма отождествлялся с жертвенной лошадью [111. Р. 44, 46, 49].

2. Тема лошади и плодородия. В индоевропейской мифологии и ритуалах широко представлена брачающаяся пара лошадей и разнополая пара «человек и лошадь». Это мифы о браке гиппоморфной богини (Саранью и Вивесват)² и ритуалы символического брака царя/царицы с кобылой/жеребцом, типа ашвамедхи и кельтского ритуала инаугурации царя (см.: [102; 106–107]. Образы брака и царского брака в частности, брака с гиппоморфными богом или богиней, которые могут быть замещены в ритуале лошадью, символизируют у индоевропейцев комплекс плодородия [83. Р. 107–108, 138–139]. Так, ритуал «ашвамедха» первоначально был связан только с символикой полового акта, идеями размножения, плодородия и обрядовой практикой [22; 81. Р. 1–24]; фигура царя начинает доминировать в ритуале позднее. Связь лошади с культами плодородия у индоевропейцев подчеркнута в старой работе Х. Хаббеля [86].

Женская фигура, которую сопровождают мужские близнецы («трёхфункциональная богиня», по Пухвелу), отвечает за функции плодородия (например, Деметра и Диоскуры).

² Напомним, что так были зачаты близнецы Яма и Ями.

¹ См. о Посейдоне в этом аспекте: [92].

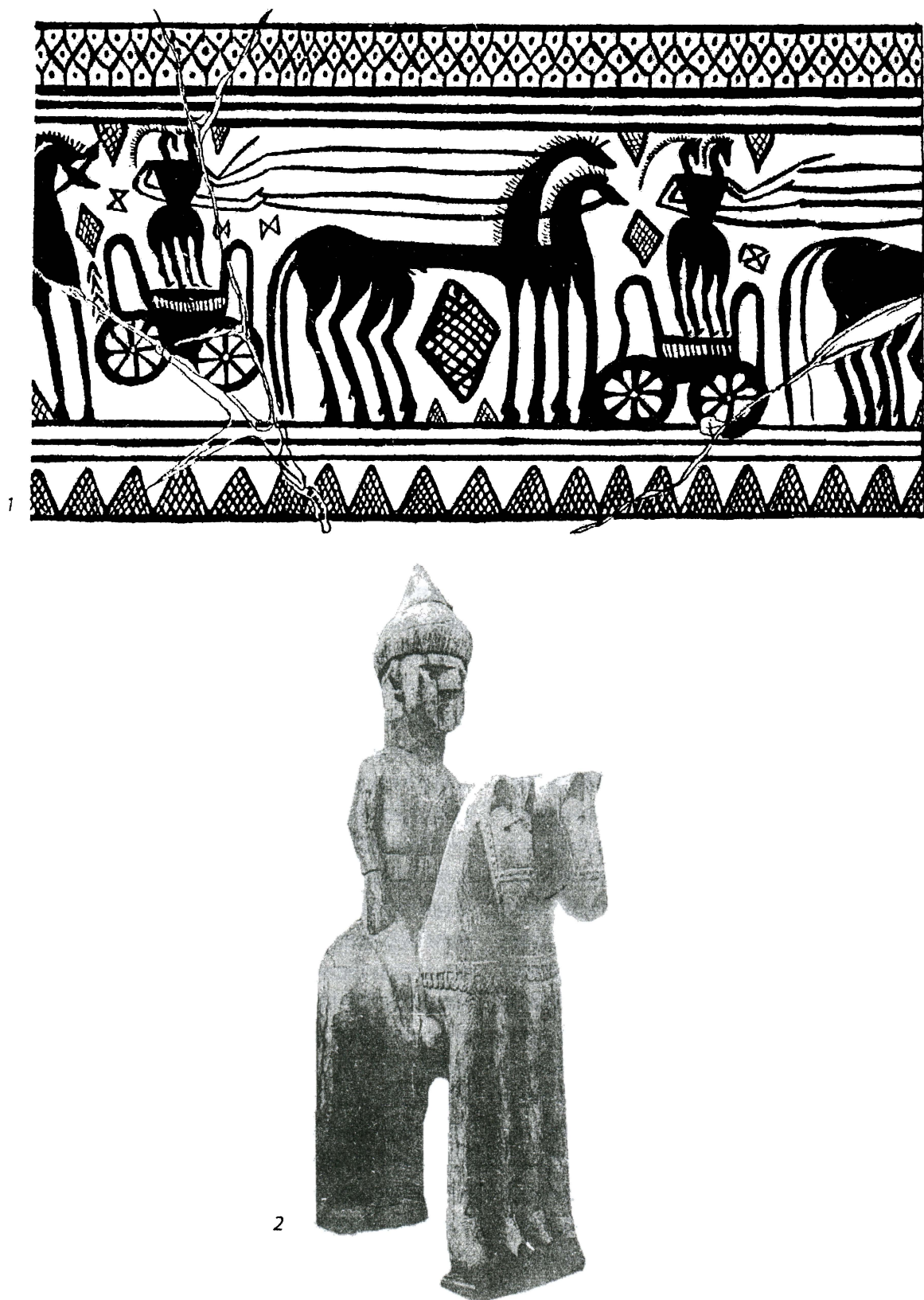

Рис. 8. Изображения парных лошадей/близнецов в индоевропейской традиции:

- 1 — Молиониды (кратер позднегеометрического периода (ок. 725 г. до н. э. [по: 88. Fig. 10]);
2 — погребальная статуя кафиров: воин на двуглавой лошади [по: 101]

Парные захоронения лошадей: вопросы семантики в свете близнечного культа

Теперь мы должны установить степень близости исследуемых археологических материалов к приведённому выше «макету» близнечного культа, при необходимости разрабатывая и конкретизируя этот макет.

Принцип парности в ритуальных захоронениях лошадей. Здесь нужно выделить два момента. Первое: в бронзовом веке евразийских степей принцип парности связан в первую очередь с лошадью. Проявления этого принципа в других сферах жертвоприношения носят периферийный характер (см. ниже). Второе: только у индоевропейцев было устойчивое представление о парных лошадях. В микенской Греции, кроме отмеченных выше парных захоронений лошадей в отдельных ямах, известны находки двух пар упряжных, по мнению исследователей, лошадей в Дендре и парное захоронение на о. Парос [84. Р. 82, 162–163, 180]. На погребальных статуях кафиров умерший воин часто восседал на двуглавой лошади [29; 101] (рис. 8: 2). Изображения непременно двух или четырёх конских голов украшали святилища дардов Гиндукуша [29. С. 363, 381, 384]. Ещё недавно парные «коньки» украшали собой кровли жилищ балтийских славян, русских и англосаксов [40. С. 39]. Парные и четверные захоронения лошадей довольно часто встречаются у скифов; впрочем, символика парности не является определяющей для скифских ритуалов, связанных с лошадью. Отчасти это можно объяснить тем, что скифы приносили в жертву не только упряжных, но и верховых лошадей [4. С. 107].

Ритуальные темы: 1. Колесничная тема. Большинство современных исследователей связывает парные

захоронения лошадей эпохи бронзы с колесничей и колесничными лошадьми [38; 56; 62; 75 и др.]. Судя по нашим материалам, остатками колесниц или колесничной символикой сопровождаются прежде всего жертвенники типов А1 и Б2. Полевые исследования авторов¹ и изучение источников свидетельствуют о том, что за редкими исключениями (Кривое Озеро, Сатан) в могилу помещали не колесницу целиком, а только ось с колёсами². Символическую функцию колесничного кузова в этих случаях выполнял котлован могильной ямы. Колесницу могло символизировать одно-единственное колесо в могиле (Утевский VI могильник, курган 6). При захоронениях лошадей по типу Б2 сама планировка погребального комплекса является «изображением» колесницы (рис. 2; 3). Все зафиксированные здесь варианты взаиморасположения лошадей соответствуют традиции профильных изображений упряжных лошадей на петроглифах Казахстана, Памира, Тувы (см.: [38. Рис. 34; 57. Рис. 8; и др.]).

Скорее всего, с колесничной символикой связаны и захоронения лошадей в отдельных ямах (тип Б3). В жертвенной яме кургана 6 Утевского VI могильника, возможно, находились остатки колесницы [7. С. 52]. Микенские парные захоронения лошадей исследователи безоговорочно связывают с упряжными лошадьми. Правда, остатков колесниц в микенских погребениях не обнаружено. С. Маринатос ссылается на обнаруженные им парные колеи на входе в один из толосов вблизи Пилоса, они могли быть предназначены

¹ Могильник Степное VII в Пластовском районе Челябинской области, 2000–2004 гг.

² В связи с этим реконструкции колесниц Синташтинского могильника [14] нужно признать чересчур смелыми. Разборная конструкция микенских колесниц (кузов + ось с колёсами) надёжно зафиксирована текстами линейного письма Б.

для облегчения хода погребальной повозки или колесницы [99. Р. 97].

В могильных ямах с жертвенниками типа Б1 остатки колесниц встречаются нечасто. Здесь отмечено и размещение жертвенных лошадей «валетом», что не соответствует изображениям упряжных животных на петроглифах. Таким образом, хотя жертвенники типа Б1 и имеют какую-то связь с колесничной темой, эта тема здесь, по-видимому, не единственная и не главная.

Ритуальные темы: 2. Тема плодородия и размножения. Здесь отправной точкой для аналитической работы служит информация о половой принадлежности парных жертвенных лошадей. К настоящему времени в могильниках Южного Зауралья и Северо-Западного Казахстана определён пол 14 пар. Наиболее крупная серия (10 пар с определениями) происходит из могильника Бестамак I [12]. Полученные данные вполне можно распространить и на жертвенники СМ, которые по своей организации совершенно идентичны бестамакским. Также есть определения пола парных лошадей из могильников Большекараганский, Степное и Степное 7¹. В Среднем Поволжье определён пол двух пар лошадей — могильники Уваровский II [33. С. 79] и Новые Ключи III [54. С. 316].

Во всех 16 случаях пары лошадей оказались разнополами: жеребец и кобыла². Эта закономерность относится к жертвенниками двух основных типов — А и Б и ко всем их разновидностям:

А1: 1 случай, могильник Бестамак 1;

А2: 1 случай, могильник Большекараганский, курган 25;

А3: 1 случай, могильник Степное, курган 5, яма 2;

Б1: 6 случаев, могильник Бестамак 1;

Б2: 2 случая, могильник Степное, курган 5, яма 2; Новые Ключи III;

Б3: 2 случая, могильник Степное 7; Уваровский II;

Без типа: 3 случая, могильник Бестамак 1.

Есть и другие данные, указывающие на существование комплекса «жеребец + кобыла» в ритуалистике культур Центральной Евразии эпохи бронзы. Например, на навершии хорошо известного кинжала из Сейминского могильника изображена разнополая пара лошадей [57. С. 37]. Информацию к размышлению даёт и анализ наскальных изображений колесниц эпохи бронзы. Достаточно часто обнаруживается, что на этих изображениях в колесницу впряжены жеребец и кобыла (см.: [57. Рис. 8, 2.2; и др.])³.

Жертвенные комплексы under discussion принадлежат синташтинской, петровской и срубной культурам (последней, видимо, в её раннем варианте). По алакульским памятникам информации нет. Здесь в ряде случаев одна из особей определяется как «жеребец», а пол второй особи неопределим [49. С. 411]. Три лошади из двух пар в могильнике в Дендре (материковая Греция) микенского времени оказались жеребцами [95. Р. 25].

В подавляющем большинстве случаев пары оказались не только разнополами, но и разновозрастными; в отдельных случаях разница в возрасте достигает пяти и более лет. Так же, как показывают определения, лошади, составляющие

¹ Определения выполнены Л. Л. Гайдученко.

² Е. Е. Кузьмина, ссылаясь на работы К. В. Сальникова и В. И. Цалкина, пишет, что парные лошади «были жеребцами» [38. с. 166]. В работах Сальникова такой интерпретации нет.

³ Ради объективности нужно подчеркнуть, что в большинстве случаев пол упряжных лошадей в наскальных изображениях не обозначен. В других случаях, безусловно, изображены пары жеребцов.

пары, были разного роста¹. Такой подбор животных мало отвечает тем требованиям, которые предъявляет к ним их использование в колесничной упряжке. Идеалом здесь были бы лошади, одинаковые по своей половой принадлежности (жеребцы), росту, силе, возрасту и экстерьеру. «Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру»², — так описывает Гомер *настоящих* колесничных лошадей (II, II, 765). И так не только у Гомера. Например, в Лейнстерской Книге³ говорится о боевой колеснице, запряжённой «двумя конями храбрыми, одного роста» [50. С. 119].

Учитывая означенную выше мифологическую и ритуальную традицию, авторы склонны трактовать комплекс «жеребец + кобыла» из степных некрополей как комплекс с продуцирующей символикой. Он должен был воплощать в себе идею плодородия и умножения жизни и материальных благ. Есть здесь и аспект «эротики». Возможно, указанные концепты — в их совокупности — можно расширить до идеи «синташтинского фарна» [23; 113].

Есть и некоторые другие основания для такой трактовки парных захоронений лошадей. Положение лошадей в погребении 10 СМ [14. Рис. 65, 2], по видимому, имитирует совокупление. Примечательно и характерное для жертвенников Б1 и Б2 типов размещение животных вентрально-вентрально с перекрещенными или переплетёнными ногами. Такое положение животных полностью соответствует парным разнополым человеческим захоронениям в так называемой позе объятий. Эти захоронения,

достаточно широко распространённые в степной зоне в интересующий нас период, подчёркивают высокий статус женского начала [25. С. 52–57] и должны рассматриваться прежде всего в контексте культов плодородия.

Напомним, что в пределах эпох средней бронзы — РЖВ в степных культурах имеет место эволюция традиции жертвоприношений от преобладания жертв-самок животных к полному доминированию в ритуале жертвоприношений самцов [23; 113]. Кстати, уже упряжные колесничные лошади гомеровского эпоса — жеребцы. В этой связи переход от жертвоприношений разнополой пары лошадей к традиции приносить в жертву жеребцов выглядит не только логичным, но и вполне вероятным. Безусловно, поставить точку в этом вопросе можно будет лишь в процессе накопления археозоологического материала.

Ритуальные темы: 3. Тема пищи и трапезы. Это, скорее всего, ещё одна из обособленных подтем темы размножения и плодородия. Так, в ведийских текстах «sexual union is regarded as a means, or rather a technique, of food-production» [81. Р. 12]. Тема трапезы и пищи представлена по преимуществу в жертвенных комплексах группы А. При сооружении таких жертвенников труп животного расчленялся на «ритуальный верх» (голова), «ритуальный низ» (дистальные отделы конечностей) и «среднюю часть» (собственно тушу). Если первые две части помещали в жертвенник, то туша лошади использовалась для приготовления пищи и ритуальной трапезы. При этом свою часть пищи должны были получить и умершие, поэтому пищевая функция особенно актуальна для жертвенников типа А2, так как в их состав могло включаться мясо на костях

¹ По мнению Н. В. Росляковой, в одной паре могли использоваться лошади с разным экстерьером и разного пола, но близкого роста [65. С. 483].

² Пер. Н. Гнедича. Курсив, естественно, наш. — Д. З., Е. К.

³ Ирландская рукопись середины XII в.

из средней («пищевой») части жертвенного животного.

Однако эта тема присутствует и в жертвоприношениях лошадей по типу Б. Безусловно, здесь она выражена не так ярко. Наблюдения археozoологов (Л. Л. Гайдученко, П. А. Косинцев) показывают, что в ряде случаев из туш жертвенных лошадей были вырезаны куски: грудина, рёберные части (могильник Степное 7, Кривое Озеро). То же самое — на самой дальней периферии традиции: в микенской Греции. Так, в одном из толосов Марафонской равнины были обнаружены ритуально захороненные останки лошади (жеребца) с отсутствующими задними конечностями и некоторыми другими частями скелета [100. Р. 111–112]. По-видимому, и форма обряда по типу Б была немыслима без идеи совместной ритуальной трапезы людей и умерших (а может быть, и божеств подземного мира).

семантике парных захоронений лошадей в форме таблицы (табл. 2).

Близнецы — и не только они

Парные захоронения лошади, связанные с близнецным культом, существуют в контексте многочисленных и разнообразных проявлений парности, двоичности, симметрии в погребальных обрядах и обрядах жертвоприношения степных культур эпохи бронзы. Ниже приведены примеры такой практики, взятые по преимуществу из археологии урало-казахстанского региона.

1. Парные жертвоприношения кобылы и жеребёнка. Отмечены при раскопках кургана 25 Большекараганского могильника (жертвенный комплекс 8)¹ и могильника Бестамак I (жертвенник при погребении 5). На этих же некрополях выявлены многочисленные случаи жертвоприношения самок мелкого и крупного рогатого скота с детёнышами; только на Большекараганском

Таблица 2

Схема типологии парных захоронений лошадей

Тип жертвенника	Состав жертвенника	Размещение	Ритуальные темы
A1	голова + дистальные отделы конечностей	Дно могильной ямы	Колесничная, пищи и трапезы
A2		Дно или перекрытие ямы	Плодородия, пищи и трапезы
A3		За пределами могилы	
B1	нерасчленённый труп	Перекрытие могильной ямы	Плодородия, колесничная
B2		Подкурганная площадка	Колесничная плодородия
B3		Отдельная яма	Колесничная (?)

* Выделены доминантные темы.

Содержательная типология жертвенников. Любая типология артефактов, связанных с ритуалом, будет незавершённой и недоказательной, если типы артефактов не дифференцированы семантически. Резюмируем наши наблюдения и выводы по типологии и

могильнике их около десятка. Все жертвенные комплексы «самка + детёныш», по-видимому, имеют сходную семантику. Предполагается, что они символизируют «этологию материнства»,

¹ Отметим, что на зубах взрослой лошади имеются следы от удил (данные Л. Л. Гайдученко).

детородную функцию и идею умножения благ [113]. Образ самки с детёнышем играет важную роль в древних мифологиях и древнем же изобразительном искусстве.

2. Парные жертвоприношения КРС, МРС, собак, особей дикого кабана. Интересно, что многие из них связаны или приурочены к жертвенникам с парными лошадьми. Для жертвенников типов А2 и Б1 это в основном парные особи МРС (погребение 24 кургана 25 Большекараганского могильника, погребения 14 и 45 могильника Бестамак I, погребения 3, 5, 6 кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 и др.). В кургане 15 могильника Графские Развалины (рис. 3, 2) костякам двух лошадей сопутствует жертвенник из двух голов и четырёх дистальных отделов конечностей КРС, находящийся у края восточной торцевой стенки могильной ямы. Совершенно замечателен жертвенный комплекс кургана 2 могильника Берлик — тройное парное жертвоприношение: к югу и северу от центральной ямы находились два костяка лошади, ногами друг к другу. Возле восточной торцевой стены находился жертвенник из двух голов и костей четырёх конечностей КРС, аналогичный комплексу из кургана 15 могильника Графские Развалины. В самой центральной яме, на перекрытии находились обезглавленные скелеты двух некрупных животных (скорее всего, собак), лежащие параллельно друг другу [19. С. 74, 76].

Можно предположить, что описанные жертвенники дублируют близнечную символику парных захоронений лошадей, занимая, в каком-то смысле, подчинённое положение. Известны, однако, и парные жертвы, не связанные с лошадью. Например, в кургане 25 Большекараганского могильника

дважды зафиксированы парные жертвоприношения частей туш диких кабанов (погребения 10 и 18). В яме 79 могильника Степное VII располагался жертвенный комплекс, содержащий остатки голов и конечностей коровы и быка, выложенные вместе так, что они имитировали образ некоего двухголового существа. Поверх морды коровы находились останки новорожденного телёнка (рис. 9). Продуцирующая символика данного комплекса не вызывает сомнений.

3. Парные жертвоприношения детёнышей животных, как правило, находятся в составе крупных жертвенных комплексов, состоящих из останков нескольких (до двенадцати) особей. С парными захоронениями лошадей они никак не связаны. Приведём описание некоторых жертвенников этого типа.

В погребении 13 кургана 25 Большекараганского могильника жертвенник на перекрытии и в заполнении могилы содержал 7 особей (две овцы, два ягнёнка, одна корова, один телёнок, одна собака). Два ягнёнка-первогодка находились подле взрослой овцы, располагаясь задними отделами друг к другу, головами в разные стороны. В жертвенной яме 26 могильника Степное VII находились останки 8 особей животных (4 взрослых особи КРС, 2 телёнка, 2 овцы). Телята возрастом 2–3 месяцев лежали в том же положении, что и ягнята в погребении 13 Большекараганского могильника. Жертвенная яма 33 могильника Степное VII содержала 12 особей (целые туши трёх коров, трёх телят, трёх овец, трёх ягнят). Два телёнка и два ягнёнка лежали парами, в положении вальтом при тушах взрослых животных (телята — при коровах, ягнята — при овцах). В яме 15 могильника Степное VII вместе с остатками жертвоприношения

Рис. 9. Могилиник Степное VII:

жертвенный комплекс с продуцирующей символикой: останки быка, коровы, телёнка (яма 79)

нескольких особей КРС находились скелеты двух одновозрастных телят (скорее всего, близнецов). Захоронение двух телят в возрасте 6 месяцев, положенных валетом в отдельной яме, известно на поселении эпохи ранней бронзы Кокуй II в Приишимье [36. С. 92]. В головах каждого телёнка стоял сосуд.

В отличие от взрослых животных в парных жертвенниках, которых можно назвать «символическими близнецами», парные особи детёнышей

являлись, по-видимому, близнецами биологическими. Появление двойни у домашних копытных — явление в той или иной мере неординарное (чаще — у МРС, реже — у коровы и лошади). Оно превращалось в «событие», которое требовало мотивированной оценки. Древние греки, вероятно, относились к такому «событию» положительно; Аполлодор, по крайней мере, сообщает, что в присутствии Аполлона все коровы Адмета стали приносить двойню

(Apollod., 3, 10, 4). Казахи приписывали рождение двойни у овец влиянию человека, имеющего «кут» («счастье, благодать») [76. С. 15]. Славян (сербов, словаков) не радовало рождение близнецов в семье, но рождение двойни у скотины оценивалось положительно, как признак того, что год будет урожайным [73]. Ритуальные действия, призванные стимулировать рождение ягнят-двойток, отмечены у русских крестьян [48. С. 556]. У восточных славян, однако, зафиксировано и неоднозначное отношение к рождению двойни у животных [см.: 6. С. 96; 18. С. 43]. Если положительный аспект отношения к рождению двойни у животных мотивирован экономическим фактором, то негативный аспект, скорее всего, обусловлен реликтами мифа. Хорошо известно, что в традиционных культурах рождение близнецов не только оценивалось неоднозначно, но и вызывало страх.

По-видимому, какие-то аспекты этих архаических представлений воплощены в синташтинских и петровских обрядах парного жертвоприношения детёнышей животных. Характерное симметрично-разнонаправленное положение животных в жертвенниках (валетом, «тяги-толкаем»), возможно, отражает мифологическое восприятие близнецов в качестве антагонистов.

Заключение. Индоевропейская мифология — одна из наиболее развитых в мире, своего рода «венец» развития «естественной» мифологии. К ней не применимы многие стандарты мифологий более «ранних» — по объективному времени (Ближний Восток) или типологически (материалы исторической этнографии). Ещё к палеолиту восходит культ «рогатых существ», но нужно ли рассматривать его — в историческом отсутствии индоевропейцев — в качестве

протоиндоевропейского культа [105]? На наш взгляд, нет. Ранние индоевропейцы «были помешаны ('were crazed') на лошадях» [107. Р. 354]. И именно поэтому они — индоевропейцы.

Связь лошадей и близнецов — специфическое открытие индоевропейской мифологии, своего рода визитная карточка индоевропейскости. Именно поэтому парные ритуальные захоронения лошадей в Центральной Евразии в эпоху бронзы могут служить надёжным этнокультурным — индоевропейским — индикатором. Для этого, безусловно, нужно доказать, что останки лошадей здесь связаны именно с близнецным культом, а не являлись, как в Китае, простым погребальным инвентарём и атрибутом колесничества. Важным сторонним доводом в пользу близнецной интерпретации исследуемых комплексов является наличие совершенно аналогичных парных конских захоронений (и псалиев, аналогичных степным) в микенской Греции — ведь хорошо известно, насколько древнегреческая культура проникнута идеей божественных конных Близнецов.

Образ близнецов у индоевропейцев тесно связан как с колесницей и упряжными лошадьми, так и с лошадью и культами плодородия. Именно эти темы отражены в ритуалах парных жертвоприношений лошадей в Центральной Евразии. В общекультурной практике и ритуалах степных культур, особенно аркаимско-синташтинской, хорошо представлены различные проявления парности, двоичности, симметрии. На скудной и «немногословной» базе археологических источников сложно реконструировать ряды семантических оппозиций в данных культурах, однако предположить их существование вполне допустимо.

В системе мировоззрения, основанной на бинарных оппозициях, важная роль должна была принадлежать мифологическим Близнецам.

Говоря о связи близнецов и жертвоприношения у индоевропейцев, можно вспомнить жертвоприношение упряжной лошади в ходе праздника October Equus в Риме [106. Р. 162–163] или сюжет о близнецах и первожертве в индоиранских мифологиях [91. Р. 75–87]. Однако прямых аналогий обрядам парных жертвоприношений лошадей эпохи бронзы мы в письменных источниках не находим. В принципе, это не удивительно. Аркаимско-синташтинско-петровский круг памятников, с которым по преимуществу связаны эти обряды, оставлен группой индоевропейского населения, своеобразной в культурном плане. С ней, с этой группой, связан целый ряд черт, необычных для древних индоевропейцев [24], в том числе укрепленные поселения прото- или квазигородского типа.

Интересно, что упоминания о жертвоприношении близнецов — «сивых жеребцов» и «сивых быков» — есть в казахском народном эпосе [58. С. 50]. Заманчиво было бы видеть здесь следы древних традиций. Ещё М. П. Грязнов писал о наличии глубоких следов культур бронзовой эпохи в культурах более поздних насельников Казахстана, включая казахов [16. С. 215].

Данные источников подводят нас ещё к одному важному выводу. Культ близнецов у индоевропейцев, как, впрочем, и вся индоевропейская мифология лошади, это сложное явление, имеющее свой исторический генезис. Древнейшие мифологические Близнецы (разнополая пара?), по-видимому, были связаны с культом плодородия. Связь близнецов и плодородия — естественная интерпретация появления на свет двух живых

существ вместо предполагаемого одного. Практически до сих пор, как мы видели, эта идея определяет собой оценку рождения двойни у животных. С другой стороны, обращение к идее разнородных близнецов, безусловно, самый «экономичный» способ объяснить происхождение людей.

Нет никаких данных о связи древнейших близнецов с лошадьми; лошадь в этот период служила индоевропейцам-степнякам важным источником мясной пищи [98]. Лишь после освоения колесницы и лошади в качестве упряжного животного, а также отождествления близнецов и пары упряжных лошадей, индоевропейский близнецный культ приобретает свои законченные формы. При этом, как совершенно верно отметил Дж. П. Мэллори [98. Р. 215], изменилась и «культурная экология лошади». В рамках этих изменений происходит и смещение основных акцентов мифологии и культа: вместе с торжеством мужских богов в индоевропейских мифологиях укрепляется образ гомозиготных Близнецов-Колесничих.

Изучение парных захоронений лошадей из урало-казахстанских степей эпохи бронзы подтверждает такую схему эволюции близнецного культа. Показательна смена жертвенных комплексов типа А, где преобладает символика плодородия, жертвенниками типа Б с преобладанием колесничной символики.

Ранние носители индоевропейских языков не имели единого антропологического типа [97], не существовало «индоевропейского типа искусства» [78]. У них был разный образ жизни — вспомним противостояние, а также и взаимодействие, «Ирана» и «Турана» [90]. У них не было храмов. Зато у них были «инструменты» освоения Ойкумены: индоевропейский язык и «индоевропейская лошадь».

Следы применения этих «инструментов» мы и наблюдаем в Центральной Евразии — в её срезе бронзового века — в том числе, и в «археологии ритуала». Проблемы изучения этих «следов» требуют, на наш взгляд, развития новых модельных подходов — как в археологии, так и в индоевропеистике.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Зауралье

1. Алакульский, могильник [66].
2. Большекараганский, могильник, курган 25 [21].
3. Каменный Амбар 5, могильник, курган 2 [34].
4. Кривое Озеро, могильник [11].
5. Синташтинский большой грунтовый могильник (СМ) [14].
6. Синташта, комплекс грунтовых и курганных захоронений (СИ) [14].
7. Солнце II, могильник [Епимахов, А. В. Могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы / А. В. Епимахов // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Камен. пояс, 1996. С. 22–42].
8. Степное, могильник, курган 5 [Куприянова, Е. В. Раскопки кургана 5 могильника Степное в Пластовском районе Челябинской области : отчёт / Е. В. Куприянова. Челябинск, 2009].
9. Степное VII, могильник [Куприянова, Е. В. Охранные раскопки могильника Степное VII и поселения Степное VIII в Пластовском районе Челябинской области в 2003 году : отчёт / Е. В. Куприянова. Челябинск, 2008].
10. Хрипуновский, могильник [48].

Казахстан

11. Аксайман, могильник, курган 2, раскоп 4 [Зданович Г. Б. Могильник Аксайман в Северо-Казахстанской области / Г. Б. Зданович, Н. О. Иванова, С. Г. Боталов // Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 году : отчёт. Челябинск, 1981. Т. 5. С. 4–14; Зданович, Г. Б. Раскопки могильников Аксайман и Берлик II в Северо-Казахстанской

области / Г. Б. Зданович, А. А. Бухонин, С. А. Григорьев // Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1981 году : отчёт. Челябинск, 1982. Т. 2. С. 22–23; 19].

12. Ащису, могильник [41].
13. Аяпперген, могильник, курган 7 [41; 42; 72. Ч. 24].
14. Баганаты III, могильник [59].
15. Берлик II, могильник, курганы 1, 2, 10 [Г. Б. Зданович, Н. Б. Виноградов, А. А. Бухонин. Могильник Берлик II в Северо-Казахстанской области // Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1979 году : отчёт. Челябинск, 1980. Т. 2. С. 13–28; Зданович Г. Б., Бухонин А. А., Григорьев С. А. Раскопки могильников Аксайман и Берлик II в Северо-Казахстанской области // Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1981 году : отчёт. Челябинск, 1982. Т. 2. С. 22–23; 19].
16. Бестамак I, могильник [12; 46].
17. Бестамак I [Л. Л. Гайдученко, рукопись; 46].
18. Графские Развалины, могильник, курганы 14, 15 [М. К. Хабдулина, А. А. Бухонин. Могильник Графские Развалины, могильник Бектениз по раскопкам 1982–1983 гг. // Полевые археологические исследования УКАЭ в Казахстане в 1982–1983 гг. : отчёт. Челябинск, 1984].
19. Майтан, могильник [72. Ч. 1].
20. Новоникольское, могильник, курган 1 [Зданович, Г. Б. Могильник у с. Новоникольское / Г. Б. Зданович, М. К. Хабдулина, Т. С. Малютина, О. В. Сопочева // Научный отчёт о полевых исследованиях в Петропавловском Приишимье по теме: «Социально-экономическая история древних племён Южного Урала и Северного Казахстана» : отчёт. Челябинск, 1978. С. 20–32.
21. Нуртай, могильник [72. Ч. 1].
22. Семипалатное, могильник, курган 2 [Зданович, Г. Б. Могильник эпохи бронзы у с. Семипалатное / Г. Б. Зданович, В. Ф. Зайберт. // Полевые исследования СКАЭ в 1969 г. : отчёт. Петропавловск, 1970. Т. 2. С. 3–10].

Поволжье и Подонье

23. Баранниково, могильник [53].
24. Быковский, могильник, курган 1 [68].
25. Комаровский, могильник, курган 5 [2].

26. Новые Ключи III, могильник [54; 65].
27. Песочное, могильник, курган 1 [26].
28. Потаповский, могильник [7].
29. Селезни-2, курган [61].
30. Уваровский II, могильник [33].
31. Утевский, могильник [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимов, Л. И. Троянский мир в античной мифоритуальной традиции / Л. И. Акимов // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана : каталог выставки. [Б. м.] : ГМИИ им. А. С. Пушкина ; Леонардо Арте, 1996. С. 241–280.
2. Алихова, А. Е. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки / А. Е. Алихова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 59. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 91–99.
3. Античная лирика. М. : Худ. лит., 1968.
4. Бессонова, С. С. О скифских повозках / С. С. Бессонова // Древности скифских степей. Киев : Наукова думка, 1982. С. 102–117.
5. Борхес, Х. Л. Бестиарий (Из «Книги о вымышленных существах») / Х. Л. Борхес // Борхес Х. Л. Письмена Бога. М. : Республика, 1992. С. 317–358.
6. Бузин, В. С. Традиционная животноводческая обрядность Тамбовщины / В. С. Бузин // Евразия сквозь века. СПб. : Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. С. 95–99.
7. Васильев, И. Б. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова // Археолог. вести. Вып. 1. СПб., 1992. С. 52–63.
8. Васильев, И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь / И. Б. Васильев, А. Т. Силюк. Куйбышев : КГПИ, 1985.
9. Васюткин, С. М. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы / С. М. Васюткин, В. С. Горбунов, А. Х. Пшеничнюк // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа : БГПИ, 1985. С. 67–88.
10. Вигасин, А. А. Женщина в древней Индии (Вместо послесловия) / А. А. Вигасин // Вардиман Е. Женщина в древнем мире ; пер. с нем. М. : Наука ; Гл. ред. вост. лит., 1990. С. 301–332.
11. Виноградов, Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. Челябинск : ЮУКИ, 2003.
12. Гайдученко, Л. Л. Животные из жертвенных комплексов могильника Бестамак I : рукопись.
13. Генинг, В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племён / В. Ф. Генинг // Сов. археология. 1977. № 4. С. 53–73.
14. Генинг, В. Ф. Синташта: Археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : ЮУКИ, 1992. Ч. 1.
15. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / С. А. Григорьев. Челябинск : УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 1999.
16. Грязнов, М. П. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане / М. П. Грязнов // Казаки. Антропологические очерки. Вып. 2. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 172–221.
17. Елизаренкова, Т. Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М. : Наука, 1989. С. 426–543.
18. Журавлёв, А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки / А. Ф. Журавлёв. М. : Индрик, 1994.
19. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (Основы периодизации) / Г. Б. Зданович. Свердловск : УрГУ, 1988.
20. Зданович, Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социальная обусловленность / Г. Б. Зданович // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, Респ. Казахстан, 1989. С. 179–189.
21. Зданович, Д. Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника / Д. Г. Зданович // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск : ЮУКИ, 2002. Кн. 1. С. 17–106.
22. Зданович, Д. Г. Ашвамедха : рукопись.
23. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Зданович. Екатеринбург, 2005.
24. Зданович, Д. Г. К этнокультурной характеристике населения степного

Зауралья эпохи средней бронзы: обряды жертвоприношения животных / Д. Г. Зданович // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. С. 62–65.

25. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья / Д. Г. Зданович. Челябинск : СПЛИАЦ «Аркам»; Челяб. гос. ун-т, 1997.

26. Зудина, В. Н. Раннесрубный могильник у с. Песочное / В. Н. Зудина, В. А. Скарбовенко / В. Н. Зудина // Древности Среднего Поволжья : межвуз. сб. Куйбышев : Куйбыш. гос. ун-т, 1985. С. 51–78.

27. Иванов, Вяч. Вс. Балтийская мифология / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 153–159.

28. Иванов, Вяч. Вс. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты / Вяч. Вс. Иванов // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 45–48.

29. Йеттмар, К. Религии Гиндукуша : пер. с нем. / К. Йеттмар М. : Наука, 1986.

30. Кондратьев, С. П. Примечания / С. П. Кондратьев // Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. М. : Ладомир, 1994. Т. 1. С. 311–334.

31. Косинцев, П. А. Животные в погребальном обряде Урало-Поволжья в начале II тысячелетия до н. э. / П. А. Косинцев // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 255–258.

32. Косинцев, П. А. Комплекс костных остатков домашних животных из поселений и могильников эпохи бронзы Волго-Уралья и Зауралья / П. А. Косинцев // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара : НТЦ, 2001. С. 363–367.

33. Косинцев, П. А. Парное захоронение лошадей из II Уваровского могильника / П. А. Косинцев, Н. В. Рослякова // Историко-археологические изыскания : сб. тр. молодых учёных. Вып. 3. Самара : СамГПУ, 1999. С. 77–86.

34. Костюков, В. П. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье / В. П. Костюков, А. В. Епимахов, Д. В. Нелин // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара : СамГПУ, 1995. С. 156–207.

35. Крамарев, А. И. Кости животных в погребальном обряде срубной культуры (по материалам погребальных памятников Среднего Поволжья) / А. И. Крамарев, О. В. Кузьмина // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999. С. 83–88.

36. Крижевская, Л. Я. Погребения животных как форма проявления первобытных верований / Л. Я. Крижевская // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб. : ГМИР, 1991. С. 82–95.

37. Крюкова, Е. А. Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита — ранней бронзы / Е. А. Крюкова // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2003. С. 134–143.

38. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? / Е. Е. Кузьмина. М. : МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994.

39. Кузьмина, Е. Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг / Е. Е. Кузьмина // Вестн. древн. истории. 2000. № 4. С. 3–20.

40. Кузьмина, Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света / Е. Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и средневековье. М. : Наука, 1977. С. 28–52.

41. Кукушкин, И. А. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой / И. А. Кукушкин // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 47–51.

42. Кукушкин, И. А. Могильник Аялберген — раннеандроновский памятник Центрального Казахстана / И. А. Кукушкин // Изучение памятников Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006.

43. Куштан, Д. П. Колесницы в индоевропейской мифологии / Д. П. Куштан // Происхождение колесничества. Луганск : Глобус, 2008. С. 183–187.

44. Леви-Строс, К. Неприрученная мысль / К. Леви-Строс // Леви-Строс К.

Первобытное мышление : сборник. М. : Республика, 1994. С. 111–336.

45. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. М. : Наука, 1983.

46. Логвин, А. В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак / А. В. Логвин, И. В. Шевнина // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2008. С. 190–197.

47. Логвин, В. Н. К проблеме становления синташтинско-петровских древностей / В. Н. Логвин // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 88–95.

48. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила; Культ хлеба / С. В. Максимов. Смоленск : Русич, 1995.

49. Матвеев, А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья / А. В. Матвеев. Новосибирск : Наука, Сиб. предпр. РАН, 1998.

50. Михайлова, Т. А. «Боевая колесница с серпами» как памятник, как текст, как реалья / Т. А. Михайлова // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М. : МГУ, 1989. С. 119–142.

51. Мозолевский, Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка / Б. Н. Мозолевский // Древности скифских степей. Киев : Наукова думка, 1982. С. 179–221.

52. Молчанов, А. А. Памятники древнейшей греческой письменности: (введение в микенологию) / А. А. Молчанов, В. П. Нерознак, С. Я. Шарыпкин. М. : Наука, 1988.

53. Мыськов, Е. П. Погребение колесничего из бассейна Дона / Е. П. Мыськов, А. В. Кияшко, Р. А. Литвиненко, А. Н. Усачук // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 128–138. (Археолог. альм. № 15).

54. Мышкин, В. Н. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель / В. Н. Мышкин, М. А. Турецкий // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара : Науч.-тех. центр, 2006. С. 314–334.

55. Нефёдкин, А. К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.) / А. К. Нефёдкин. СПб. : Петерб. востоковедение, 2001.

56. Новожинов, В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии / В. А. Новожинов. Алматы : Аргументы и факты Казахстан, 1994.

57. Новожинов, В. А. Петроглифы Сары Арки / В. А. Новожинов. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2002.

58. Нурмагамбетова, О. Казахский героический эпос «Кобланды-батыр» / О. Нурмагамбетова. Алма-Ата : Наука, 1988.

59. Плешаков, А. А. Могильник эпохи бронзы Баганаты III / А. А. Плешаков, О. И. Мартынюк, А. В. Баев. Петропавловск : СКГУ им. М. Козыбаева, 2005.

60. Потёмкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобольшья / Т. М. Потёмкина. М. : Наука, 1985.

61. Пряхин, А. Д. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры / А. Д. Пряхин, Н. Б. Моисеев, В. И. Беседин. Воронеж : ВГУ, 1998.

62. Пыслару, И. А. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы / И. А. Пыслару // Stratum plus. 2000. № 2. С. 322–345.

63. Пьянков, И. В. Аркаим и индоиранская вара / И. В. Пьянков // Комплексные сообщества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей / И. В. Пьянков. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 280–283.

64. Рибейро, Х. Р. Двойничество / Х. Р. Рибейро // Рассказы магов : пер. с исп. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 715–721.

65. Рослякова, Н. В. Костные остатки животных из могильников Новые Ключи III и Лозовка V / Н. В. Рослякова // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара : Науч.-тех. центр, 2006. С. 476–484.

66. Сальников, К. В. Курганы на озере Алакуль / К. В. Сальников // Материалы и исследования по археологии. 1952. Вып. 24. С. 51–71.

67. Смирнов, К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. М. : Наука, 1977.

68. Смирнов, К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениями эпохи бронзы в Нижнем Поволжье / К. Ф. Смирнов // Сов. археология. 1957. № XXVII. С. 209–221.

69. Сотникова, С. В. К вопросу о роли колесницы в ритуальной практике синташтинского населения / С. В. Сотникова // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2008. С. 367–372.

70. Стратанович, Г. Г. Народные верования населения Индокитая / Г. Г. Стратанович. М. : Наука, 1978.

71. Тереножкин, А. И. Мелитопольский курган / А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский. Киев : Наукова думка, 1988.

72. Ткачёв, А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы : в 2 ч. / А. А. Ткачёв. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002.

73. Толстой, Н. И. Близнецы / Н. И. Толстой // Славянская мифология : энцикл. слов. М. : Эллис Лак, 1995. С. 51–53.

74. Чемякин, Ю. П. Некоторые размышления по поводу кулайской общности и не только / Ю. П. Чемякин // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2008. С. 93–101.

75. Черленок, Е. А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана / Е. А. Черленок // Stratum plus. 2000. № 2. С. 346–349.

76. Шаханова, Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки) / Н. Шаханова. Алматы : Казакстан, 1998.

77. Элиаде, М. Мефистофель и Андрогин / М. Элиаде ; пер. с англ. // Элиаде М. Азиатская алхимия. М. : Янус-К, 1998. С. 324–478.

78. Alexander, S. M. Was there an Indo-European art? / S. M. Alexander // The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. Ann Arbor : Karoma Publishers, 1982. P. 87–103.

79. Anthony, D. W. Horse, wagon and chariot: Indo-European languages and archaeology / D. W. Anthony // Antiquity. 1995. Vol. 69, № 264. P. 554–565.

80. Anthony, D. W. The birth of the chariot / D. W. Anthony, N. B. Vinogradov // Archaeology. 1996. Vol. 48. March–April. P. 36–41.

81. Bhattacharyya N. N. Ancient Indian rituals and their social contents / N. N. Bhattacharyya. Delhi : Manohar Book Service, 1975.

82. Day, L. P. Dog burials in the Greek world / L. P. Day // American J. of Archaeology. 1984. Vol. 88, № 1. P. 21–32.

83. Dillon, M. Celts and Aryans / M. Dillon. Simla : Indian Institute of Advanced Studies, 1975.

84. Drews, R. The coming of the Greeks: Indo-European conquests in the Aegean and

the New East / R. Drews. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1989.

85. Grottanelli, C. Yoked horses, twins, and the powerful lady: India, Greece, Ireland and elsewhere / C. Grottanelli // J. of Indo-European Studies. 1986. Vol. 14, № 1–2. P. 125–152.

86. Hubbel, H. Horse sacrifice in antiquity / H. Hubbel // Jale Classical Studies. 1928. Vol. 1. P. 181–192.

87. Jones-Bley, K. Defining Indo-European burial / K. Jones-Bley // Varia on the Indo-European past: Papers in memory of Marija Gimbutas. Washington DC : Institute for the Study of Man, 1997. P. 194–221.

88. King, C. Another set of Siamese Twins in Attic geometrical art / C. King // Archaeological News. 1977. Vol. VI, № 2. P. 29–40.

89. Kosintsev, P. A. Animals of the burial rite of the population of the Volga-Ural area at the beginning of the 2nd Millennium BC / P. A. Kosintsev // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC : Regional specifics in light of global models. Vol. 1. Washington, DC : Institute for the Study of Man, 2002. P. 232–247.

90. Kuzmina, E. E. Ethnic and cultural interconnections between Iran and Turan in the 2nd Millennium BC / E. E. Kuzmina // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. Vol. 1. Washington, DC : Institute for the Study of Man, 2002. P. 21–35.

91. Lincoln, B. Priests, warriors and cattle: A study in the ecology of religion / B. Lincoln. Berkeley : University of California Press, 1981.

92. Littleton, C. S. Some possible Indo-European themes in the Iliad / C. S. Littleton // Myth and law among the Indo-Europeans. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1970. P. 229–246.

93. Logvin, V. N. The cemetery of Bestamak and the structure of the community / V. N. Logvin // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global model. Vol. 1. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2002. P. 189–201.

94. Makkay, J. Mycenaean burial sacrifices and the origins of the Proto-Greeks / J. Makkay // Atti e Memorie del Secondo Congresso Internazionale de Micenologia, Roma – Napoli, 1991. Roma, 1996. P. 777–784.

95. Makkay, J. Origins of the Proto-Greeks and Proto-Anatolians from a common perspective / J. Makkay. Budapest, 2003. (Published by the author).

96. Mallory J. P. In search of the Indo-Europeans: Language, archaeology and myth / J. P. Mallory. N. Y. ; London : Thames and Hudson, 1989.

97. Mallory, J. P. Human population and the Indo-European problem / J. P. Mallory // J. of Indo-European Studies. 1992. Vol. 33, № 2. P. 131-154.

98. Mallory, J. P. The ritual treatment of the horse in the early kurgan tradition / J. P. Mallory // J. of Indo-European Studies. 1981. Vol. 9, № 3-4. P. 205-226.

99. Marinatos, S. Excavation near Pilos / S. Marinatos // Antiquity. 1957. Vol. 31, № 1. P. 97-100.

100. Marinatos, Sp. The first 'Mycenaeans' in Greece / Sp. Marinatos // Bronze Age migrations in the Aegean: Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory. London : Durkworth, 1974. P. 107-113.

101. Newton, D. Funerary figures of the Kafirs / D. Newton // Natural History 1963. Vol. 72, № 6. P. 40-47.

102. O'Flaherty, W. D. Sacred cows and profane mares in Indian mythology / W. D. O'Flaherty // History of Religions. 1979. Vol. 13, № 1. P. 1-26.

103. Parpola, A. Aryan languages, archaeological cultures, and Sinkiang: Where did Proto-Iranian come into being and how did it spread? / A. Parpola // The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia. Vol. 1. Washington DC : Institute for the Study of Man, 1998. P. 114-147.

104. Piggott, S. Heads and hoofs / S. Piggott // Antiquity. 1962. Vol. 36. P. 110-118.

105. Polome, E. C. Animals in IE cult and religion / E. C. Polome // Varia on the Indo-European past: Papers in memory of Marija Gimbutas (J. of Indo-European Studies. Monograph 19). Washington DC : Institute for the Study of Man, 1997. P. 258-265.

106. Puhvel, J. Aspects of equine functionality / J. Puhvel // Myth and law among the Indo-Europeans. Berkley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1970. P. 159-172.

107. Puhvel, J. Vedic *aśvamedha*- and Gaulish *iipomiidvos* / J. Puhvel // Language. 1955. Vol. 31. P. 353-354.

108. The Rig Veda / trans. W. D. O'Flaherty. N.-Y. : Penguin Books, 1981.

109. Vanderpool, E. New letter from Greece / E. Vanderpool // American Journal of Archaeology. 1959. Vol. 63, № 3. P. 279-283.

110. Vermeule, E. Aspects of death in early Greek art and poetry / E. Vermeule. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1979.

111. Wayman, A. Studies in Yama and Mara, I / A. Wayman // Indo-Iranian J. 1959. Vol. III, № 1. P. 44-73.

112. York, M. The Divine Twins in Celtic pantheon / M. York // J. of Indo-European Studies. 1995. Vol. 23, № 1-2. P. 83-112.

113. Zdanovich, D. G. Sintashta burial sacrifice: The Bolshekaragansky cemetery in focus / D. G. Zdanovich, L. L. Gayduchenko // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC: Regional specifics in light of global models. Vol. 1. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2002. P. 202-231.

КНЯЖЕНСКИЕ КУРГАНЫ: ТОЧКА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Ещё на рубеже 1980–1990-х гг. в работах Г. Б. Здановича появляется трактовка укрепленных поселений типа Аркаима и Синташты как социальных и хозяйственных центров, а зона их распространения начинает рассматриваться как особого рода организованное и структурированное пространство, сходное по своей организации с пространством ранних цивилизаций. Позднее такой подход получил своё воплощение в понятии «Страна городов» Южного Зауралья эпохи бронзы [9; 13]. Концепция пространства «Страны городов», предложенная Г. Б. Здановичем, продолжает активно обсуждаться¹, что, на наш взгляд, вполне оправдывает возвращение к идеям, разработанным в своё время в русле этой концепции².

В задачи статьи входит введение в научный оборот данных о Княженских курганах — разрушенном могильнике синташтинского типа, а также обсуждение некоторых вопросов, касающихся размещения в ландшафте «Страны городов» Южного Зауралья погребальных объектов. В свою очередь, это приводит нас к возможности рассматривать «Страну городов» как феномен социальной палеогеографии.

Княженские курганы: материалы. Княженские курганы (могильник Княженское IV) располагались на левом

берегу р. Камысты-аят в Брединском районе Челябинской области в 2 км к западу от ст. Княженское (рис. 1). Могильник занимал участок коренного берега. Берег мелкохолмистый, сильно изрезанный оврагами и балками. Береговые возвышенности, обрывающиеся в пойму крутыми уступами высотой 3–4 м, сложены выветренными гранито-гнейсами с жилами кварца. В 1994 г. на месте могильника был заложен щебёночный карьер. Осмотр карьера, произведённый в сентябре того же года сотрудниками специализированного центра «Аркаим»³, показал, что могильник полностью разрушен.

По данным аэрофотоснимка 1957 г.⁴, могильник состоял из двух курганов диаметром около 10 м каждый. Курганы располагались у самого края террасы на склоне одной из возвышенностей вблизи полотна дороги на станцию Гогино. Курганы находились почти в 100 м восточнее на склоне соседней возвышенности. Обе возвышенности уничтожены при выборке щебня. При эксплуатации карьера, по сообщениям рабочих, были найдены обломки деревянных плах и кости.

В собранной коллекции остеологических материалов присутствуют только кости животных:

¹ См., например, материалы заседаний круглого стола «Происхождение и хронология синташтинской культуры» в следующей части сборника.

² Первоначальный вариант публикуемой статьи был написан в 2002 г.

³ Автор признателен И. М. Батаниной и Т. С. Малютиной за предоставленную возможность использовать в данной статье результаты осмотра места расположения памятника.

⁴ Дешифрирование аэрофотоснимка выполнено И. М. Батаниной.

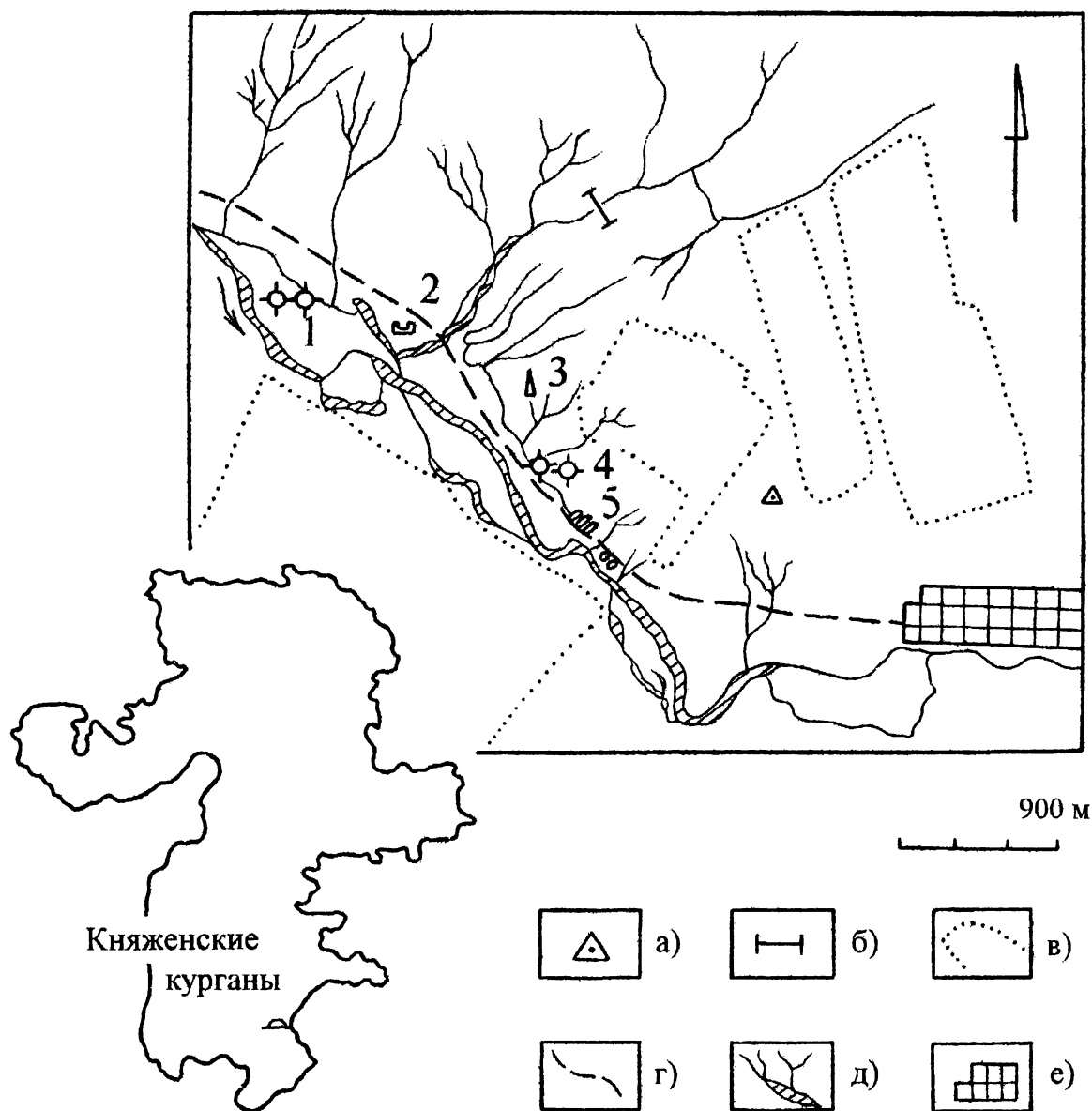

Рис. 1. Схема размещения археологических памятников к западу от с. Княженского (по аэрофотоснимку 1957 г., дешифрирование И. М. Батаниной) и положение Княженских курганов на карте Челябинской области:

а) пункт триангуляции, б) плотина, в) пашня, г) дорога, д) русло р. Камысты-аят, ручьи, балки, е) застройка с. Княженское;

1 — гантелевидный курган, 2 — древний (?) вал, 3 — менгир, 4 — могильник Княженское IV, 5 — пос. Княженское III (жилищные впадины)

— лошадь — два фрагмента черепа, фрагмент нижней челюсти, два фрагмента позвонков, обломки ребёр (три), лопатки, плечевой кости, фрагмент метаподии (минимально две особи — молодая и взрослая);

— КРС — фрагменты черепа и нижней челюсти, голень, фрагмент первой фаланги (две полувзрослые особи);

— овца — фрагменты черепа (два) и метаподий (три) (взрослая особь), астрагал овцы-самки старше полутора лет;

— коза — фрагмент метаподии (взрослая особь);

— МРС — фрагмент лопатки молодой особи¹.

Небольшая коллекция древних предметов была собрана и сохранена учителем средней школы с. Княженское В. К. Нурумовым. В составе коллекции фрагменты керамики (около 50 экз.), миниатюрный глиняный сосуд, бронзовые или медные изделия².

Сохранившиеся фрагменты керамики являются остатками шести (?) сосудов, часть сосудов реконструирована (рис. 2). Общие параметры сосудов по данным реконструкции представлены в таблице.

Номер сосуда*	Высота, см	Диаметр венчика, см	Диаметр дна, см
1	—	18,5	—
2	—	20,0	—
3	9,0	11,0	6,0
6	10,8	14,0	7,8

* Номер сосуда соответствует номеру прорисовки на рис. 2.

Все сосуды имеют горшковидную форму. Тело биконическое с острым ребром либо округлое. На горловине обязательно наличие внутреннего ребра, венчик оттянут наружу. Днища плоские. В оформлении поверхности выделяются парные наклепные шишечки и каннелюры. Орнамент, выполненный резкой, насечками и вдавлениями, в большинстве случаев покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Для декорирования тулова использованы

«ёлочка» и вертикальные зигзаги (рис. 2: 3, 5). В других случаях верхние и нижние части тела сосуда орнаментированы однотипно, зоны орнаментации чередуются по схемам АВАВАВАВ (рис. 2: 6) и АВСВАВС... (рис. 2: 2), что придаёт изделиям особую нарядность и пестроту декора. Тесто характеризуется большим количеством искусственных примесей — талька, кварцевого песка, шамота, органики. Как минимум два сосуда (рис. 2: 3, 6) были отремонтированы в древности при помощи бронзовых скрепок.

Особый интерес представляет собой миниатюрный горшковидный сосуд с острым ребром (рис. 3: 4). Высота

изделия 2,5 см, диаметр по венчику 3,8 см, по дну — 3 см. Сосуд орнаментирован оттисками мелкого зубчатого штампа. В каждом из двух поясов орнаментации содержится по восемь элементов (заштрихованных равнобедренных треугольников и звеньев зигзага). На донышко тем же инструментом нанесён прямой крест. Срез венчика сколот. В тесте примеси раковины и органики, отдельным вкраплением на сломе представлены окислы меди. По словам В. К. Нурумова, сосудик был заполнен пеплом. К сожалению, к археологам он поступил уже в вычищенном виде.

Бронзовые изделия могильника представлены ножом, бритвой, скрепками.

Нож (рис. 3: 2) — листовидный с выделенным черешком подтреугольной

¹ Результаты определения были любезно предоставлены в наше распоряжение Л. Л. Гайдученко.

² Место хранения коллекции — фонды археологической лаборатории Челябинского государственного университета, шифр 555 К. Мы искренне признательны В. К. Нурумову за помощь в исследовании памятника.

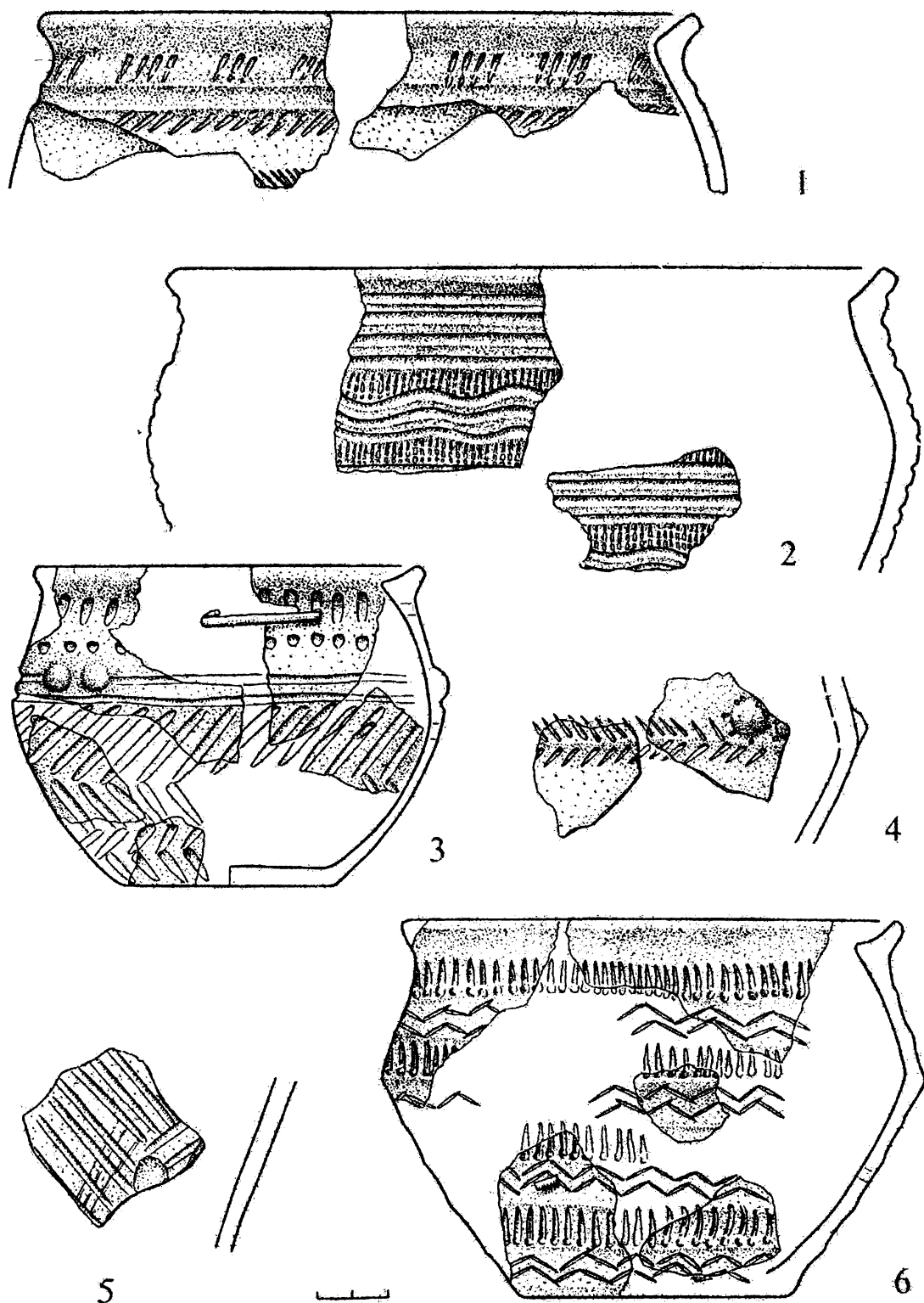

Рис. 2. Могильник Княженское IV. Погребальный инвентарь: керамические сосуды

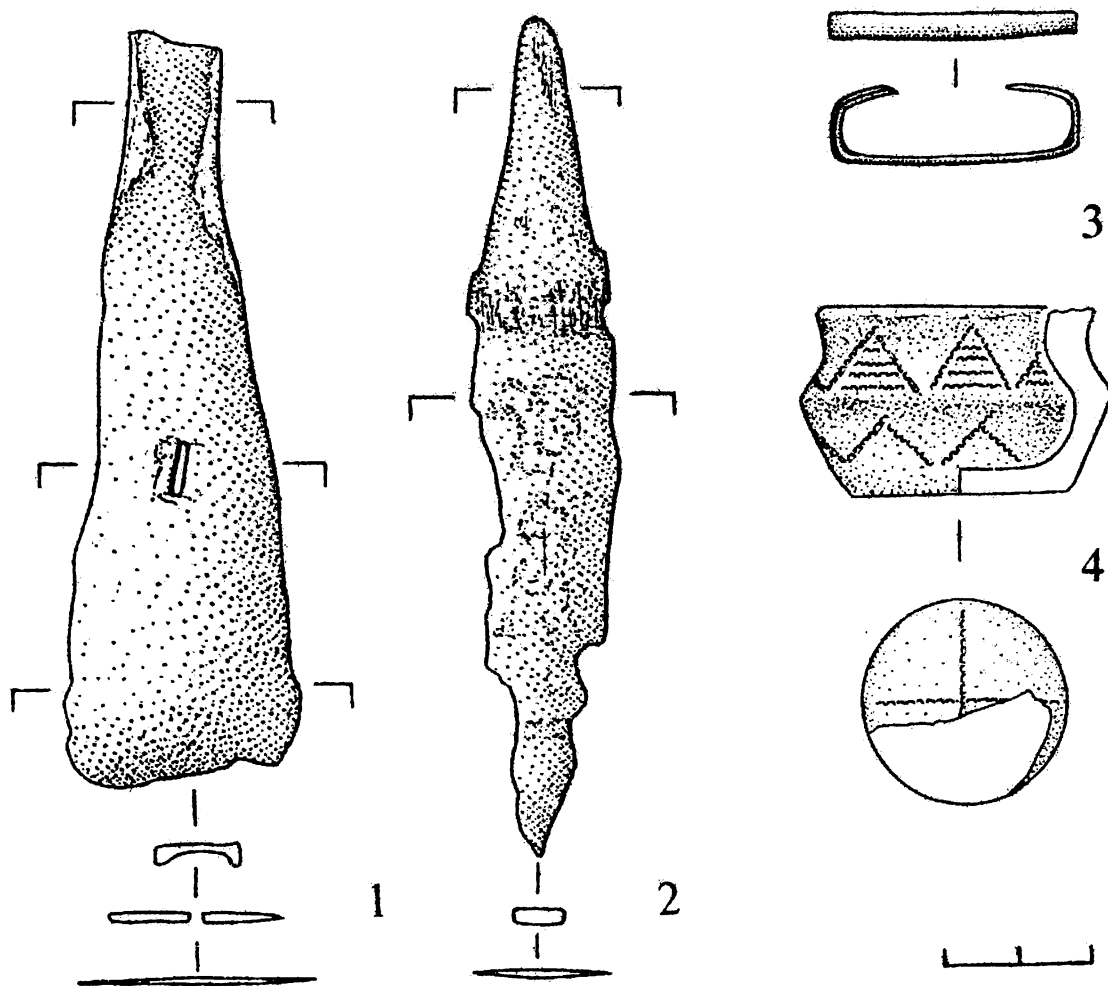

Рис. 3. Могильник Княженское IV. Погребальный инвентарь:

1 — бритва, 2 — нож, 3 — скрепка, 4 — миниатюрный сосудик;
1-3 — медь или бронза, 4 — керамика

формы. Длина около 11,5 см. На плоскостях изделия сохранились следы деревянной рукояти и металлизированные остатки волокон растительного или животного (шерсть?) происхождения.

Бритва (рис. 3: 1) — пластинчатая, со слабовыраженной асимметрией. Лезвие обоюдоострое, расширяющееся к концу, с тупым (?) ровным краем. Черешок слабовыражен, имеет боковые упоры. Длина изделия 10,2 см, ширина 1,3-3,3 см. В центральной части корпуса прорублено отверстие прямоугольной

формы 8×2 мм. Лезвийная часть с одной стороны слабовыпуклая, ширина сечения лезвия до 1,5 мм. Изделие производит впечатление достаточно грубой поделки. На плоскостях орудия хорошо заметны следы холоднойковки; проковкой с боков, по-видимому, выполнены и упоры на черешке. Атрибуция изделия как «бритвы» носит предположительный характер. Аргументация и сравнительный материал представлены в монографии Н. А. Аванесовой [1. С. 28-32. Рис. 35, 1-7].

Скрепки (рис. 3: 3) изготовлены из обрезков металлического листа шириной 3–4 мм. В виде обломков и целых форм в коллекции представлено пять-шесть скрепок.

Погребальный инвентарь, в первую очередь керамический комплекс, позволяет отнести Княженские курганы к числу типичных памятников синташтинского типа. Калиброванные радиоуглеродные даты в основном укладываются в пределы первой трети II тыс. до н. э. (2040–1730 гг. до н. э.) указывают на XXI–XIX вв. до н. э. [7. С. 100].

Имеющаяся у нас информация о погребальном обряде могильника не противоречит предложенной культурной атрибуции. Небольшие размеры насыпей указывают, что в каждом из курганов находились одна-две могильные ямы¹. По-видимому, захоронения сопровождалось богатым инвентарём. В погребальной архитектуре широко применялось дерево, что косвенно предполагает довольно сложный характер сооружений. Отличительной чертой могильников синташтинского типа также является развитой обряд жертвоприношения животных при погребениях. Видовой состав жертвенных животных Княженских курганов типичен для синташтинской традиции, примечательно наличие козы и достаточно массовое использование в качестве жертвы лошади. По-видимому, основная масса жертвенных животных была представлена в могилах символическим набором элементов, который состоял из головы и дистальных отделов конечностей.

Княженские курганы и некоторые проблемы расположения некрополей в социальном ландшафте «Страны городов». По-видимому, в «Стране

городов» существовало несколько вариантов погребального обряда [17. С. 27–37]. Обряды, предположительно связанные с выставлением трупов, опредмечены лишь косвенно.

В свою очередь, археологические материалы по синташтинскому погребальному обряду можно разделить на три группы.

1. Захоронения непосредственно в округе укрепленных поселений. Выделяются: а) достаточно крупные некрополи², б) отдельные захоронения. Могильники имеются почти при всех поселениях, в шести случаях раскопками была установлена их хронологическая связь с синташтинскими культурными слоями поселений (могильники Синташтинский, Большекараганский, Кривое Озеро, Каменный Амбар V, Солнце II, Степное)³. Отдельные захоронения обнаружены в округе поселений Аркаим (могильник Александровский IV: [12] и Аландское [5]).

2. Периферийные могильники, которые не связаны пространственно с укрепленными центрами. В связи с этим упоминаются Карагайлы XXVII, Берёзовский могильник (?) [6], однако последний относится к петровско-алакульскому кругу древностей. К этому же типу синташтинских некрополей принадлежат и Княженские курганы.

3. Захоронения на поселениях. В степном Зауралье к настоящему времени выявлено более десятка погребений средней — начала поздней бронзы. Все они связаны с периодами

² В литературе, однако, часто подчёркивается, что количество выявленных захоронений несоизмеримо мало моделируемому количеству жителей посёлка.

³ При этом изучение могильников культурного комплекса Исиной и могильника Чекатай (раскопки Д. Г. Здановича) не выявило курганов синташтинского типа. Также не был найден некрополь поселения Аландское.

¹ Ср., напр., с данными по синташтинскому могильнику Солнце II [4].

функционирования поселений, во всех случаях это захоронения детей или подростков. Есть примеры собственно аркаимско-синташтинской культовой практики (Аркаим, четыре захоронения), однако большая часть таких захоронений зафиксирована в петровских культурных слоях (пос. Устье, Кулевчи III) [2].

Хорошо известно, что размещение умерших в пространстве является осознанной и тщательно продуманной деятельностью, в ходе которой конструируется отношение культуры к умершим и предкам, окружающему ландшафту, пространству в целом, собственной идентичности [37. Р. 124]. С некоторых пор методы «пространственного анализа» (*spatial analysis*), разработанные для исследования поселенческих систем и систем жизнедеятельности, применяются и в погребальной археологии [31]. Обращение к этим методам позволяет строить модели, свидетельствующие о закономерностях в распределении археологических объектов в пространстве, их взаимных связях и соподчинённости, отношениях объектов к природному и социальному ландшафту [24. Р. 239–241]. Выделяют три уровня пространственного анализа погребального обряда — межрегиональный, региональный, уровень могильника [34. Р. 242].

Можно выделить несколько конкретных направлений регионально-исследования погребальных обрядов. Это, например, дискуссии о мегалитических гробницах «атлантического фасада» Западной Европы в неолите в их функциях социальных центров, территориальных маркеров и средств «контроля» над природными ресурсами [32. Р. 45–81; 33. Р. 250–251; 35. Р. 40–42; 37. Р. 132–134; 38 и др.], наблюдения над размещением могильников

и посёлков на раннеминойском Крите в условиях дисперсной системы расселения [25. Р. 87, fig. 3; 26; 28. Р. 53. Fig. 4.4), тщательное и многостороннее исследование размещения в пространстве некрополей микенской Греции [34]. В последнем случае не было выявлено доминирующего фактора, однозначно определяющего место для захоронений; скорее, речь должна идти о сложной и гибкой системе факторов социального, религиозного, демографического и других планов. Л. Голдстейн показала связь «фигурных» курганов Висконсина (ок. 650–1200 гг. н. э.) с местами концентрации природных ресурсов, а также отметила необходимость рассматривать пространственный анализ захоронений в общем контексте погребального обряда, культуры, специфических представлений о пространстве [30]. Ту же линию интерпретации в целом развивает обобщающее исследование М. Паркера-Пирсона [37. Р. 124–141].

В нашем распоряжении имеется не так много данных для анализа размещения некрополей «Страны городов» на региональном уровне. Однако обнаружение в округе некоторых поселенческих центров (Аркаим) целых систем погребальных объектов, расширение наших представлений о многообразии диспозиций этих объектов, связанное в том числе с открытием Княженских курганов, наконец, сам характер социального ландшафта «Страны городов», безусловно, требуют постановки общих проблем такого анализа.

Согласно исходной концепции [9], «Страна городов» Южного Зауралья эпохи бронзы является особой формой организованного пространства. Она имеет достаточно чёткие границы и конкретные, хорошо осязаемые размеры — 400 км с севера на юг и 150 км с запада

на восток. Северная граница «Страны городов» проходит по р. Уй, в зоне контакта степной и лесостепной зон. Следы пребывания «синташтинцев» к северу от Уя единичны и пока представлены только находками из слоёв многослойных поселений [3; 20].

Не все укрепленные поселения существовали одновременно. Вместе с тем нужно подчеркнуть устойчивость планиграфического «скелета» «Страны городов» и, следовательно, тенденцию к периодическому воспроизведению первичного районирования пространства. Об этом свидетельствуют как минимум три группы фактов.

1. Основную массу выявленных укрепленных поселений составляют многослойные поселения. Они непрерывно функционировали на протяжении двух и даже трёх этапов истории «Страны городов» (см., например, данные о раскопках поселений Куйсак 1 и Устье). Такие поселения неизбежно оказываются полностью или частично одновременными.

2. Наличие «гнезд» укрепленных поселений. В таких случаях можно предполагать сдвиг укрепленного центра на несколько километров при сохранении общих контуров эксплуатируемой территории.

3. Случаи, когда укрепленный посёлок возобновляется на старом месте через какой-то промежуток времени, при этом конфигурация развалин уже не принимается в расчёт новыми строителями (Исиной I–II)¹.

Дополнительным фактором, способствовавшим сохранению устойчивого

«скелета» «Страны городов», могла быть относительная недолговечность её существования. Умозрительные 150–250 лет [13. С. 50] и почти 300 лет по результатам радиоуглеродного датирования [7] — цифры, явно сильно завышенные. Представляется, что в реальности развитие культур в Зауралье в бронзовом веке шло достаточно динамично, тогда как методы радиоуглеродного датирования объективно способствуют растяжению хронологических интервалов.

Влияние указанных факторов может быть полностью удостоверено лишь системными крупномасштабными раскопками. Но, думается, что сейчас у нас нет оснований отказываться от концепции «Страны городов» как особого географического региона, состоящего из нескольких десятков укрепленных центров, каждый с прилежащим к нему территориальным округом.

В рамках социальной археологии подобные территориальные структуры были исследованы К. Ренфрю [39. Р. 94–98]. Он назвал их «модулями ранних цивилизаций»². По его подсчётам, территория модуля составляет около 1500 кв. км со средним расстоянием между центрами соседних модулей около 40 км. Особые ландшафтные или социальные факторы могут сократить это расстояние до 20 км, тогда как наличие участков некультивируемых земель способно увеличить его по крайней мере до 100 км. Количество модулей может быть разным (минимально два модуля). Обычно их около десятка, но может быть и больше. Границы модулей

¹ Сочетание устойчивых поселенческих структур, с элементами дрейфа и высокой степенью мобильности населения рассматриваются исследователями как одна из форм культурной адаптации к аридным условиям степей в эпоху бронзы (модель «подвижного скотоводческого хозяйства») [40].

² Уточним терминологию. «Цивилизация», по К. Ренфрю, это «культура» определённой степени сложности, обладающая определёнными пространственными и временными характеристиками. Государство же суть организационное объединение, включающее в себя и такой признак, как «цивилизация» [39. Р. 95].

напоминают своими контурами почвенные полигоны [39. Р. 96, 97]. К. Ренфрю подчёркивает, что «узлы» этой модели не обязательно характеризуются «городскими» признаками [39. Р. 94].

Для моделирования границ модулей Ренфрю использует так называемый Thiessen polygons method. В археологии этот метод широко применяется с 1970-х гг. [37. Р. 133]. Правила построения Thiessen polygons освещены в справочной литературе [24. Р. 239; 27. Р. 502]. Результаты районирования «Страны городов» этим методом (рис. 4) соответствуют как идеальной пространственной модели «ранней цивилизации» (рис. 5), так и конкретно-историческим примерам, которые приводит Ренфрю (рис. 6: 1–2). Подчеркнём, что внутреннее районирование территории «Страны городов», по-видимому, во многом отражало конфигурацию гидрографической сети района (рис. 4).

Каждый территориальный округ имел сложную пространственную структуру, которую можно моделировать в виде серии концентрических окружностей. Первая окружность — пространство самого укрепленного центра, вторая — прилегающая к нему площадка островного или полуостровного характера, третья окружность — это зона, очерченная линией горизонта и часто имеющая вид котловины или долины. Четвёртая условная окружность описывает внешние контуры территориального округа [11].

Безусловно, некрополи и отдельные захоронения не могли быть нейтральными по отношению к этой сложной системе районирования и иерархизации пространства.

Определённые закономерности прослеживаются в расположении «пригородных» некрополей. Все они распола-

гаются в пределах видимости из поселения на расстоянии от 100 м до 1,5 км в условной третьей зоне районирования. Занимая приподнятые участки речных террас, могильники обычно находятся примерно на одной высоте с поселением. Могильник отделён от поселения рекой, старым руслом, оврагом. Ориентация могильников относительно поселения сильно варьируется.

Тяготение основных могильников к укрепленным поселениям, концентрация останков умерших вблизи поселений, безусловно, указывают на центральное и «осевое» положение последних в системе культуры, лишней раз подчёркивая их значение как идеологических центров и реперов культурного пространства¹. Территориальная близость поселений и могильников, как и стремление располагать их как бы в одной плоскости, возможно, является пространственными свидетельствами не слишком значительной социальной дистанции между живыми и умершими, а также значимости кровнородственных связей [28. Р. 362–363]². Иногда (могильник Александровский IV, возможно, могильник Куйсак) для новых захоронений продолжали использовать могильники эпохи ранней бронзы³. В подобных случаях исследователи рассматривают курганы как особые «точки» социокультурного пространства, функционирование

¹ Ср.: «Ни один город не мыслим без своего некрополя, где осязаемо пребывает родовая и клановая память об умершем... Город предстаёт как многосоставная структура предметных и духовных координат, как комплекс этико-социальных и биологических связей, образующих некое метафизическое поле притяжения» [21. С. 236–237].

² Здесь нужно отметить, что значительная часть могильных полей функционировала на протяжении нескольких поколений. Это также может свидетельствовать о сохранении родственных связей между умершими и живыми.

³ Ср., например, с аналогичной практикой в микенской Греции [34. Р. 227–228].

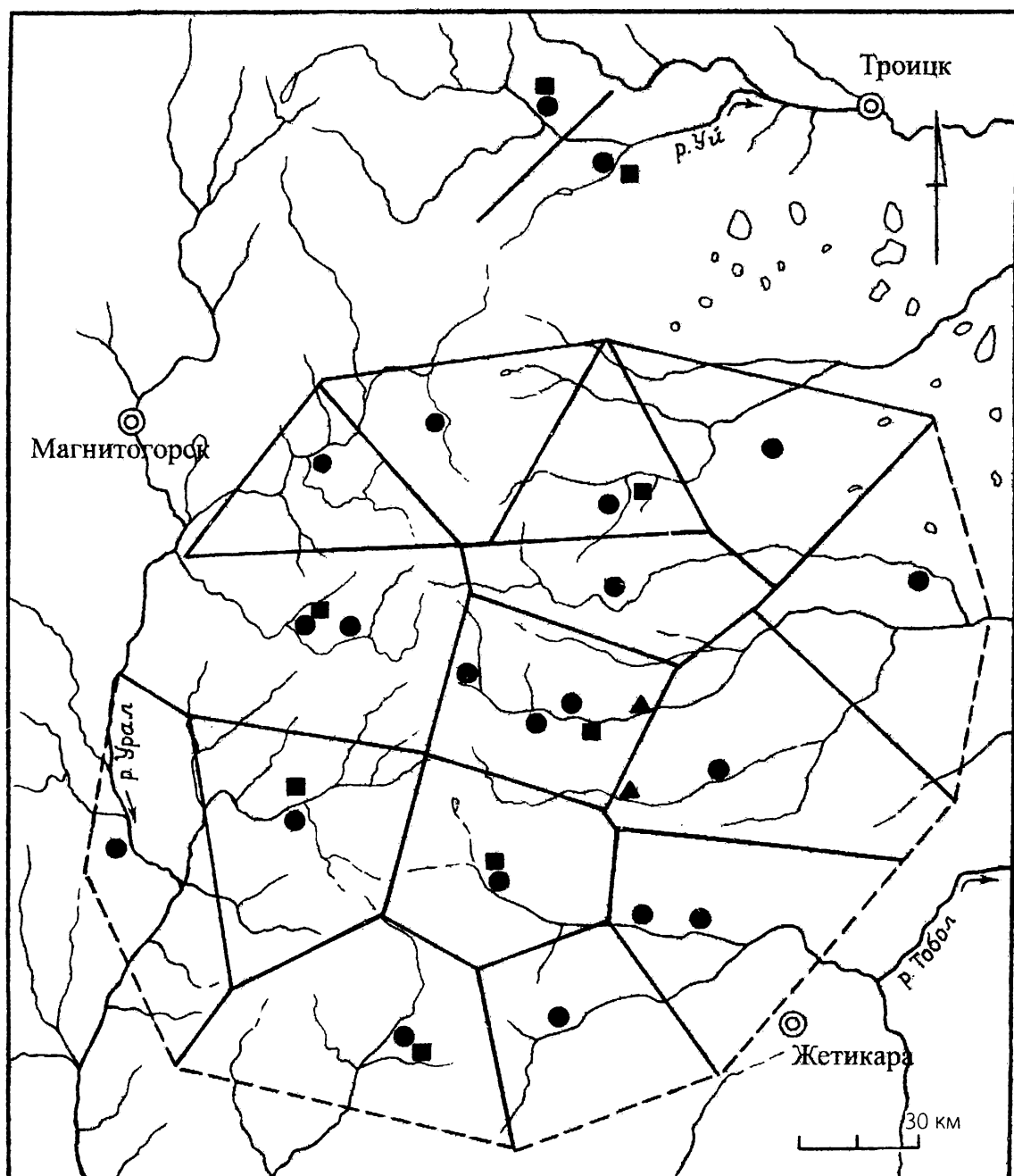

Рис. 4. Схема районирования «Страны городов» (Thiessen polygons method):

1 — укрепённое поселение, 2 — могильник при поселении, 3 — отдельный могильник,
4 — условные границы территориальных округов, 5 — условные внешние границы «Страны городов»

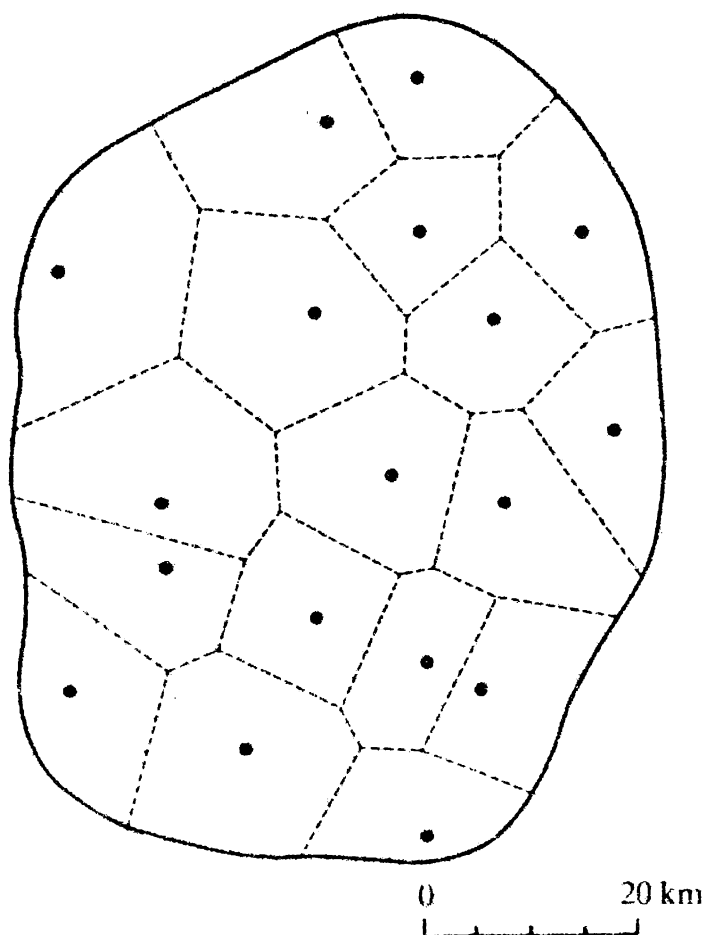

Рис. 5. Идеальная пространственная модель ранней цивилизации [по: 39. Р. 95. Fig. 2]

которых было ориентировано на постоянное воспроизведение связей между умершими и живыми и на поддержание системы социальных ролей в обществе [23].

При этом между поселением и могильником всегда проводили символическую границу. Граница (например, в виде речного русла), как и направление на могильник от поселения¹, могла отражать представления носителей культуры о локализации мира мёртвых. Другое возможное объяснение

идеи границы — признание «нечистоты» трупа. По-видимому, в культуре «Страны городов» существовало различие «культа умерших» и «культа предков». В истории отдельного погребения рубежным моментом служило разложение мягких тканей трупа. В аспекте пространственного анализа здесь важно, что локализация предков могла не совпадать с местами захоронений умерших [37. Р. 131, 141].

С другой стороны, с трансформациями трупа мог быть связан переход от маргинального состояния умерших к их интеграции в ландшафт [36. Р. 1048]. По мере разложения мягких тканей умершие как бы растворяются в окружающей среде,

¹ Так, по одному мнению (впрочем, не подтвердившемуся), «микенцы» располагали могильники с западной стороны от поселений с тем, чтобы умершие на своём пути в Аид не тревожили живых [34. Р. 226–227].

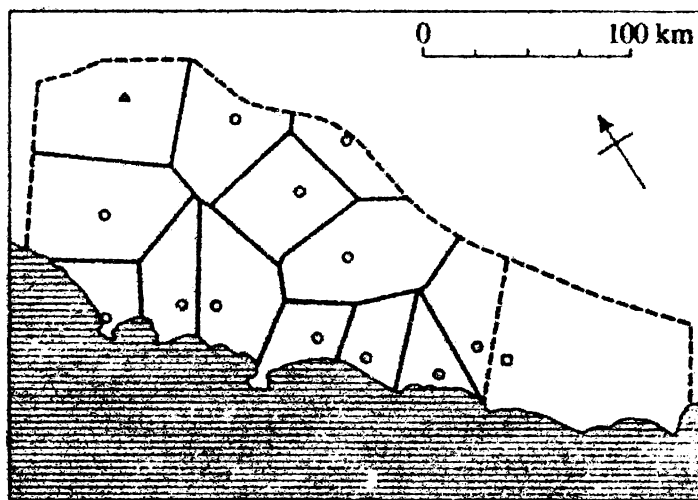
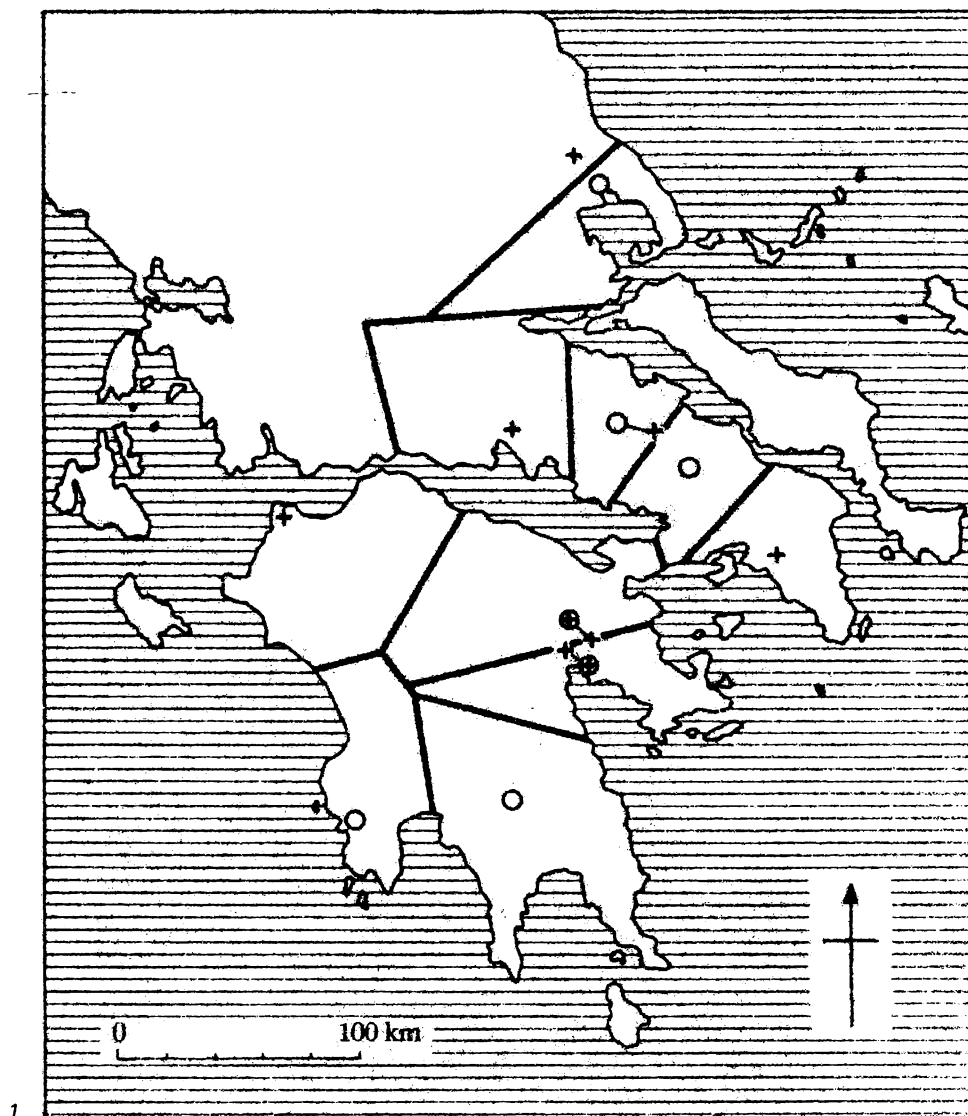

Рис. 6. Модули ранних цивилизаций в Старом Свете:

- 1 — микенская Греция (кружок — дворец, крестик — цитадель [по: 39. Р. 96. Fig. 3]);
2 — Этрурия [по: 39. Р. 98. Fig. 5]

сливаются с природой, и их начинают ассоциировать с природными ресурсами и с проблемой их освоения. По нашим наблюдениям, захоронения на некрополях в округе укрепленных поселений рассматривались как ритуальная деятельность, необходимая для существования общины, а акценты в этих обрядах ставились на концептах роста, плодородия, изобилия [17. С. 28, 36]. С этой точки зрения важно, что могильники размещены в условной третьей зоне синташтинского пространства, которая хорошо освоена в хозяйственном плане и активно эксплуатируется. Здесь умершие находятся в тесном соседстве (можно сказать, в контакте) с хозяйственными площадками, пастбищами, скотом, водными источниками.

Размещение могильников в отрыве от укрепленных поселений в условной четвертой зоне, по-видимому, связано прежде всего с отгонным характером скотоводства в «Стране городов», но такие могильники должны были иметь и свои знаковые и символические функции. При наличии общего семантического поля погребальных обрядов «периферийные» некрополи отражают новую обрядовую стратегию: останки умерших уже не концентрируются в центральном пункте освоенной территории, но, напротив, как бы рассеиваются в ландшафте и на её краях.

Фактические данные о «периферийных» могильниках и захоронениях немногочисленны. В одних случаях (могильник Калмыцкая молельня, курган 4, погребение 1а) захоронения удалены от укрепленного центра на 4–5 км, в других — какие-либо пространственные связи между центром и могильником отсутствуют (могильники Карагайлы XXVII, Княженское IV). Как следует из имеющихся на данный момент

материалов, «периферийные» могильники уступают «центральному» по размерам и количеству захоронений.

Модель, объясняющая расположение этих могильников в пространстве, может иметь несколько рабочих вариантов.

Во-первых, напрашивается предположение о территориальных связях «периферийных могильников» с мелкими посёлками¹. Однако обнаружить следы синташтинских поселений вблизи могильников пока не удаётся. Небольшое многослойное поселение Княженское III находится в 300 м к востоку от Княженских курганов. Выявлено две группы жилищных впадин (см. рис. 1). Слой эпохи бронзы относится к поздней или финальной бронзе, керамика синташтинского типа в подъёмных сборах отсутствует².

Во-вторых, представляется важным, что такие могильники, как Карагайлы XXVII и Княженское IV, возможно, располагаются на границах округов (см. рис. 4), в зонах, которые могли быть конфликтными, спорными либо в каком-то отношении (не обязательно — в хозяйственном) недостаточно освоенными. Здесь курганы могли быть символическими маркерами власти и права. Размещение захоронений вдоль территориальных границ было достаточно широко распространено в архаических обществах и представляло собой политический акт [37. Р. 134–135]. Объектом символического подавления могли быть не только права соседних коллективов на пограничные территории, но и стихийные природные силы, влияние которых возрастало по мере удаления от сакральной точки центра. Но в данном случае нормы размещения умерших

¹ Такую модель, в частности, иллюстрируют материалы минойского Крита [25. Fig. 3].

² Подъёмные сборы Т. С. Малютиной, 1994.

в ландшафте, по-видимому, будет правильнее рассматривать как выражение социальной и политической стратегии, посредством которой человеческие сообщества конкурируют, взаимодействуют и сдерживают друг друга. При этом связи между живыми устанавливаются через апелляцию к тем связям, которые существуют между живыми и мертвыми [36. Р. 1048]. В любом случае обособленные курганы и могильники должны были фигурировать в числе ключевых точек сакрального ландшафта «Страны городов».

Наконец, стоит сказать несколько слов о захоронениях людей в пределах поселений. Хотя материала очень мало, уже находки на территории Аркаима чётко делятся на две группы:

- захоронения в полах жилищ в неглубоких ямках, в целом соответствующие стереотипам бытовавшего погребального обряда. Такие захоронения достаточно широко представлены на поселениях бронзового века Евразии в разных археологических культурах: срубной, петровской Северного Казахстана, елунинской и др.;

- захоронения в «колодцах» (жилище 1–6). На сопредельных территориях такие захоронения известны в чуть более поздние эпохи [см.: 8. С. 32. Рис. 21; 19. С. 102–103. Рис. 3].

Как уже отмечалось, захоронения в пределах поселенческой зоны могут иметь самые разные идеологические мотивации [2; 15; 18]. Представляется, что случаи с колодцами имеют более чёткий контекст, а именно: здесь проявляются элементы практики жертвоприношений. В качестве аргументов выступают следующие факты:

- «колодец» как место захоронения;
- особенности обряда: сильная скорченность костяка или расчленение тела;

- подбор частей тела для расчленённого захоронения: череп без нижней челюсти и два первых шейных позвонка. Наличие позвонков, судя по жертвоприношениям животных, характеризует способ отчленения головы от тела [16];

- жертвенный контекст захоронений (выкладка из нижних челюстей КРС и сосуд на дне колодца).

Если это так, то детские захоронения на поселениях, по крайней мере, часть из них находятся уже за пределами логики собственно погребального обряда.

Заключение. Информация о Княженских курганах представляет собой интерес как в аспекте накопления фактических данных о памятниках синташтинского типа, так и концептуально — в плане изучения некоторых пространственных структур погребального обряда в «Стране городов». Такое направление исследований является достаточно новым и пока уместно выделить лишь несколько рабочих концептов, которым мы можем приписать статус «окончательных гипотез».

Для погребального обряда «Страны городов» на её развитом (синташтинском) этапе характерны сложные пространственные структуры, в том числе на региональном уровне исследования обряда.

По типу своей локализации различаются «центральные» некрополи, находящиеся в округе фортифицированных центров, и «периферийные» некрополи. Закономерности в распределении последних и влияющие на них факторы во многом неясны. Тем не менее региональный анализ развивает и одновременно усложняет наши представления о синташтинском погребальном обряде в целом.

Сложная пространственная структура погребального обряда дополнительно

характеризует «Страну городов» как особый феномен организации социокультурного и социогеографического пространства. Тяготение крупных некрополей к укрепленным поселениям связано с функционированием последних в качестве долговременных местных центров. В целом можно говорить о полицентричном характере социально-го и культурного развития «Страны городов», что является одним из условий существования ранних цивилизаций и приближенных к ним структур [39. Р. 95].

Такой подход позволяет рассматривать «Страну городов» Южного Зауралья с позиций социальной (палео)географии — одного из разделов географической науки:

– предметом социальной географии является «выявление различных районов земной поверхности в зависимости от сочетаний социальных явлений, связанных с общими условиями внешней среды»;

– «подобно другим отраслям географии... социальная география изучает пространственное распределение или структуру определённых явлений, в данном случае явлений, которые имеют социальную — в отличие от политической и экономической — значимость для человека. Они рассматриваются не изолированно, а в их взаимопроникающих соотношениях с общим окружением человека — окружением, подвергающимся непрерывному изменению»;

– в социальной географии «предпочтение отдаётся слову *social*, а не *human*, потому что *humans* (люди) рассматриваются не как индивидуумы, а в группах, в целом, взятые в их отношении к тому миру (*the earth*), одну из составляющих частей которого они образуют» [22. Т. 2. С. 251].

Поднятая тема подразумевает некоторые выводы методологического плана.

Это прежде всего признание недостатков формального анализа пространственных структур в погребальной археологии. Размещение мест для захоронений определяется сложной многоуровневой системой правил и факторов, причём эти факторы есть функции погребального обряда или производные от этих функций. В свою очередь, сама концепция погребального обряда на современном этапе предполагает выход за пределы могильника — в «мир» культуры, в природный и социальный ландшафт. Не случайно в последнее время проблематика регионального анализа сопрягается с терминами «постмодерн» или «постмодернизм» [30. Р. 118]. Действительно, прежде всего с методологией постмодерна связаны интерес к идеологическим, психологическим и культурологическим параметрам реконструкций и некий — ещё бледный — абрис «антропологически ориентированной картины мира» в современной археологии [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аванесова, Н. А. Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) / Н. А. Аванесова. Ташкент, 1991.
2. Алаева, И. Традиция детских погребений на синташтинских и петровских поселениях Южного Зауралья / И. Алаева // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых учёных. Самара, 1998. С. 84–85.
3. Васина, Ю. В. Поселение эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье / Ю. В. Васина, С. А. Григорьев, Л. Ю. Петрова [и др.] // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004. С. 33–35.
4. Епимахов, А. В. Курганский могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы / А. В. Епимахов // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 22–42.

5. Епимахов, А. В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов / А. В. Епимахов // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 99–102. (Археолог. альм. № 15).

6. Епимахов, А. В. Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис... канд. ист. наук / А. В. Епимахов. Новосибирск, 1998.

7. Епимахов, А. В. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья / А. В. Епимахов, Б. Ханкс, К. Ренфрю // Рос. археология. 2005. № 4. С. 92–102.

8. Зах, В. А. Посёлок древних скотоводов на Тоболе / В. А. Зах. Новосибирск, 1995.

9. Зданович, Г. Б. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 54–62.

10. Зданович, Г. Б. Аркаим — «Страна городов»: Пространство и образы / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск, 2007.

11. Зданович, Г. Б. Гармонизация пространства Страны городов / Г. Б. Зданович // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999. С. 76–78.

12. Зданович, Г. Б. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV / Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк, Т. С. Малютина // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 41–47.

13. Зданович, Г. Б. Протогородская цивилизация («Страна городов») Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) / Г. Б. Зданович, Д. Г. Зданович // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Ч. V, кн. 1. Челябинск, 1995. С. 48–62.

14. Зданович, Д. Г. Аркаим: древность, модерн, постмодерн Аркаим / Д. Г. Зданович // 1987–1997 : библиогр. указ. Челябинск, 1999. С. 8–51.

15. Зданович, Д. Г. Всероссийская научная конференция «Человек в пространстве древних культур»: (Музей-заповедник «Аркаим», 2003) / Д. Г. Зданович // Рос. археология. 2004. № 4. С. 171–174.

16. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде насе-

ления степного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Г. Зданович. Екатеринбург, 2005.

17. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. Челябинск, 1997.

18. Кирюшин, Ю. Ф. Погребения младенцев на поселении Берёзовая Лука / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003. С. 102–105.

19. Моргунова, Н. Л. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы / Н. Л. Моргунова, М. В. Халяпин, О. А. Халяпина // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург, 2001. С. 99–125.

20. Нелин, Д. В. Шибаево 1: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье / Д. В. Нелин // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1. Ист. науки. 2004. № 2. С. 150–180.

21. Немчинов, В. М. Метафизика города / В. М. Немчинов // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 234–240.

22. Словарь общегеографических терминов : пер. с англ. : в 2 т. М., 1976.

23. Ханкс, Б. Курганы как социокультурные точки ландшафта / Б. Ханкс, Л. Корякова // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999. С. 144–145.

24. Adkins, L. The handbook of British archaeology / L. Adkins, R. Adkins. London, 1998.

25. Bintliff, J. Cemetery population, carrying capacities and the individual in history / J. Bintliff // Burial archaeology: Current research, methods and developments. Oxford, 1989. P. 85–104.

26. Branigan, K. The nearness of you: proximity and distance in Early Minoan funerary landscapes / K. Branigan // Cemetery and society in the Aegean Bronze Age. Cambridge, 1998. P. 13–26.

27. Collins dictionary of archaeology / ed. P. Bahn. Glasgow, 1992.

28. Dickinson, O. The Aegean Bronze Age / O. Dickinson. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

29. Fokkens, H. The genesis of urnfields: economical crisis or ideological change? / H. Fokkens // Antiquity. 1997. Vol. 71. P. 360–373.

30. Goldstein, L. Landscapes and mortuary practices: A case for regional perspectives / L. Goldstein // *Regional approaches to the mortuary analysis*. N. Y., 1995. P. 101-121.

31. Goldstein, L. One-dimensional archaeology and multi-dimensional people: spatial organisation and mortuary analysis / L. Goldstein // *Archaeology of death*. Cambridge, 1981. P. 53-69.

32. Hodder, I. Theory and practice in archaeology / I. Hodder. London ; N. Y., 1996.

33. Larsen, C. S. Regional perspectives on mortuary analysis / C. S. Larsen // *Regional approaches to the mortuary analysis*. N. Y., 1995. P. 247-266.

34. Mee, C. B. The spatial distribution of Mycenaean tombs / C. B. Mee, W. G. Cavanagh // *Annals of the British School of archaeology at Athens*. 1990. Vol. 85. P. 225-243.

35. Parker Pearson, M. Bronze Age Britain / M. Parker Pearson. London, 1993.

36. Parker Pearson, M. Return of the living dead: Mortuary analysis and the New Archaeology revisited / M. Parker Pearson // *Antiquity*. 1995. Vol. 69. P. 1046-1048.

37. Parker Pearson, M. The archaeology of death and burial / / M. Parker Pearson. Stroud, 1999.

38. Renfrew C. Megaliths, territories and populations / C. Renfrew // *Acculturation and continuity in Atlantic Europe*. Bruges, 1976. P. 198-220.

39. Renfrew, C. Approaches to social archaeology / C. Renfrew. Cambridge (MA), 1984.

40. Shishlina, N. I. The steppe and the sown: Interaction between Bronze Age Eurasian Nomads and agriculturalists / N. I. Shishlina, F. T. Hiebert // *The Bronze Age and Early Iron Age peoples of Eastern Central Asia*. Washington DC, 1998. Vol. 1. P. 222-237.

Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк

НЕКРОПОЛИ УКРЕПЛЁННОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРКАИМ: АЛЕКСАНДРОВСКИЙ IV. ЗАХОРОНЕНИЯ ПАТРИАРХОВ АРКАИМСКОЙ ДОЛИНЫ

Погребальные памятники синташтинской культуры в настоящее время исследуются более активно, чем собственно укрепленные поселения [7. С. 55]. Каждой крепости соответствует могильное поле или целая группа некрополей [6]. В сравнении с культурным комплексом «Синташта» известные погребальные памятники Аркаимской долины кажутся неоднозначными и недостаточными для реконструкции историко-культурной ситуации вокруг Аркаима [9].

По-видимому, с жизнедеятельностью Аркаима связан не только Большекараганский могильник. Более внимательно в связи с этим стоит рассмотреть ряд материалов могильников, исследованных вокруг Аркаима в конце 1980–1990-х гг., в период строительства Караганской МОС [1. С. 159–192]. Среди них наиболее актуальными являются материалы могильника Александровский IV, которые обозначают преддверие и начальный этап возведения Аркаимской крепости.

Могильник Александровский IV располагается в Кизильском районе Челябинской области, в 2 км к востоку-юго-востоку от пос. Александровский, на левом берегу р. Большая Караганка, недалеко от впадения в неё р. Утяганка, в 320 м к югу от укрепленного поселения Аркаим.

Памятник был открыт и исследован в 1989 г. Г. Б. Здановичем и А. Г. Гав-

рилюком. Дешифровку аэрофотоснимков произвела И. М. Батанина. Визуально фиксировались 7 курганов, на аэрофотоснимках выделен 21 курган (рис. 1).

Памятник расположен на краю первой надпойменной террасы в области тылового шва коренного берега, который ограничивает террасу с юга. С севера, между пос. Аркаим и могильником четко выделяется понижение древнего протока (старое русло р. Утяганка). Площадка памятника имеет уклон на северо-запад. Она долгое время (не менее 50 лет) подвергалась распашке. Частично распахивались курганы и в конце 1980-х гг. Контуры этой пашни видны до сегодняшнего дня.

Могильник состоял из двух компактных групп курганов, вытянутых по линии север–юг, и цепочки из трёх курганов, расположенной на восточной герифереии могильного поля и ориентированной по линии северо-восток–юго-запад. Видимые на поверхности сооружения представляли собой очень невысокие расплывшиеся насыпи диаметром от 9 до 20 м, высотой 0,1–0,3 м.

Раскопано 6 курганов (1–6) в северо-восточной части могильного поля; курганы 5, 6 — на пашне, остальные — на задернованной площадке. Курганы исследованы траншеями с использованием бульдозера. Траншеи и разделяющие их бровки ориентированы по линии север–юг. Зачистка бровок и траншей на уровне погребенной почвы и на материке осуществлялась вручную.

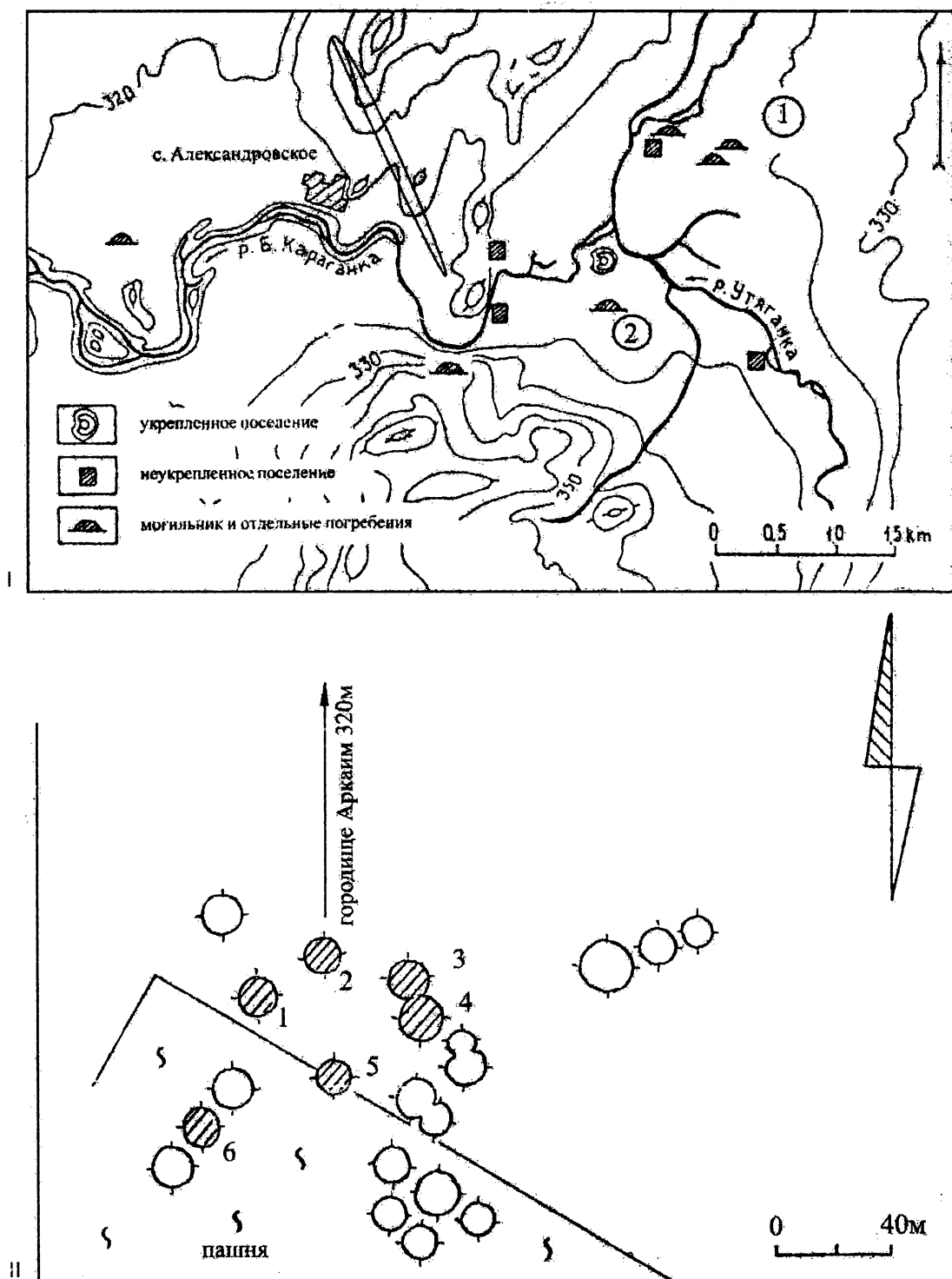

Рис. 1. Культурный комплекс Аркаим:

I — схема размещения памятников:

1 — Большекараганский могильник; 2 — могильник Александровский IV;

II — план-схема расположения курганов могильника Александровский IV:

1-6 — раскопанные курганы

Материалы и артефакты. Все раскопанные курганы характеризуются устойчивыми признаками и представляют единый, цельный комплекс.

Курган 1 имел диаметр 14–15 м, высоту не более 10 см. Насыпь сложена гумусированными суглинками различных оттенков — от жёлто-коричневого до тёмно-коричневого цвета. Они имеют мощность 0,3–0,4 м. Центральная часть кургана перерыта сурчинами. Погребённая почва обнаружена в северной и северо-восточной частях сооружения. Она представлена серо-коричневым суглинком, имела неровную волнистую поверхность и мощность от 0,05 до 0,2 м. Подкурганная площадка ограничена ровом с внешним диаметром 13–14 м. Ров имел прерывистые контуры шириной от 0,2 до 1,5 м и глубиной от 0,15 до 0,5 м от уровня материка (рис. 2).

В северной и северо-восточной частях кургана вдоль внутренней границы рва, на подкурганной площадке, на уровне погребённой почвы обнаружен слой яркого жёлтого материкового суглинка. В восточной части он фиксировался сразу под дёрном, и его мощность достигала 0,35 м. Жёлтый грунт слегка заплывал в ров, основное заполнение которого состояло из гумусированного почти чёрного суглинка с цементирующими известковыми частицами. Этот слой попал в ров с его внешнего края.

Под курганом исследованы четыре ямы. Центральным и основным сооружением является *могильная яма 3*. Она оказалась перерыта огромной сурчиной общим диаметром 4,5–6,0 м. Лишь на уровне –170 см, или 1,35 м от материковой поверхности, удалось зафиксировать её слабочитаемые очертания. Яма выделялась пятном жёлтого материкового суглинка подпрямоугольных очертаний. Длина ямы восстанавливалась

в пределах 1,0 м, ширина — 0,6 м, ориентировка — северо-восток–юго-запад.

На уровне –180 — –185 см расчищены остатки костяка, лежавшие на тонком слое чёрного органического тлена (рис. 3, III). Тлен отмечал сохранившиеся контуры дна ямы. Судя по остаткам, погребённый лежал на спине или был слегка развёрнут на правый бок, головой ориентирован на северо-восток. Череп зафиксирован в северо-восточном углу ямы. Он, по-видимому, был потревожен грызунами. Сохранилась только верхняя часть, развёрнутая глазами на юго-восток. В центральной и юго-западной частях ямы *in situ* сохранились кости предплечья, кисти рук, часть позвоночного столба, тазовые и большие бедренные кости. Они развёрнуты направо и лежат почти перпендикулярно тазовым костям. Кисти рук покоятся друг на друге и подтянуты к коленным суставам.

В центральной и южной частях ямы на чёрном слое органики, на костях и под ними фиксировалась подсыпка красной охры и белого мелового порошка.

В потревоженном слое над ямой обнаружены фрагмент деревянной плахи, скопление фрагментов сосуда (–145 см, рис. 4: 5) и нижняя челюсть КРС.

Могильная яма 2 (рис. 2; 3: II) располагалась в северо-западной части подкурганной площадки, имела подпрямоугольную форму размерами 0,73×0,56 м и глубиной 0,5 м от уровня материка, вертикальные стенки и была ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Северо-восточная часть ямы забутована материковым грунтом, юго-западная часть имела жёлто-коричневое гумусированное заполнение. Контуры у дна маркировались жёлтой глиной. Дно ровное, полностью покрыто органическим тленом чёрного цвета.

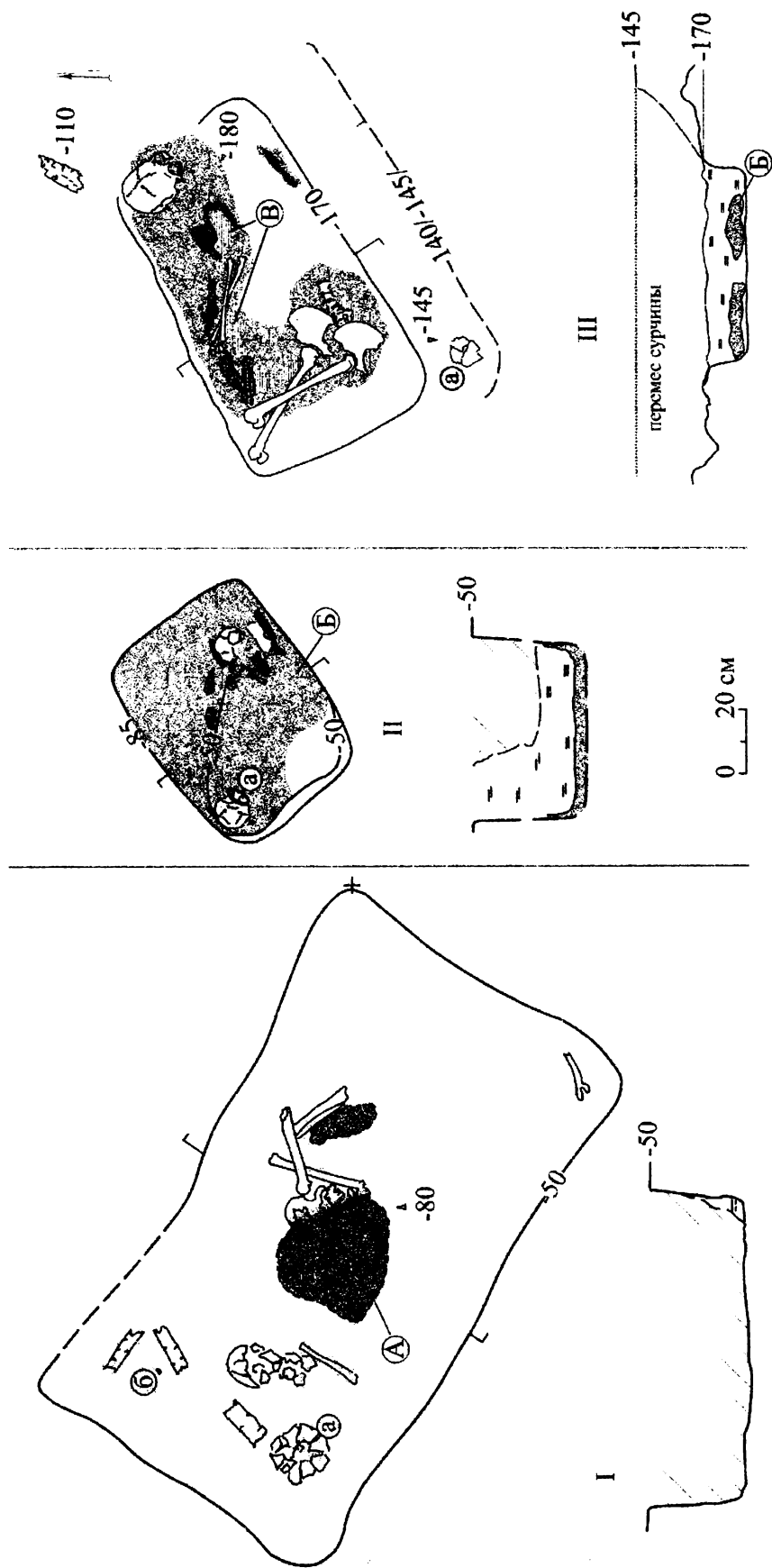

Рис. 3. Могильник Александровский IV. Курган 1:

— план и разрез могильной ямы 1;

II — план и разрез могильной ямы 2; III — план и разрез могильной ямы 3

а) — развал сосуда; б) — бронзовая обойма;

Ⓐ — посыпка красной охрой; Ⓑ — органическая прослойка чёрного цвета; Ⓒ — посыпка мелом*

* условные обозначения для органических и минеральных материалов приняты для всех исследованных сооружений памятника

По диагонали ямы, головой на восток, на левом боку лежал костяк ребёнка 2–3 лет. Кости предплечья перед грудной клеткой, тазовые кости и кости ног почти истлели. Кости и дно камеры вокруг них обильно окрашены охрой. В запад-северо-западном углу ямы полулежал остродонный сосуд горловиной на восток-юго-восток (рис. 4: 7).

Могильная яма 1 располагалась в северо-восточном секторе кургана. Яма впущена в курганный насыпь, она разрезала слой жёлтого материкового суглинка на восточной периферии под курганный площадки и была заполнена гумусированным тёмно-коричневым суглинком. Форма ямы подпрямоугольная (1,9×1,1×0,45 м), ориентировка юго-восток–северо-запад. Костяк потревожен. Судя по остаткам, умерший лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад-северо-запад. Под костями и частично на них сохранились следы органического тлена красно-коричневого (после высыхания чёрного) цвета (рис. 3, 1). В западном углу, возле остатков черепа стояли два сосуда, один в другом (рис. 4, 2, 6), в юго-восточном углу лежала берцовая кость барана. Чуть выше остатков черепа, вдоль торцевой западной стенки ямы фиксировались несколько плашек дерева. Здесь же найдена бронзовая обойма плохой сохранности (рис. 4: 4).

Яма 4, располагавшаяся в южной полё кургана, имела неправильную овальную форму (1,2×0,6×0,3 м) и была ориентирована по линии северо-северо-запад–юго-юго-восток. Стенки и дно овальные. На дне найдено бронзовое шило (рис. 4, 1), у северного края ямы — несколько фрагментов керамики. Насыпь перекрывала углубление.

Курган 2 имел диаметр 10–11 м и высоту около 0,3 м. Грунт насыпи уложен

на площадку, ограниченную кольцевым рвом. Внешний диаметр рва 10,5 м, ширина 0,8–1,0 м. С северо-западной и северо-восточной стороны ров имеет разрывы шириной 0,9–1,1 м. Глубина рва 0,4–0,6 м относительно уровня материка за пределами кургана (–25, –30). На под курганный площадке погребённая почва и материк срезаны до уровня –40, –50. Интересна ещё одна деталь. Внешние стенки рва круто опускаются ко дну, внутренние, наоборот, пологие. Тёмное гумусированное заполнение рва и верхней части кургана резко контрастирует со светлыми напластованиями нижней части насыпи. Нижний её горизонт состоит из жёлто-коричневого лёгкого суглинка (мощность 0,25 м), на нём также горизонтально лежит слой светло-коричневого суглинка (мощность 0,25–0,3 м).

Могильная яма 1 (рис. 5, рис. 6, 1) располагалась в центре под курганный площадки с лёгким смещением к юго-востоку. Верхние контуры читались не ясно. По мере углубления яма приобрела форму неправильного пятиугольника с вершиной, обращённой на север, и максимальными размерами по линии север–юг и запад–восток — 2,00×2,00 м. Лишь около дна яма приобретает прямоугольную форму размерами 1,6×1,05 м и выделяется по чёрному органическому тлену. Ориентировано сооружение по линии восток–юго-восток–запад–северо-запад. Мощность прослойки органического тлена от 0,5 до 3,0 см. Общая глубина ямы от уровня материка на погребённой площадке 136 см. Стенки ямы имеют лёгкий наклон и резко сужаются в 0,6 м от дна.

Заполнение ямы в верхней части представлено слабо гумусированным суглинком светло-коричневого цвета с пятнами жёлто-коричневого суглинка.

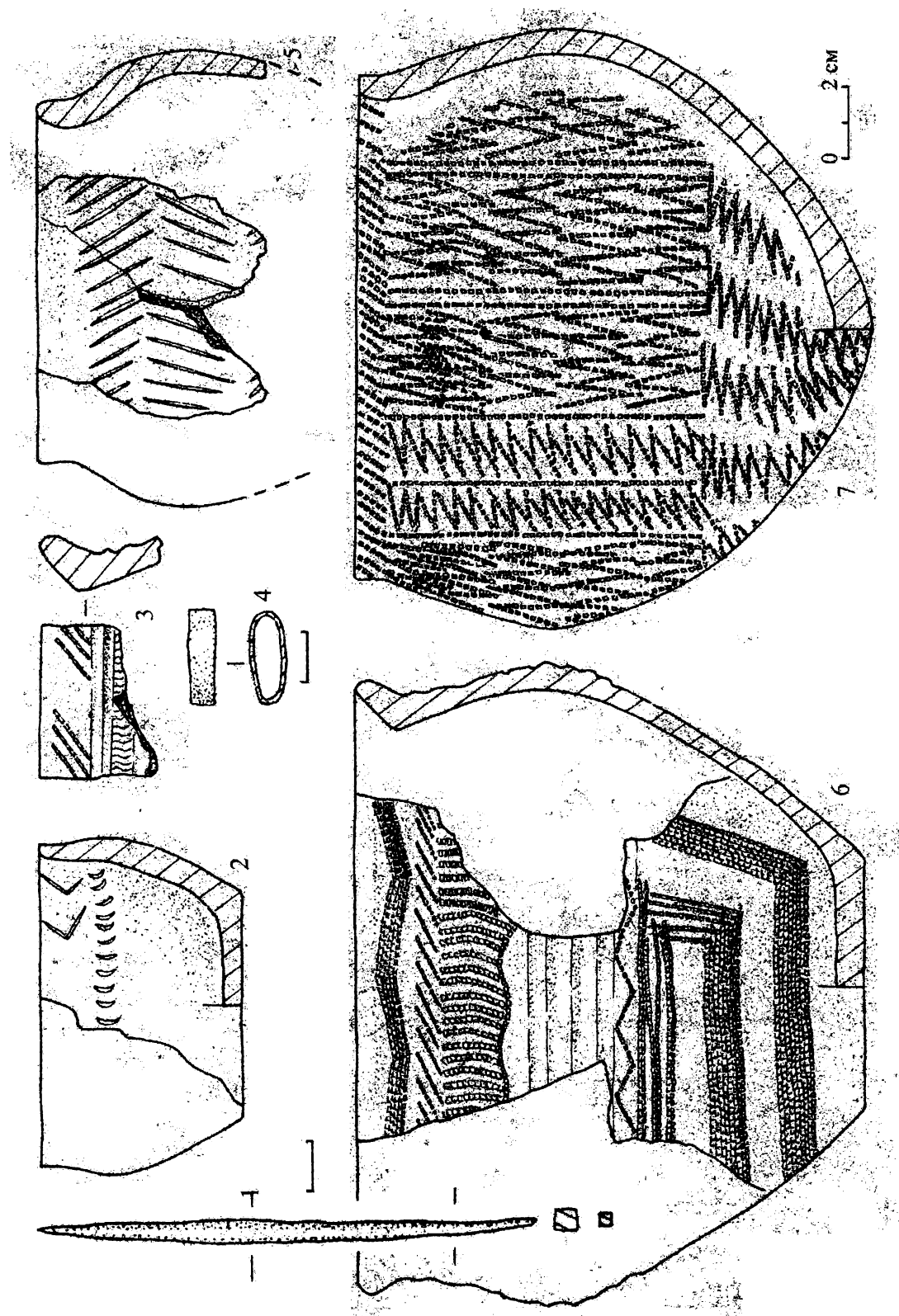

Рис. 4. Могильник Александровский IV. Курган I. Вещевой комплекс:

1, 4 — бронза; 2, 3, 5-7 — керамика

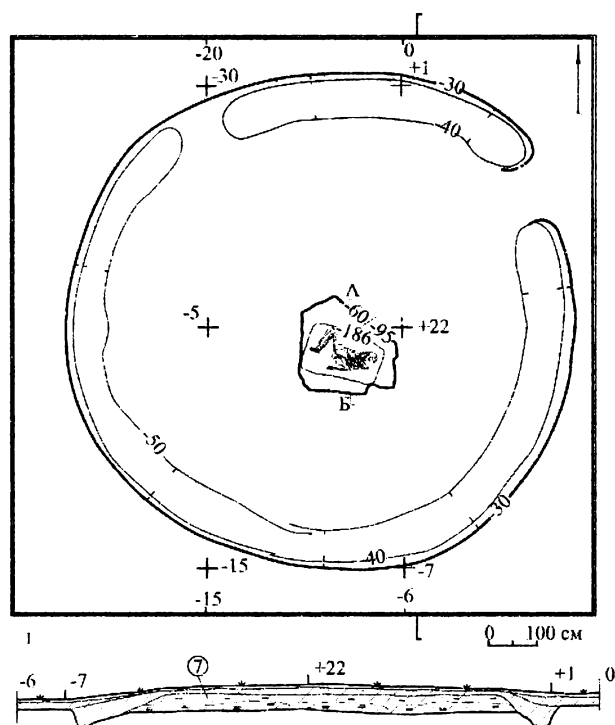

Рис. 5. Могильник Александровский IV. Курган 2:

I — Общий план и разрез. II — план и разрез могильной ямы

а — бронзовый нож; 7 — светло-коричневый суглинок

Собственно погребение замуровано слоем чистой материковой глины мощностью 0,35–0,5 м.

Скелет погребённого лежал на чёрном органическом тлене на спине со смещением на правый бок, ноги подогнуты, колени обращены вправо. Общая ориентировка погребённого та же, что и ямы. Однако за счёт искривления позвоночника в верхней части скелета оказалось, что череп его ориентирован на восток-северо-восток, лицевая часть обращена к северо-северо-западу. Руки были вытянуты вдоль туловища и слегка разведены, правая чуть согнута в локте.

Возле левой ключицы обнаружен бронзовый нож остриём на юг (рис. 11, 2).

Курганы 3, 4 примыкали друг к другу по линии север–юг. В связи с этим над ними был заложен единый раскоп, размеры которого 40×15 м.

Курган 3 имел диаметр 13 м, высоту от уровня окружающей поверхности не более 10 см (рис. 7). Центральная часть подкурганной площадки диаметром 6,5–7,0 м оказалась перерыта грызунами до глубины 1,7–1,8 м от центрального пикета. Сохранилась только периферийная часть сооружения, представленная обводным рвом и прилегающими к нему небольшими участками насыпи. Грунт насыпи состоит из жёлто-коричневого суглинка, который опускается в заполнение рва. Под ним на дне рва лежит тёмный сильно гумусированный грунт, который затёк в него от подошвы кургана. С северной стороны на подкурганной площадке сохранился *in situ* небольшой участок жёлтого, на нём светло-коричневого суглинка. Жёлтый суглинок лежит на материковой поверхности. Погребённая почва на подкурганной площадке была, по-видимому, убрана.

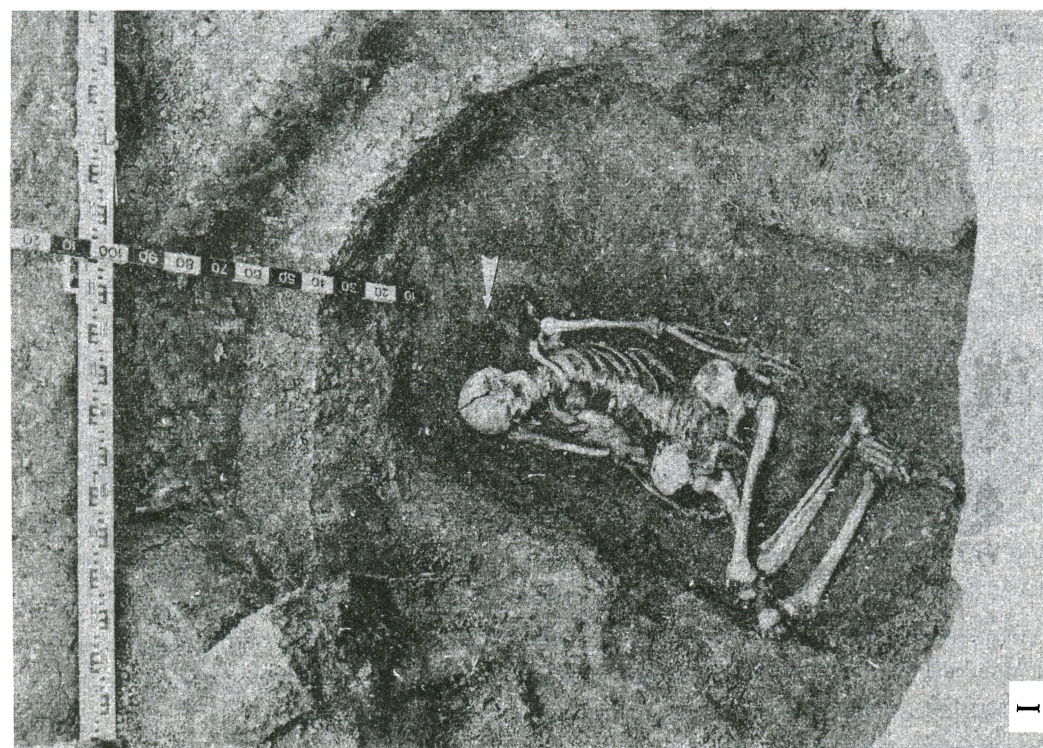
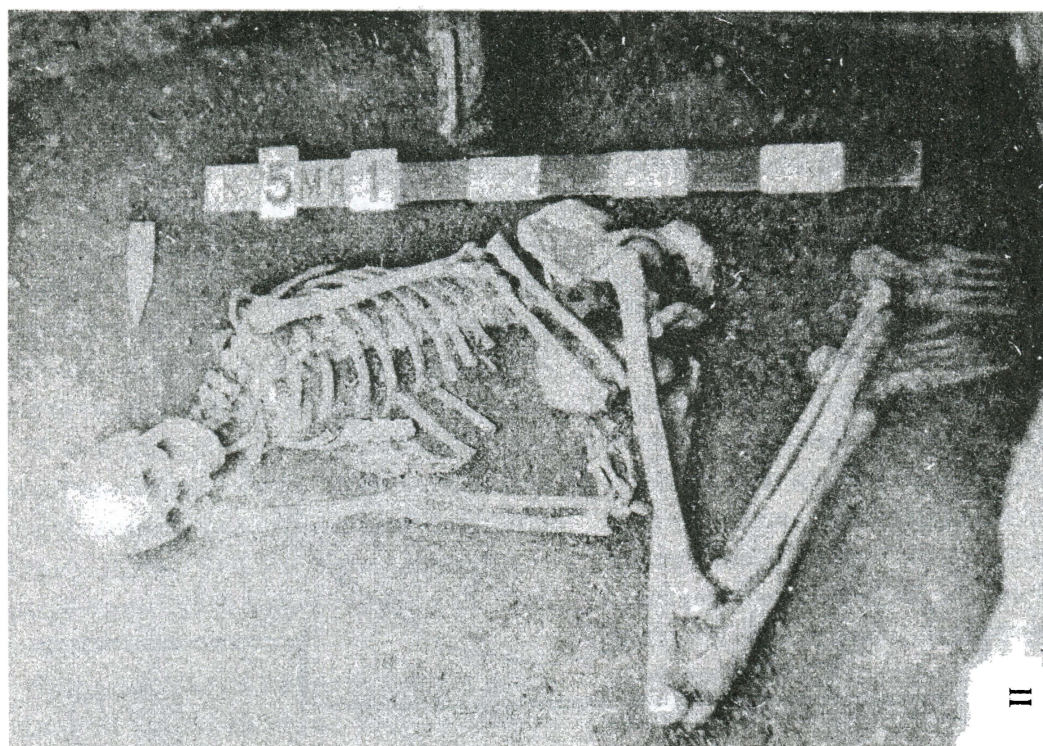

Рис. 6. Могильник Александровский IV:

I — Курган 2, могильная яма; II — курган 5, могильная яма

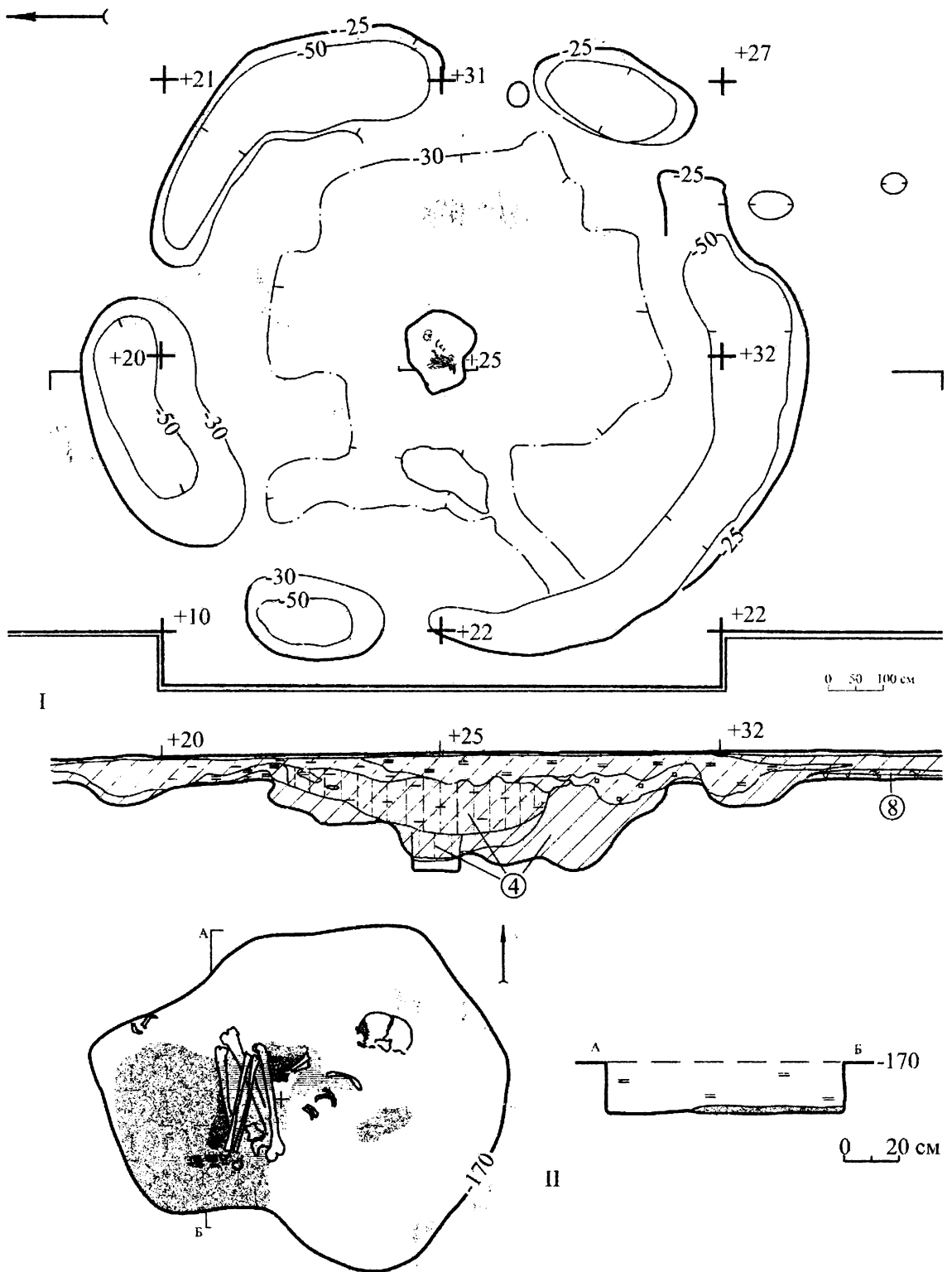

Рис. 7. Могильник Александровский IV. Курган 3:

I — общий план и разрез; II — общий план и разрез могильной ямы; ⑧ — слой золы

За пределами кургана у южной границы рва обнаружен участок культурного слоя с зольником и погребённой почвой. В северо-восточной части раскопа за пределами рва погребённая почва и верхний слой материка были подрезаны в древности.

Кольцевой ров, диаметр которого по внешним границам 12–13 м, имел в древности ширину 1,7–1,8 м и максимальную глубину 60–70 см. Зафиксировано пять разрывов рва: два с северо-западной стороны, один — с северной и два с юго-восточной. Ширина разрывов от 0,5 до 1,75 м. В районе юго-восточных разрывов рва обнаружены три небольшие углубления. Одно углубление овальной формы 0,75×0,5×0,3 м и два округлой — диаметром до 0,4 м и глубиной 0,25, 0,35 м.

Могильная яма 1 обнаружена в центральной части кургана под сурчиной на уровне –170 см (рис. 7, II). Яма имела слегка удлинённую грушевидную форму с максимальными размерами 1,5×1,3 м, ориентирована по линии восток-северо-восток-запад-юго-запад и была забутована плотной глиной ярко-жёлтого цвета. На уровне –188 см в тех же границах выявлены дно могильной ямы и скелет погребённого. Кости скелета в районе шейного отдела и грудной клетки, а также череп сохранились плохо. Сложно определить, как похоронен умерший — на спине или на правом боку. Ориентировано погребение на северо-восток. Остатки черепа покоятся на боку, глазницы обращены на запад. Ноги сильно согнуты и подведены в область живота, ступни подтянуты к костям таза. Кисти рук лежали в районе живота.

На дне ямы участками сохранился чёрный органический тлен. Кости ног, кроме ступней, таз и нижняя часть грудной

клетки были покрыты слоем мела или иного белого минерального красителя. Лицевые кости черепа окрашены охрой. В районе кистей пятно охры перекрывало слой чёрной органики, а возле ступней прослойка охры находилась между прослойками мела, нижняя из которых, в свою очередь, лежит поверх чёрной органики.

В углу ямы находились два ребра барана. Вещей в могиле не обнаружено.

Курган 4 имел диаметр 13–14 м, высоту 7–10 см и почти не выделялся на поверхности. Насыпь в верхней части отмечена светло-коричневым слегка гумусированным суглинком (мощность 0,3–0,35 м), ниже, до уровня материка, распространялся слой жёлто-коричневого суглинка (0,35–0,40 м). Погребённая почва на подкурганной площадке, ограниченной рвом, отсутствует. В центральной части площадки расположена единственная могильная яма 1 (рис. 8).

Диаметр рва по внешней границе около 13,0 м, ширина колеблется от 1,1 до 2,75 м, глубина от материковой поверхности 0,4–0,64 м. В северной и северо-восточной частях он более глубокий. Стенки рва с внутренней стороны почти отвесные. В заполнении рва около внутренней стенки обнаружен слой чистой жёлтой глины, которая фиксировалась до уровня горизонта погребальной площадки. На ней в виде валика отмечен край светло-коричневого грунта насыпи. Около внешней границы рва и за пределы кургана распространялся сильно гумусированный грунт, под ним в пределах рва — слой с белыми цементирующими добавками. В южной и западной частях ров имеет более пологие или ступенчатые контуры. В заполнении также местами присутствует грунт с цементирующими добавками. С северо-западной стороны за пределами рва

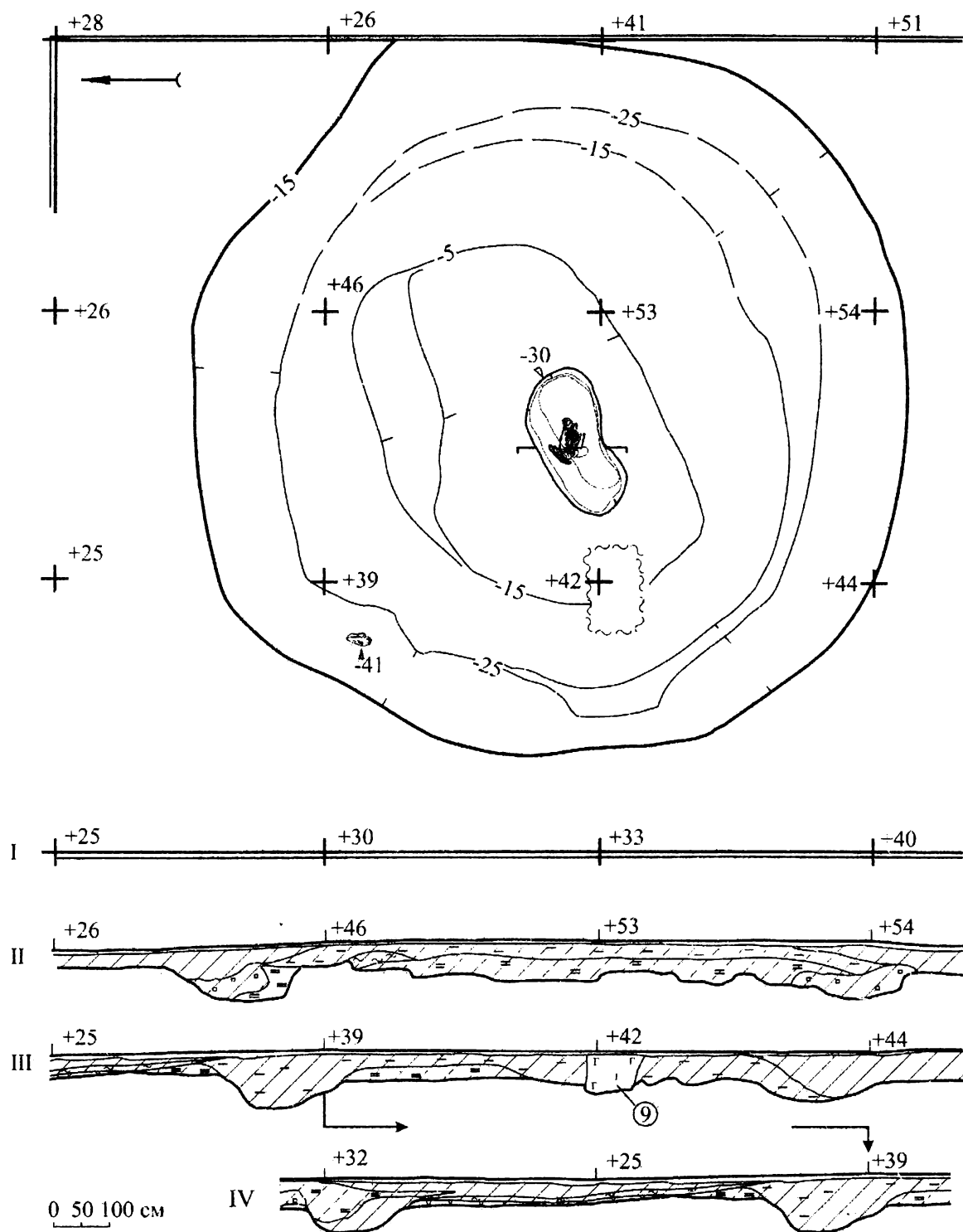

Рис. 8. Могильник Александровский IV. Курган 4:

I — общий план; II, III — разрез кургана; IV — разрез культурного слоя площадки между курганами 3 и 4; ⑨ — сильно гумусированный грунт (поздний вкоп)

между курганами 3 и 4 отложился культурный слой, представленный (сверху вниз) гумусированным грунтом, золой и погребённой почвой, который перекрывал напластования кургана 4. Из этого следует, что курган 4 значительно древнее кургана 3 (рис. 8: 4).

В заполнении северо-западной части рва обнаружен череп собаки.

В центральной части погребальной площадки кургана 4 отмечено углубление подпрямоугольной формы с максимальными размерами 7,0×4,5 м и глубиной 0,15–0,2 м от уровня материка, дно почти горизонтальное. Углубление ориентировано по линии восток-северо-восток–запад-юго-запад. По краю углубления с северо-восточной стороны отмечена наклонная прослойка золы, разделяющая основные слои насыпи. Юго-западную часть углубления разрезает яма позднего вторжения (1,5×0,9×0,15 м).

Могильная яма 1 расположена в центральной части углубления с небольшим смещением к югу. По верхним границам яма имела серповидную форму с округлыми краями, ориентирована по линии восток-северо-восток–запад-юго-запад, максимальные размеры 2,75×1,4 м, глубина от уровня материка –1,45 м (рис. 9). Стенки слегка покатые, у северо-западной стенки на глубине 1,25 м отмечен плавный уступ-пандус до уровня горизонтального дна. Заполнение ямы в верхней части представлено слегка гумусированным жёлто-коричневым суглинком. Дно перекрыто слоем чистой материковой глины, мощность которого доходила до 0,7 м.

Под глиняным массивом в центре дна могильной ямы обнаружен скелет погребённого, лежавшего на слое чёрного органического тлена. Пятно тлена имело подквадратную форму размерами 1,0×0,95 м. Пологий приступок

у север-северо-западной стенки тоже оказался частично покрыт истлевшей органикой. Погребённый лежал на спине со смещением на правый бок, головой на восток-северо-восток. Кости ног, согнутых в коленных суставах, лежали на приступке. Нижние части берцовых костей — в районе таза. Кости стоп лежали в анатомическом порядке. Однако неестественность расположения (вывернутость стопы правой ноги; плюсны и фаланги левой стопы на месте пяточных костей и наоборот) заставляют предположить, что ступни были отчленены при погребении. Кости правой руки лежали вдоль туловища, кисть — под бедренными костями. Кости левой руки согнуты в локтевых суставах, кисть покоится у правого крыла таза.

Практически весь костяк за исключением части таза и затылочной части черепа густо окрашен охрой. На шейных позвонках лежал клык медведя без следов обработки (рис. 11: 1).

Курган 5, около 10 м диаметром, почти не фиксировался на поверхности. Насыпь в западной части кургана состоит из сильно гумусированного суглинка тёмно-коричневого цвета, в восточной части — из гумусированного суглинка коричневого цвета (рис. 10).

Курган сформирован на материковой поверхности площадки, ограниченной ровом. Кольцевой ров, диаметр которого по внешним границам 9–9,5 м, имеет разрыв с север-северо-востока от центра кургана. Ширина разрыва 0,4–0,7 м, края слегка отведены наружу, оформляя своего рода проход в 1 м длиной. Ширина рва 0,4–1,25 м, глубина 0,3–0,4 м от уровня материка. Заполнение рва большей частью состоит из гумусированного суглинка с белёсыми карбонатными вкраплениями, который опускается в ров с внешней стороны сооружения.

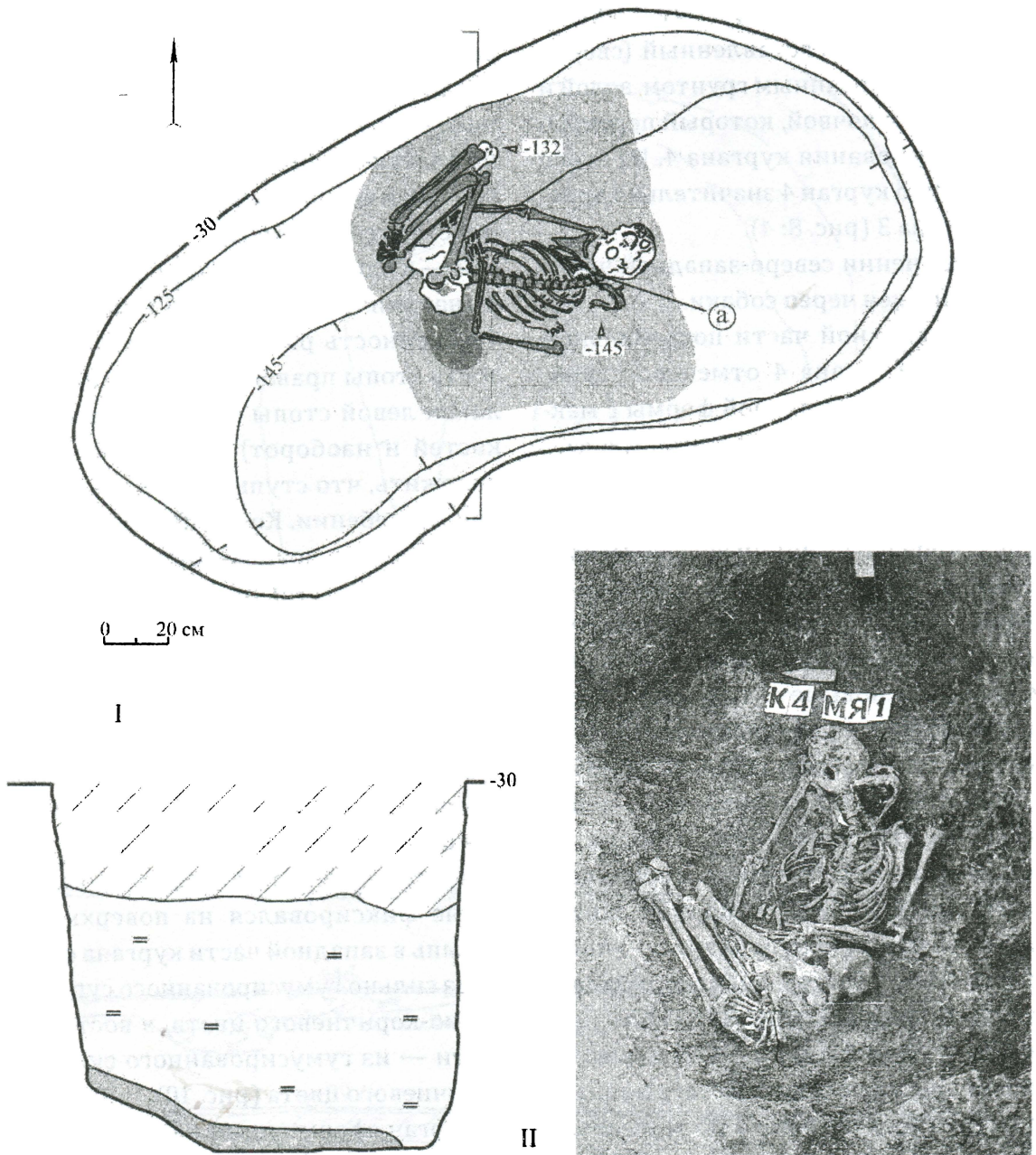

Рис. 9. Могильник Александровский IV. Курган 4:

I — план и разрез могильной ямы; II — фото, вид с запада; (a) — клык медведя

С восточной стороны за пределами рва фиксируется погребённая почва, на ней лежит сильно гумусированный грунт, он частично затекает в карбонатное заполнение рва и ограничивается (выдавливается) грунтом насыпи.

В центре погребальной площадки, с небольшим отклонением к юго-востоку

располагается могильная яма; в восточной части, у внутреннего края рва помещён жертвенный комплекс.

Могильная яма 1 подпрямоугольной формы ориентирована по линии северо-восток-юго-запад, юго-западная стенка чуть шире, чем северо-восточная. Максимальные размеры 1,65×1,35 м.

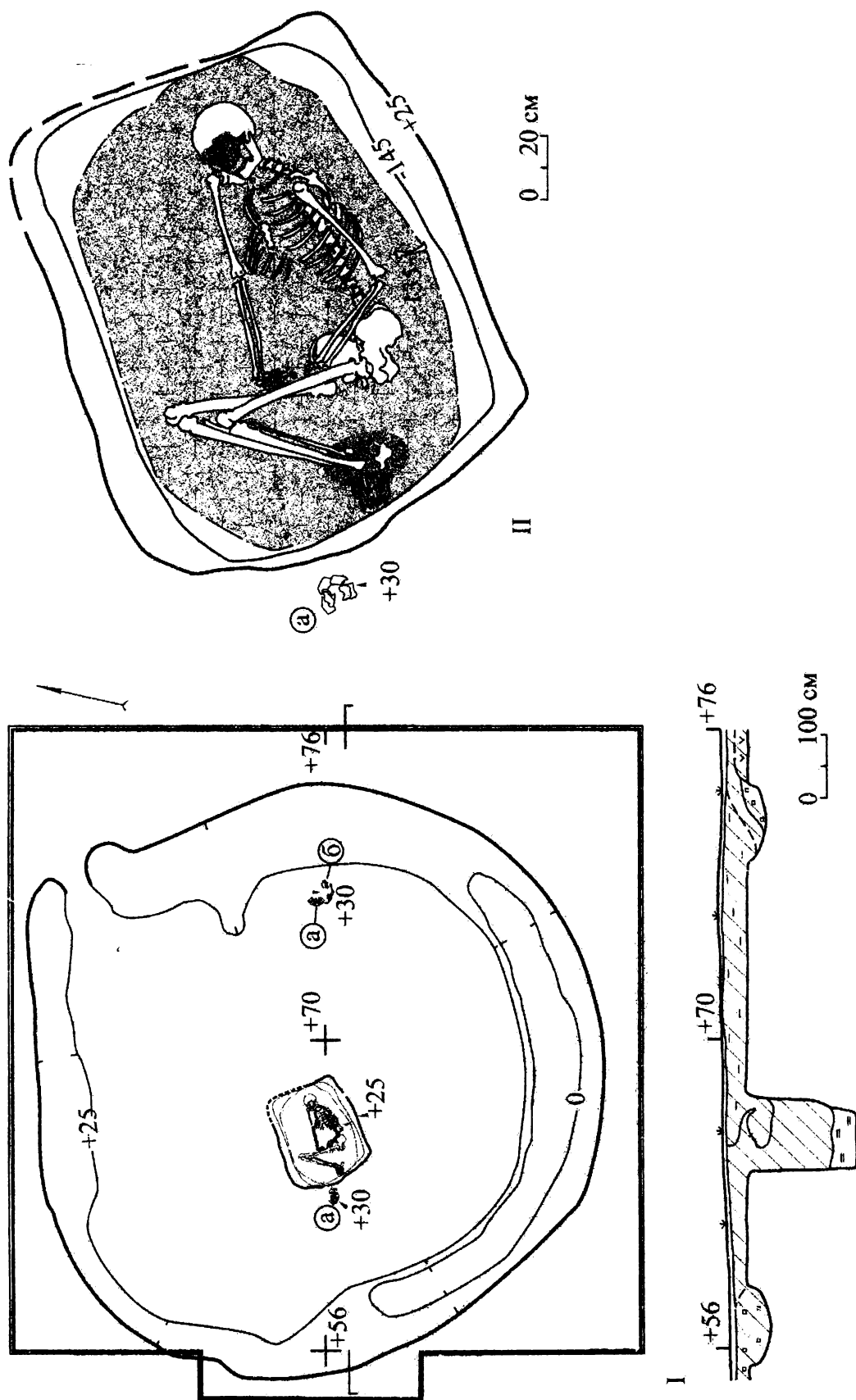

Рис. 10. Могильник Александровский IV. Курган 5:

I — общий план и разрез; II — план могильной ямы; а — развал сосуда; б — кости ног и череп КРС

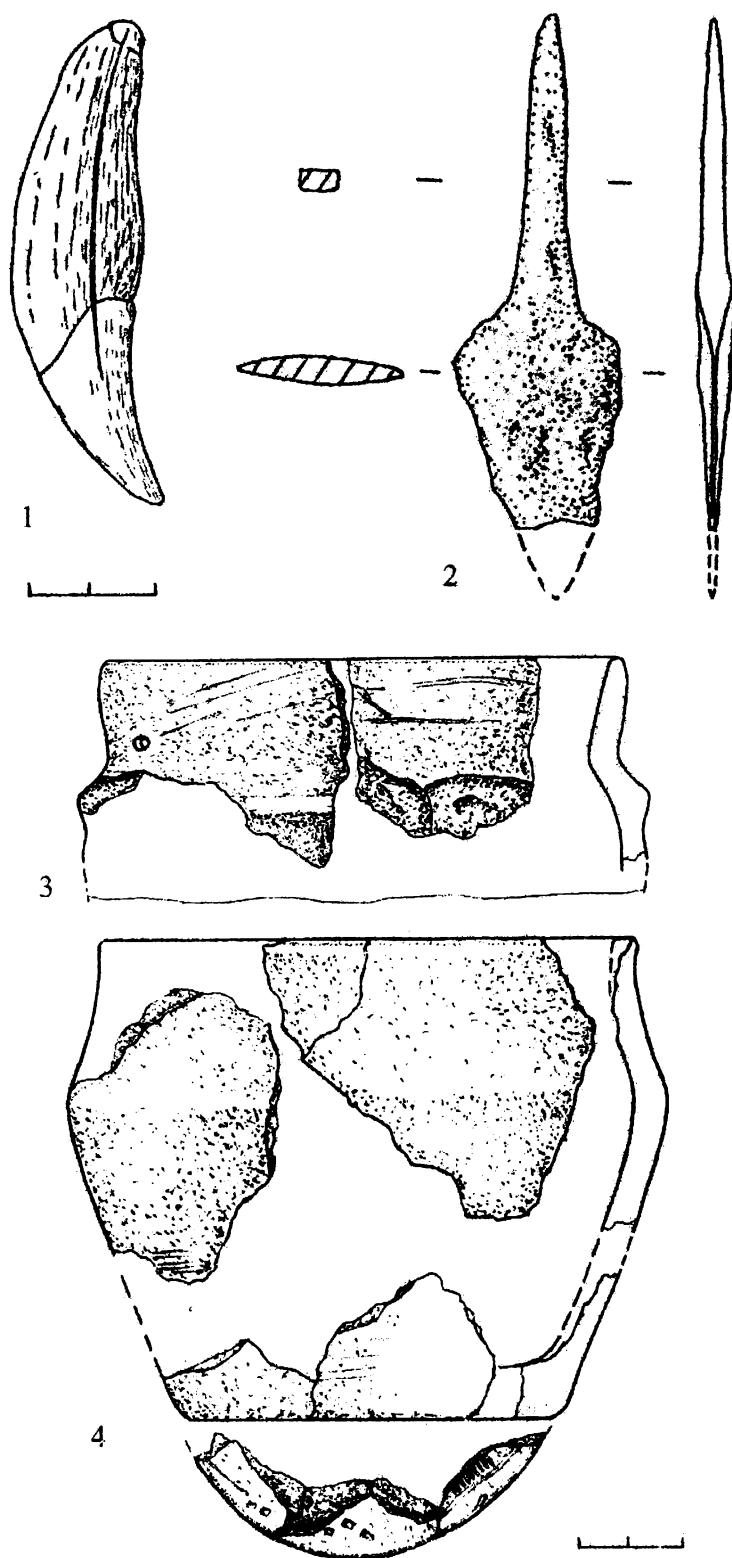

Рис. 11. Могильник Александровский IV. Вещевой комплекс:

1 — курган 4, яма 1; 2 — курган 2, яма 1; 3 — курган 5, яма 1; 4 — курган 5, жертвенник
1 — клык медведя; 2 — бронзовый нож; 3, 4 — керамика

Глубина ямы от уровня материка 1,75 м. Стенки ямы почти вертикальны, лишь с юго-востока около дна отмечен небольшой пандус (рис. 10: II). Заполнение ямы состоит в основном из тёмно-коричневого суглинка; сверху, с восточной стороны в него вклинивается слой жёлто-коричневого суглинка. Погребение и дно ямы перекрыты ярко-жёлтой материковой глиной мощностью до 0,4 м. На дне по всей площади ямы сохранился органический тлен чёрного цвета.

Скелет погребённого лежал на подстилке, на правом боку с подогнутыми ногами, голова обращена к северо-востоку (рис. 6). Большие берцовые кости образовывали с позвоночным столбом угол 90°. Кости плечевого пояса и таза развёрнуты на спину. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кости левой согнуты в локтевом суставе. Кисти обеих рук сведены в области правого крыла таза. Лицевые кости черепа и ступни ног обильно окрашены красным минеральным красителем. Возле левого локтевого сустава, чуть выше дна ямы лежала трубчатая кость барана.

Возле юго-западного края ямы на уровне материка найден развал сосуда очень плохой сохранности (рис. 11: 3).

Жертвенный комплекс выложен на уровне материка. По линии запад–восток по дуге в сочленениях располагались кости трёх ног барана. Во внутренней части дуги положен череп барана, ориентированный на запад, нижние челюсти зафиксированы отдельно чуть восточнее и слегка развёрнуты на северо-восток. С западного края жертвенник завершает развал сосуда (рис. 11: 4).

Курган 6. Визуально диаметр насыпи определялся в пределах 18–19 м при незначительной высоте — 10–15 см. Курган располагался на пашне, поверхность его пропахана на 25–30 см. При

вскрытии обнаружено, что тело насыпи в центре и большая часть центральной могильной ямы перерыты крупными грызунами (рис. 12).

Сохранившаяся часть насыпи в северной половине и в центре состоит из жёлто-коричневого и сильно гумусированного тёмно-коричневого суглинка. Под ними фиксируется слой жёлтого материкового суглинка, мощность которого увеличивается к центру кургана. Жёлтый суглинок лежит на погребённой почве. По линии бровки чётко фиксируется, как он разрезается ямой вводного погребения 1. Погребённая почва в северной части кургана имела мощность 0,15–0,2 м, в южной — 0,1 м. По-видимому, она слегка подрезалась при подготовке погребальной площадки в древности.

Тёмная полоска грунта, близкого по структуре и цвету погребённой почве, прослеживалась в районе распространения сурчин. Она лежала чуть ниже погребённой почвы, над ней — мощный массив светло-коричневого суглинка, который на южной оконечности насыпи перекрыт слоем серо-коричневого слабогумусированного суглинка.

Под насыпью выделена погребальная площадка, ограниченная кольцевым рвом. Ров, окружавший центральную погребальную площадку, в юго-восточном секторе терял относительную строгость очертаний и имел несколько резких изгибов. Диаметр рва по внешним контурам 16–19 м, глубина 0,7–0,8 м от уровня материка, ширина 1,5–2,6 м. Изгибы, вполне возможно, маркируют небольшой коридорообразный вход с выступом наружу. Ширина коридора 1,5–1,75 м, длина 2,5 м.

Углубление рва с северной стороны заполнено жёлто-коричневым суглинком, сверху в него вклинивается

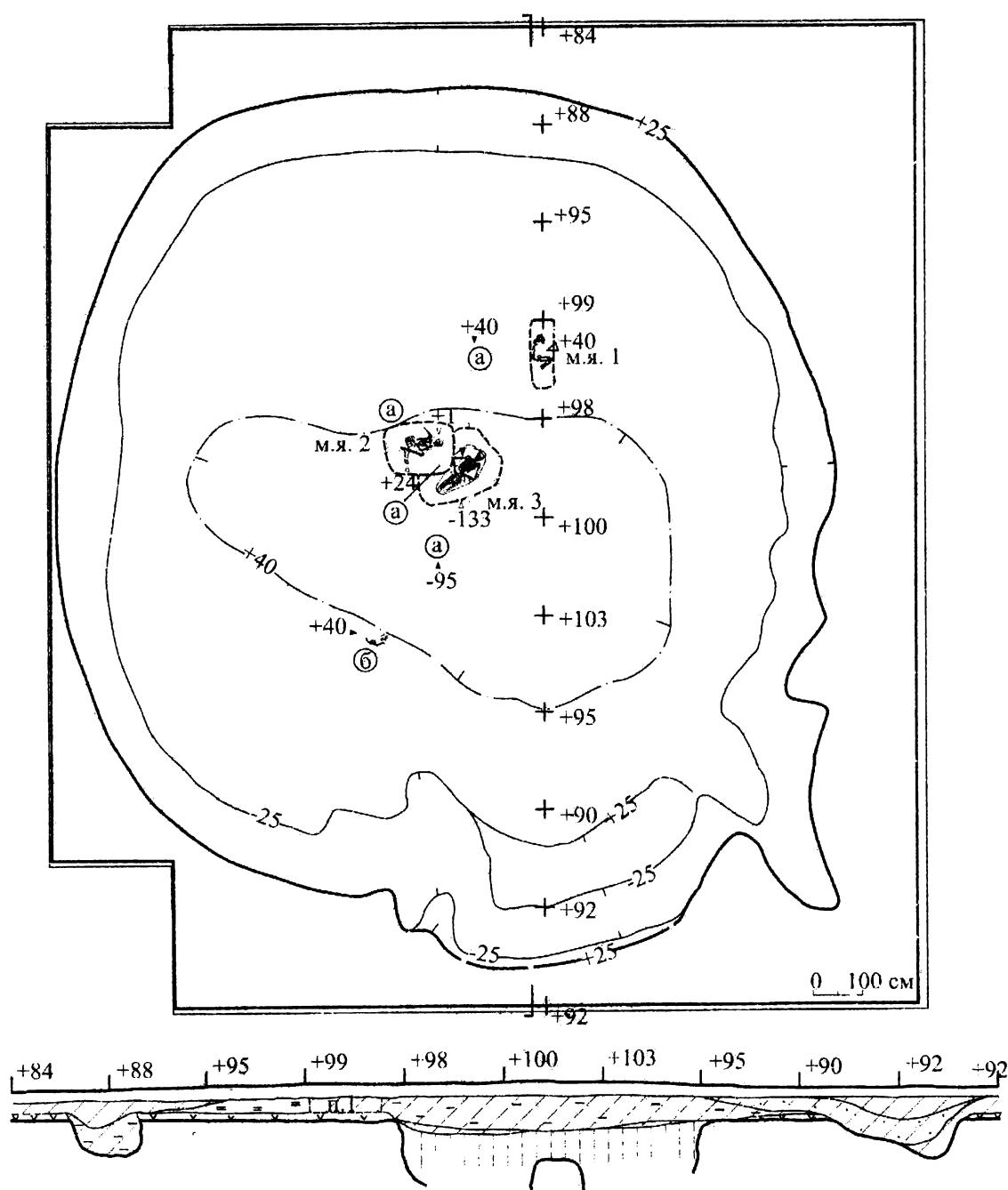

Рис. 12. Могильник Александровский IV. Курган 6. Общий план и разрез:

а — фрагменты керамики; б — кости животных

сильногумусированный тёмно-коричневый грунт. Южная часть рва с внутренней стороны состоит из серо-коричневого суглинка, который опускается до верхней ступени; снизу до дна его подстилает гумусированный слой, опустившийся в ров с внешней стороны.

Интересно, что погребённая почва сохранилась и за пределами рва.

В сооружении вскрыты три могильные ямы.

Могильная яма 1 впущена в насыпь с северо-восточной части кургана. Её очертания с южной стороны

прослеживались нечётко, приближительные размеры 1,5×0,6 м (рис. 13: 1), форма подпрямоугольная, ориентировка по линии север–юг. Углублена яма до уровня погребённой почвы на 0,55 м от поверхности кургана.

Погребённый лежал на левом боку скорченно, ориентирован на север. Череп отсутствовал. Кости рук согнуты в локтевых суставах и направлены вверх (кисти, вероятно, находились в районе лицевых костей черепа). В насыпи, в районе ямы найдены несколько фрагментов керамики (рис. 15: 1, 3, 4).

Могильная яма 2. Очертаний в плане проследить не удалось, грунт перемешан грызунами, скорее всего яма впускная. Глубина ямы, по-видимому, ограничивалась уровнем погребённой почвы или материка (рис. 13: 1).

Умерший похоронен на спине с подогнутыми ногами, смещёнными на левую сторону, ориентирован головой на восток. Бедренные кости широко раскинуты, берцовые кости и кости ступней сведены вместе и подтянуты к тазу. Коленные суставы фиксировались на 43 см выше черепа и грудной клетки. Кости рук согнуты так, что кисти оказались в районе плечевых костей (рис. 14: 1).

В непосредственной близости от погребённого найдены крупные фрагменты одного сосуда (рис. 15: 5).

Могильная яма 3 находится почти в центре кургана, слегка смещена к северо-западу. Так как вся центральная часть кургана перекопана сурками, могильную яму удалось обнаружить только на глубине 163 см от материковой поверхности (уровень –133) по пятну ярко-жёлтого материкового суглинка, окаймлённого тёмным гумусированным грунтом. Форма могильной ямы подтрапециевидная со скруглёнными углами

и неровными стенками. Максимальные размеры 1,8×1,35 м, вытянута по линии восток-северо-восток-запад-юго-запад (рис. 13: 3). На дне (–155) по периметру ямы фиксировались канавки шириной 0,25–0,6 м и глубиной около 5 см. Канавками в центре выделялось возвышенное пространство-подиум удлинённо-овальной (подтрапециевидной) формы (1,25×0,65 м) с расширенной северо-восточной частью. Подиум покрывал чёрный органический тлен мощностью 0,5 см. В канавках фиксировался гумусированный грунт, на подиум ложился слой ярко-жёлтого суглинка.

Погребённый помещён на подиум на подстилку, уложен на спину, головой обращен на северо-восток. Бедренные кости лежат естественно по длине скелета, берцовые находятся под ними, кости ступней подтянуты к тазу. Кости рук согнуты в локтевых суставах, слегка разведены в стороны, кисть правой руки лежала на костях таза, левой — несколько выше (рис. 14: 2).

Лицевая часть черепа, кисти, кости левой руки и плечевого пояса окрашены красным минеральным красителем. Участок от верхней части грудной клетки до бедренных костей, включая кости рук, был покрыт слоем (0,1–0,2 см) мела или иного минерального красителя белого цвета. На нём сохранились также следы травяного тлена, судя по которым, можно предположить, что стебли лежали поперёк умершего. В пределах ямы 3 в перекопах сурчины найдены фрагменты керамики (рис. 15: 2).

Особенности курганной архитектуры и погребальный обряд. Выделение основных конструктивных особенностей надмогильных сооружений и структуры насыпей курганов могильника Александровский IV затруднено, поскольку верхние их части оказались

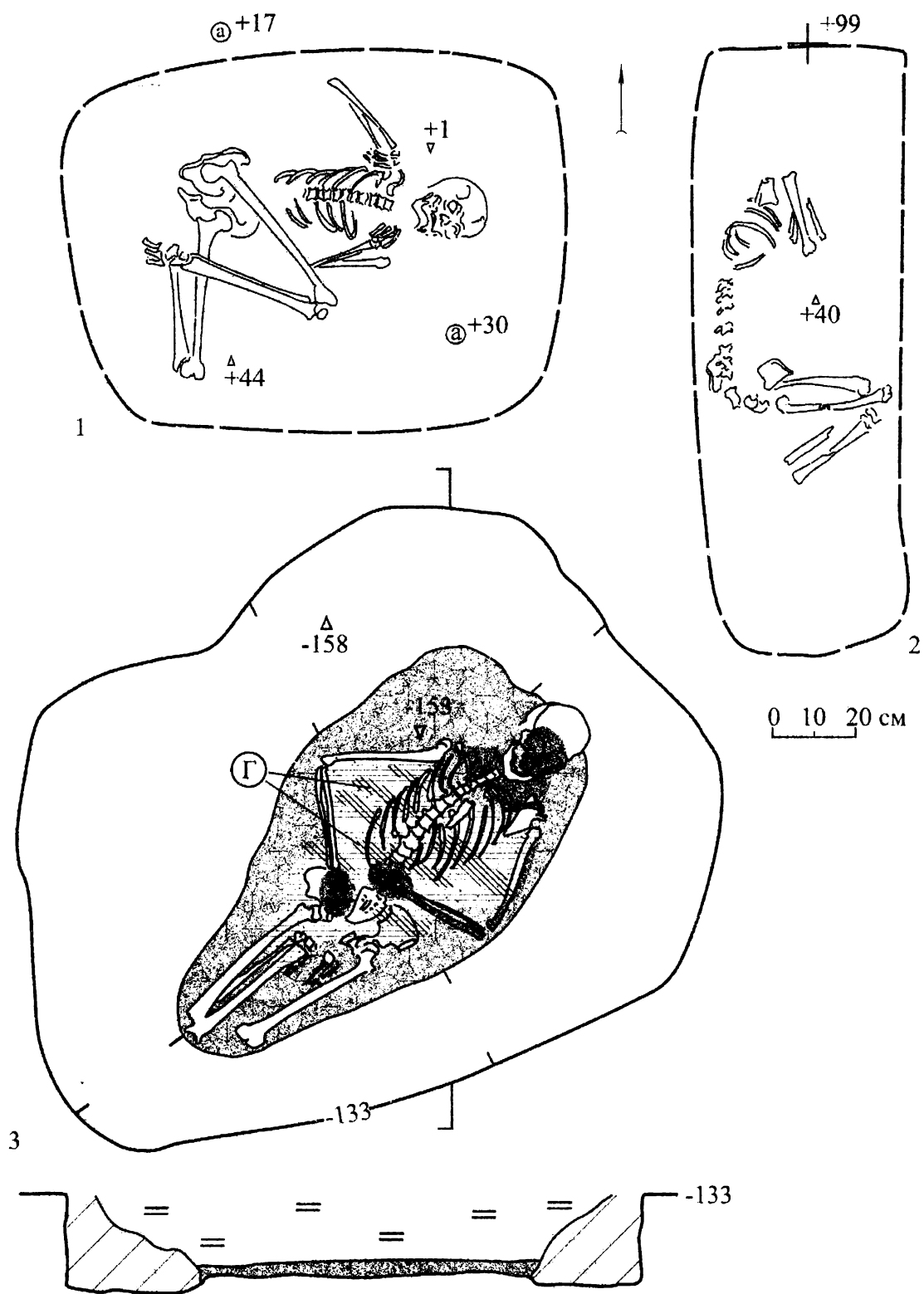

Рис. 13. Могильник Александровский IV. Курган 6:

1 — план могильной ямы 2; 2 — план могильной ямы 1; 3 — план и разрез могильной ямы 3

\textcircled{a} — фрагменты сосуда; Γ — травяной тлен

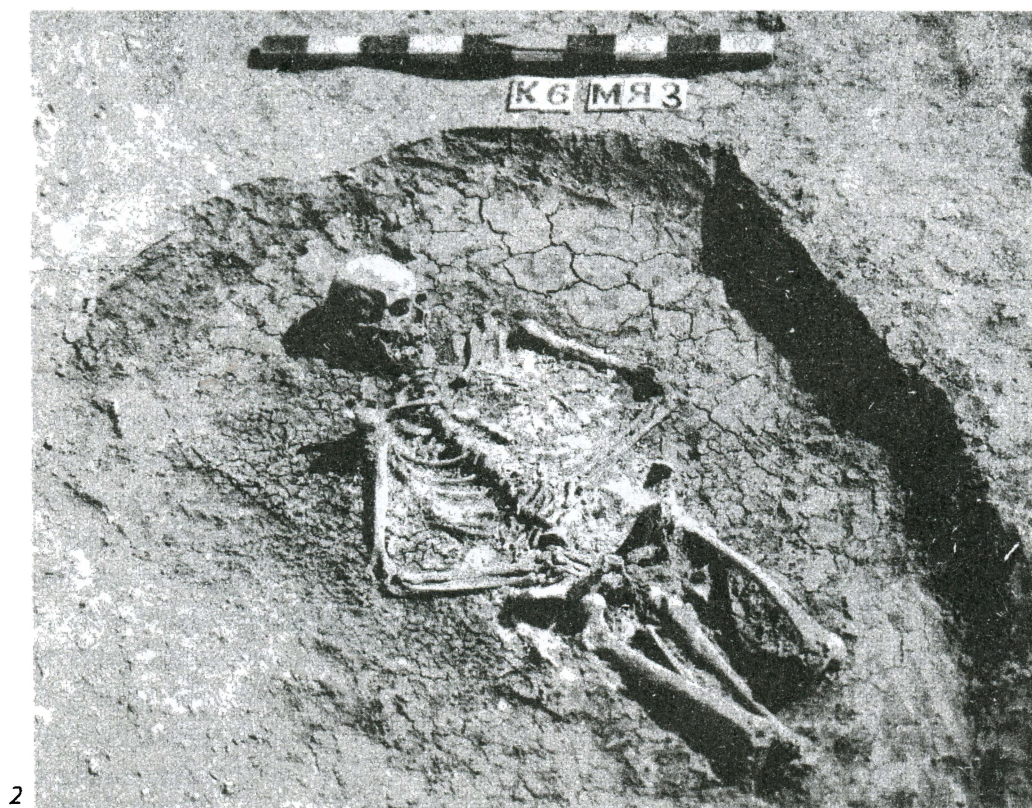

Рис. 14. Могильник Александровский IV. Курган 6. Могильные ямы 2 и 3

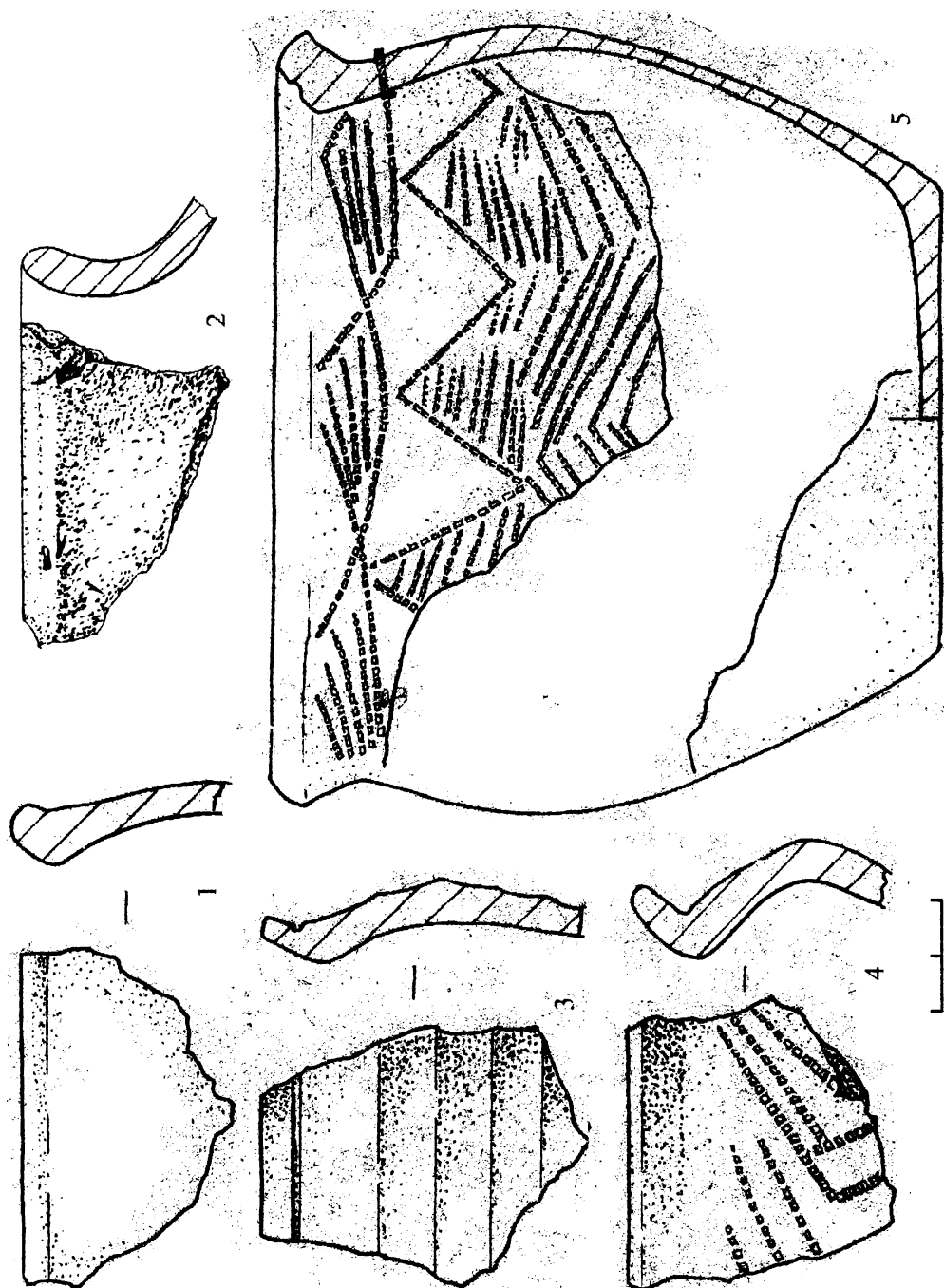

Рис. 15. Могильник Александровский IV. Курган 6. Керамика:

1, 3, 4 — насыль кургана, северо-западный сектор; 2 — сурчинный перекоп ямы 3; 5 — яма 2

давно разрушенными многолетней пахотой. А центральная часть, включая и могильные ямы, оказалась перерытой огромными сурчинами.

Однако систематизация и анализ сохранившихся артефактов всех раскопанных комплексов позволяет представить достаточно целостную картину погребального обряда и выделить этапы развития могильника:

– Все подкурганные площадки и насыпи сооружались для одного умершего. Они содержат по одной основной могильной яме в центре кургана. В двух курганах обнаружены вводные погребения. В кургане 1 это погребение в яме 1, в кургане 6 — в ямах 1 и 2. Несколько неоднозначным остаётся соотношение основного погребения в яме 3 и периферийного детского погребения 2 в кургане 1. Последнее было перекрыто насыпью.

– На подкурганной площадке нарушена — срезана частично или полностью — погребённая почва. Под курганами 1 и 6 погребённая почва подрезана и убрана в юго-западной части погребальной площадки. До материка убрана погребённая почва под курганами 2, 4 и 5. Насыпь кургана 2 не затронута сурчинами. Здесь на материковый грунт уложен слой тёмного гумусированного жёлто-коричневого суглинка, выше лежит более светлый коричневатый грунт. Завершается насыпь сильно гумусированным суглинком.

У большинства курганов северная и восточная части сложены или укреплены жёлтым материковым грунтом (курганы 1, 3–5). Южная половина насыпи состоит из более тёмных гумусированных суглинков.

– Подкурганные площадки ограничены кольцевыми рвами. Рвы либо прерывистые и состоят из нескольких

отдельных углублений, либо образуют чёткий абрис, достаточно глубокие — до 0,8 м и широкие — до 2,5 м. Два из них имеют прерывы-входы с северо- и юго-восточной сторон. В кургане 6 вход образован изгибами рва, образующими прямоугольный выступ. Интересно, что рвы, преимущественно с восточной стороны, первоначально заполнялись грунтом с напольной территории. Заполнение их состоит из гумусированного плотного суглинка с известковыми включениями. С внутренней стороны на него опускается слой жёлтой глины.

– Центральные основные могильные ямы имеют подпрямоугольные и овальные очертания, их размеры варьируют от 1,5 до 1,8 м в длину и от 0,6 м до 1,35 м в ширину. Выделяется могильная яма кургана 4 площадью 2,75×1,4 м. Все ямы достаточно глубоки — 1,45–1,75 м от поверхности материка. Стенки опускаются вниз вертикально либо фиксируются заплечики или пандусы. В кургане 4 яма сооружена на углублённой в материк площадке. Низ ям обязательно забутован яркой жёлтой глиной.

– Все ямы содержали погребения взрослых. В трёх случаях погребённые были уложены на спину с согнутыми в коленях ногами (курганы 2, 4, 6; рис. 3). Погребённые в курганах 1 и 5 лежат на правом боку, но слегка развёрнуты на спину. У погребённого в кургане 6 бедренные кости были вытянуты, а берцовые противоестественно подогнуты под них. В остальных случаях колени всегда обращены вправо. В двух случаях бедренные и берцовые кости плотно прижаты друг к другу, стопы подтянуты к тазу (курганы 3, 4). Руки погребённых слегка согнуты в локтях или одна рука вытянута, другая согнута, кисти рук в области таза.

Все погребённые обращены головой на восток (4 случая — на северо-восток, 1 — на восток-северо-восток, 1 — на восток или восток-юго-восток).

На дне могильных ям у всех погребённых фиксировался чёрный органический тлен (остатки подстилки). Чаще всего он покрывал всё дно могильной ямы. На всех погребённых зафиксирована подсыпка охрой — полная или фрагментарная (лицевая часть, руки, ноги). В трёх случаях присутствовала подсыпка мелом (курганы 1, 3, 6).

— Сопровождающий инвентарь погребений беден. Погребённых в курганах 1 и 5 сопровождали сосуды (рис. 2, 6). Около левого плеча погребённого в кургане 2 обнаружен медный листовидный нож (рис. 3), в кургане 4 на шейных позвонках умершего лежал клык медведя. В двух погребениях зафиксированы отдельные кости барана и КРС (курганы 1, 5).

— С основными погребениями могильника связаны жертвенники на погребальной площадке в курганах 1 и 5. В жертвенной яме, в южной полё кургана 1 найдены бронзовое шило и керамика. В кургане 5 жертвенник расположен в восточной части погребальной площадки. Он состоял из сосуда, черепа и трёх ног барана.

Курганы 1 и 6 содержали впускные погребения. В кургане 1, в яме 1 умерший уложен на левый бок с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Его сопровождали два сосуда и берцовая кость барана. Под курганом 6 в яме 1 обнаружено погребение, где умерший лежал на левом боку, с ним связано несколько фрагментов керамики. В яме 2 умерший лежал на спине, головой на восток, его сопровождал разбитый на фрагменты сосуд.

Центральные погребения из курганов 1–6 составляют I обрядовую группу,

впускные периферийные погребения курганов 1, 6 — II.

Основные, центральные погребения могильника Александровский IV (группа I) по погребальному обряду и немногочисленному инвентарю, вполне возможно, принадлежат населению позднейшей культуры и относятся к её приуральскому варианту [15. С. 109–112]. Наиболее яркой находкой из погребений I группы является медный нож, черешковый, с удлинённо-треугольным лезвием, овальным сечением (рис. 11: 2). Он находит многочисленные аналогии в ямных материалах [14. С. 17, 27, 40; 2. Рис. 54]. Несомненно, к ямному времени относится погребение в кургане 4 с клыком медведя.

Сосуды из погребений группы I сохранились фрагментарно. Среди них сосуд из погребения кургана 5 с реконструированным диаметром горла около 10 см имеет выделенную, слегка отогнутую шейку с внутренним ребром. На переходе от шейки к плечу сформован валик. Наибольшая толщина стенок сосуда в районе внутреннего ребра и валика 0,8 см, у венчика они сужаются до 0,3 см. В тесте присутствует большое количество измельчённых раковин. На поверхности полосы от заглаживания травой. По краю венчика, на внутренней стороне нанесены короткие насечки. На внешней поверхности орнамент отсутствует (рис. 11: 3). Сосуд из жертвенника кургана 5 имеет диаметр около 10 см, шейка почти не выделена, при переходе от плеча к тулову — сглаженное ребро, дно плоское, возможно с орнаментом. В глине обнаружена примесь раковины. На боковой поверхности орнамент отсутствует (рис. 11: 4). С погребением на спине (3), возможно, связан фрагмент сосуда из сурчинного пещера кургана 6 (рис. 15: 2).

Сосуд из погребения 3 кургана 1 имеет короткую суженную шейку, овальное тулово со слегка скошенным наружу венчиком. Орнамент в виде горизонтального ряда ёлочки нанесён плоским штампом (рис. 4: 5). Он, несомненно, относится к ямному керамическому комплексу. Остальная керамика, связанная с I группой погребений, не поддаётся чёткой культурной идентификации. Можно лишь сказать, что она предшествует аркаимскому времени, хотя в единичных экземплярах такая керамика присутствует и на укрепленном поселении Аркаим.

Детское погребение 2 в кургане 1, судя по стратиграфической позиции, вполне может быть одновременным основному массиву погребений I группы. Его также можно представить и более ранним, совершённым до сооружения основного погребения в кургане. Сосуд из детского погребения (рис. 4: 7) уже неоднократно публиковался и связывается исследователями с суртандинско-ботайской культурой [16. С. 231]. По целому ряду признаков погребального обряда — забутовке ямы жёлтой глиной, органической подстилке, подсыпке охрой, восточной ориентировке — можно сделать вывод о том, что погребение совершено по ямному погребальному обряду и, скорее всего, в одно время с центральным погребением 3. Это свидетельствует о наличии тесных взаимосвязей суртандинско-ботайского и ямного населения.

Интересна стратиграфическая ситуация, прослеженная в культурном слое между курганами 3 и 4, показывающая, что курган 4 сооружён значительно раньше кургана 3. За этот период уже успели сформироваться слои погребенной почвы и зольника.

Впускные погребения (группа II) неустойчивы по погребальному обряду

(положение умершего на левом боку, на спине и т. д., различная ориентировка), но сосуды вполне сопоставимы с керамическим комплексом укрепленного поселения Аркаим. Погребение в могильной яме 2 кургана 6 совершено на спине, с подогнутыми ногами, ориентировано на восток, без подсыпок и подстилок, сопровождалось сосудом, соотносимым с аркаимской керамикой (рис. 15: 5). Хотя во всём комплексе аркаимской керамики кургана 6 нельзя не отметить наличие ямно-катакомбных черт (рис. 15: 1, 3–5). В погребении 1 кургана 1, совершённом на левом боку с северо-западной ориентировкой, отмечено наличие посыпки охрой. Керамика наряду с аркаимскими имеет абашевские черты (рис. 4: 2, 6).

Таким образом, более поздние погребения II обрядовой группы соотносятся с материалами укрепленного поселения Аркаим и, по-видимому, представляют самый ранний период его существования.

В целом культурное единство ранних материалов могильника Александровский IV и приуральских курганов ямного и катакомбного времени выглядит достаточно очевидным фактом и очередной раз свидетельствует о том, что степные районы Южного Зауралья входили в зону распространения Волго-Уральских курганных культур III тыс. до н. э. Многие особенности курганной архитектуры и погребальной обрядности населения волго-уральских степей находят своё продолжение в синташтинско-аркаимской погребальной практике. Сюда можно отнести конструктивные особенности погребальных камер: значительную глубину, наличие перекрытий, уступов, забутовок глиной; обычай скорченных погребений, помещение повозок и их деталей в яму и т. д.

В южно-степных и западных районах распространения курганов синташтинско-аркаимского типа последние начинают формироваться вокруг древнеямных курганов: Ишкииновский, Потоповский и Утевский могильники [4; 5; 19].

Рассматривая материалы Аркаимской долины, следует учитывать факт очень близкого расположения в ландшафте могильника Александровский IV и укрепленного поселения Аркаим. Их разделяет только старое русло р. Утяганка. Вполне возможно, что могильник с небольшими перерывами использовался постоянно, вплоть до начала строительства крепости. Это даёт возможность выдвинуть предположение о том, что реализация идей строительства укрепленных поселений совершалась в основном курганными архитекторами.

Судя по архаическим чертам керамического комплекса и обрядов захоронений могильника Александровский IV, возможно допустить, что население, оставившее впускные погребения (II обрядовая группа), наследовало ряд традиций предшественников, совершавших погребения I обрядовой группы. Причём сами эти погребения и курганы возводились, по-видимому, в течение длительного времени. Из них хронологически наиболее близки материалам некрополей укрепленного поселения Аркаим на Большекараганском могильнике [3; 8] артефакты кургана 5 могильника Александровский IV. Напротив, судя по стратиграфическим наблюдениям и положению умерших скорченно на спине, наиболее древними представляются курганы 2, 4, 6.

Продолжая анализ погребений и курганов древнеямного времени могильника Александровский IV, хотелось бы

подчеркнуть, что, несмотря на разрушения, они демонстрируют достаточно устойчивые традиции курганной архитектуры с чётко выделенным центром (погребальной камерой) и площадкой вокруг него, ограниченной кольцевым рвом. Погребённая почва на площадке часто убиралась до жёлтой материковой поверхности. Судя по особенностям фиксации напластований курганов, насыпь формировали, строго чередуя тёмные гумусированные и светлые материковые горизонты. По периметру её укрепляли особым уплотнённым грунтом с карбонатными добавками. Поэтому ров долгое время стоял открытым. Не исключено, что с внешней стороны, около рва, тоже была выложена небольшая обваловка.

Курган возводился для одного умершего, похороненного в центральной могильной яме.

Богатый мир курганной архитектуры древних ямников известен в основном несколько западнее и южнее Аркаима, на правом берегу р. Урал. Особого внимания заслуживают крупные курганы 30–50 м диаметром и 2–3 м высотой. Здесь мы также видим многоцветные насыпи, сложенные слоями из гумусных и материковых продуктов (блоков) с выделенной обваловкой по периметру. Особого расцвета курганное строительство достигло к середине III тыс. до н. э. (ранний бронзовый век, РБВ), не менее интересно и значимо оно во время среднего бронзового века (СБВ) до конца III тыс. до н. э. [2. С. 143–144; 13; 14. С. 83–86]. Некоторые исследователи этот период обозначают как катакомбное время, когда изменяется характер погребений и вещевые комплексы [2. С. 249; 18. С. 43; 19. С. 206, 229]. Однако курганная архитектура в целом развивается в едином ключе от РБВ до конца III тыс. до н. э.

Это маркируют материалы IV курганного могильника Ефимовка, Медведка, Грачевские курганы и др. [2. С. 70–101].

На рубеже III–II тыс. до н. э., в период глобального изменения культурно-го мира архитектура степных курганов удивительным образом трансформируется в архитектуру укреплённых поселений. Основной планировочный принцип — выделение кольцевым ровом замкнутой территории, ориентированной на центр, — а также ведущие традиции, касающиеся работы с грунтами, укрепление сооружений мощными валами и стенами одинаково проявлены в курганных памятниках и укреплённых поселениях синташтинско-аркаимской культуры.

Чрезвычайно интересно перенесение акцентов из мира мёртвых в мир живых. Монументальная курганная архитектура связана с заупокойным культом, культом умерших предков [10; 21] и вырастающим из него культом вождей [20. С. 321–323].

Постоянное усилие, направленное к победе над смертью возведением курганов [11. С. 65–71; 12. С. 50] и святилищ [17. С. 166–256], привело в конце концов к очередному кризису культуры. Выход состоял в соединении сил многих общин в единый религиозно-политический организм, где ведущая роль принадлежала вождю-демиургу, создающему культурные блага, обустривающему мир живых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Батанина, И. М. Археологическая карта заповедника Аркаим. История изучения археологических памятников / И. М. Батанина, Н. О. Иванова // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
2. Богданов, С. В. Эпоха меди степного Приуралья / С. В. Богданов. Екатеринбург, 2004.
3. Боталов, С. Г. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) / С. Г. Боталов, С. А. Григорьев, Г. Б. Зданович // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
4. Васильев, И. Б. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семёнова. Самара, 1994.
5. Васильев, И. Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы / И. Б. Васильев // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
6. Генинг, В. Ф. Синташта: археологические памятники арийских племён Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Ч. 1. Челябинск, 1992.
7. Зданович, Г. Б. «Страна городов» — укреплённые поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н. э. на Южном Урале / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
8. Зданович, Д. Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Д. Г. Зданович [и др.]. Кн. 1. Челябинск, 2002.
9. Зданович, Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д. Г. Зданович. Челябинск, 1997.
10. Зубов, А. Б. История религий. Кн. 1. Доисторические и внеисторические религии / А. Б. Зубов. М., 1997.
11. Иванова, С. В. О моделировании курганного пространства в раннем бронзовом веке / С. В. Иванова // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: к 70-летию Т. М. Потёмкиной. Курган, 2007.
12. Иванова, С. В. Ямная культура и теория катастроф (к постановке проблемы) / С. В. Иванова // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
13. Кузнецов, П. Ф. Курганный насыпь в обрядовой практике культур начала бронзового века / П. Ф. Кузнецов // Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.

14. Моргунова, Н. Л. Памятники древнеямной культуры на Илеке / Н. Л. Моргунова, А. Ю. Кравцов. Оренбург, 1994.

15. Моргунова, Н. Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья / Н. Л. Моргунова // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.

16. Мосин, В. С. Древняя история Южного Зауралья / В. С. Мосин, С. А. Григорьев. Т. 1. Челябинск, 2000.

17. Потёмкина, Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей Степной Евразии / Т. М. Потёмкина // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

18. Ткачёв, В. В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы / В. В. Ткачёв // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орс, 2000.

19. Ткачёв, В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы / В. В. Ткачёв. Актобе, 2007.

20. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. М., 1990.

21. Тюрин, В. А. Рецензия на книгу Зубова А. Б. «История религий. Книга первая. Доисторические и внеисторические религии» / В. А. Тюрин // Восток. 1999. № 6.

Ф. Н. Петров

КАМЕННЫЙ ПЕСТ С ЗООМОРФНЫМ НАВЕРШИЕМ С ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ХРУСТАЛЬНОЕ III

Особую роль в системе культурных символов эпохи бронзы играли зооморфные предметы, несущие в себе геокультурные смыслы онтологической взаимосвязи человеческого общества с вмещающим его природным миром. Одним из наиболее ярких предметов этого типа является каменный пест с зооморфным навершием (рис. 1), обнаруженный нашим полевым отрядом в 2005 г. при мониторинговом обследовании поселения Хрустальное III¹. Несколько пестов такого типа с зооморфными или антропоморфными навершиями поступили в 1970–1990-е гг. в разные музеи Урало-Казахстанской степи, как правило, в статусе случайных находок, сделанных местными жителями, без определённой привязки к культурным слоям археологических памятников. Наш пест — первый предмет данного типа, извлечённый специалистом из культурного слоя памятника; и он позволяет датировать весь комплекс однотипных артефактов эпохой бронзы.

Поселение Хрустальное III было обнаружено И. М. Батаниной и Н. В. Левит в результате дешифрирования аэрофотоснимков. Предварительно обследовано ими же при участии О. А. Кузнецовой в 1996 г. В дальнейшем изучалось разведочным отрядом Л. Ю. Петровой при

участии автора в 1998 и 2000 гг. [2. С. 183].

Поселение расположено на левом берегу р. Караганки, в 6,8 км к востоку-юго-востоку от восточной окраины пос. Черкасы, в 1,2 км выше устья р. Бутак, левого притока Караганки. Оно находится непосредственно у бровки надпойменной террасы, напротив обширного изгиба старичного русла, на высоте 2,5 м над урезом воды. Площадка памятника ровная, с крайне незначительным уклоном в сторону реки. На протяжении длительного времени — вероятно, нескольких десятков лет — она распахивалась.

На площадке поселения фиксируется не менее восьми жилищных впадин, вытянутых в два ряда в меридиональном направлении вдоль берега старицы. Все впадины выположены распашкой и читаются с большим трудом. Зона распространения подъёмных сборов также вытянута вдоль берега старицы и продолжается во все стороны за фиксирующиеся впадины. Её длина — около 150 м, ширина — около 80 м, площадь — около 11 000 м². Вскрытый пашней культурный слой поселения насыщен зольниками, многочисленными остеологическими остатками, фрагментами керамики и каменными макроорудиями. Вся обнаруженная нами керамика относится к эпохе поздней бронзы и имеет алакульский или срубно-алакульский облик (рис. 2).

В ходе обследования поселения в центральной части площадки непосредственно из распаханного культурного

¹ В обследовании памятника принимали участие сотрудники заповедника «Аркаим»: старший государственный инспектор И. А. Чернев и старший научный сотрудник В. А. Гашек. Прорисовки песта выполнила художник О. М. Ларина. Очистку песта от известкового налёта выполнила старший научный сотрудник Е. В. Куприянова.

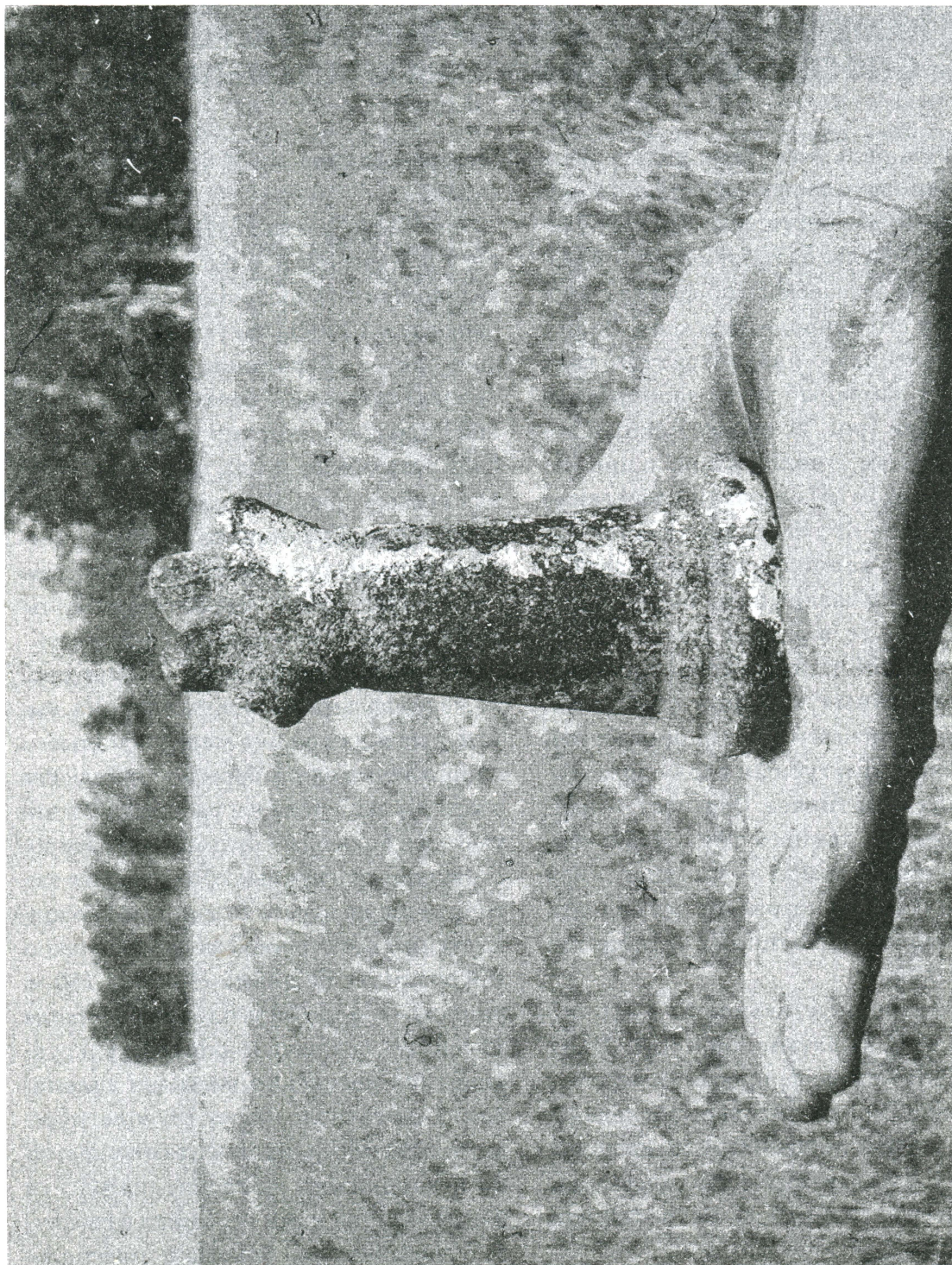

Рис. 1. Каменный пест на месте находки

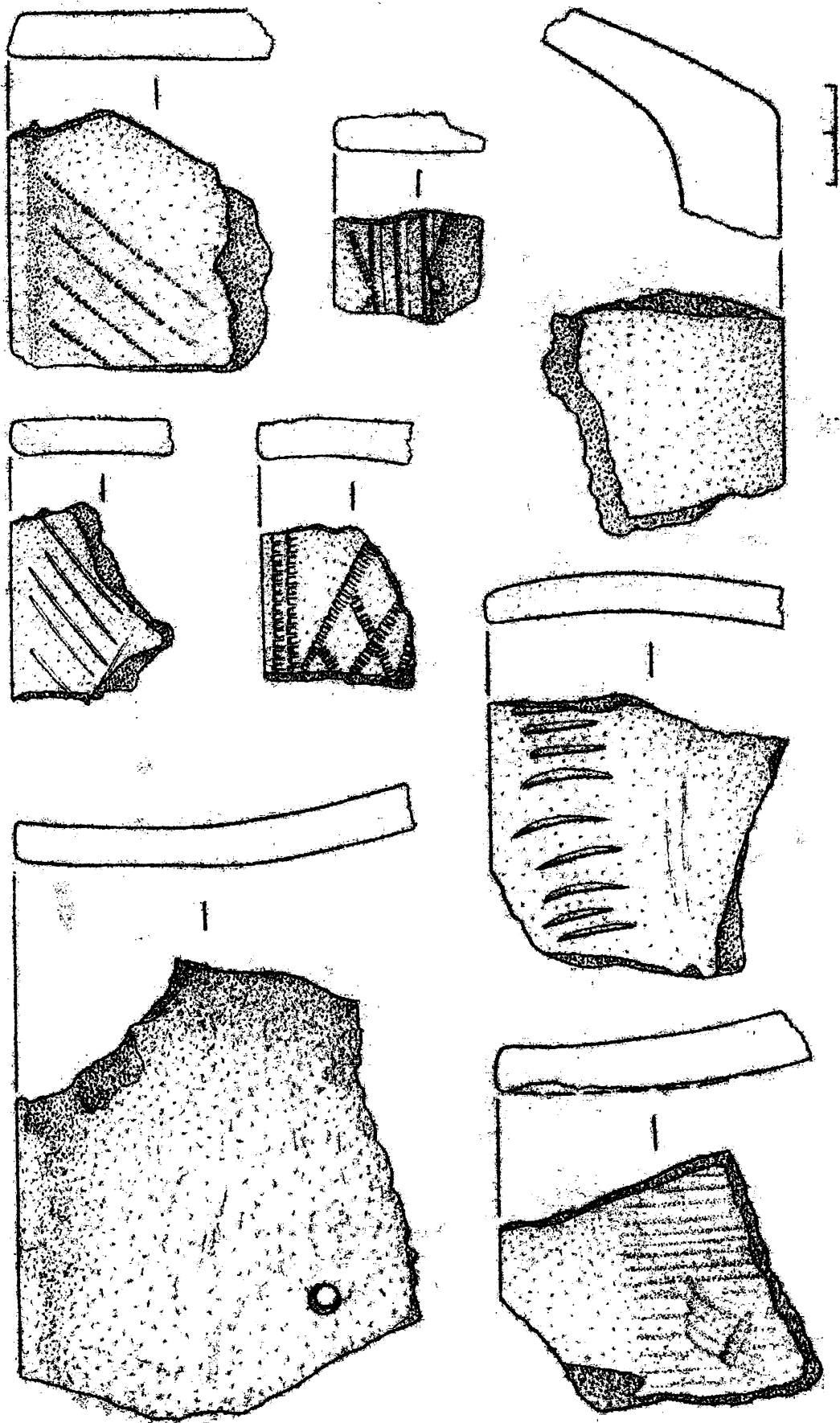

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Хрустальное III

слоя нами был извлечён каменный пест с зооморфным навершием. Он изготовлен из мелкозернистого габбро серо-синего цвета. Его максимальная высота 13,3 см, максимальная ширина в нижней части 6,4 см, в верхней части — 5,2 см (рис. 4).

Пест выполнен в технике пикетажа с подшлифовкой отдельных участков. Он имеет традиционную для изделий этого типа форму усечённого конуса с расширением в нижней части. Расширение декорировано двумя горизонтальными канелюрами.

Навершие песта имеет форму четырёхпалой лапы животного. По общим очертаниям лапа похожа на сурчиную — при этом, однако, на ней не видно небольшого пятого пальца, который расположен у сурка с нижней стороны лапы. «Лапа» выполнена очень правдоподобно, с проработкой пальцев и подушечек.

На нижней поверхности песта есть несколько небольших выколов — возможно, образовавшихся в результате работы изделием. Один из «пальцев» навершия частично сколот — вероятно, в ходе распашки поселения. Других повреждений изделие не имеет.

В ходе разведочного обследования поселения Хрустальное III в 2000 г. под руководством Л. Ю. Петровой на площадке памятника был найден предмет, возможно, составляющий функциональную пару к нашему песту. Это каменная чаша, также изготовленная из мелкозернистого габбро серо-синего цвета (рис. 4).

Чаша имеет максимальный диаметр 11,0 см и максимальную высоту 5,2 см. Как и пест, она выполнена в технике пикетажа. Её венчик украшен канелюром, аналогичным двум канелюрам, расположенным в нижней части песта. Рабочая поверхность песта практически без

зазоров входит в углубление чаши и полностью соответствует ему по форме и размерам. Всё это позволяет предполагать, что в древности пест и чаша «ступка» представляли собой функциональную пару (рис. 5).

Каменная чаша несколько более пострадала от распашки, чем пест. Её нижняя поверхность имеет два довольно обширных плоскостных скола, на боковой поверхности есть несколько глубоких царапин — скорее всего следы плуга. Несмотря на все эти не очень значительные повреждения, изделия представляют несомненную музейную ценность и в настоящее время экспонируются в музее «Природы и Человека» на Аркаиме.

Оба предмета были извлечены непосредственно из вскрытого пашней культурного слоя эпохи поздней бронзы с материалами срубно-алакульского облика. Никаких инновременных или инокультурных артефактов в этом слое нами встречено не было. Это позволяет достаточно уверенно синхронизировать пест с зооморфным навершием и каменную чашу со вскрытым пашней культурным слоем поселения Хрустальное III.

Найденный нами пест типологически близок целому ряду случайных находок, датировка которых эпохой бронзы до настоящего времени предполагалась достаточно условно. В их числе — пест с навершием в форме головы сурка с оз. Смолино¹, «нуринский» пест с навершием в форме человеческой головы, зооморфный пест из Новоорского музея [1. С. 23; 4. С. 208–209, 236–237]. В то же время ни единого другого песта с навершием в форме лапы животного автору на территории степной Евразии не известно.

¹ Случайная находка, хранящаяся у местного краеведа. Выявлен Г. Б. Здановичем, копии песта выполнены И. А. Русановым и находятся в археологических фондах Челябинского государственного университета.

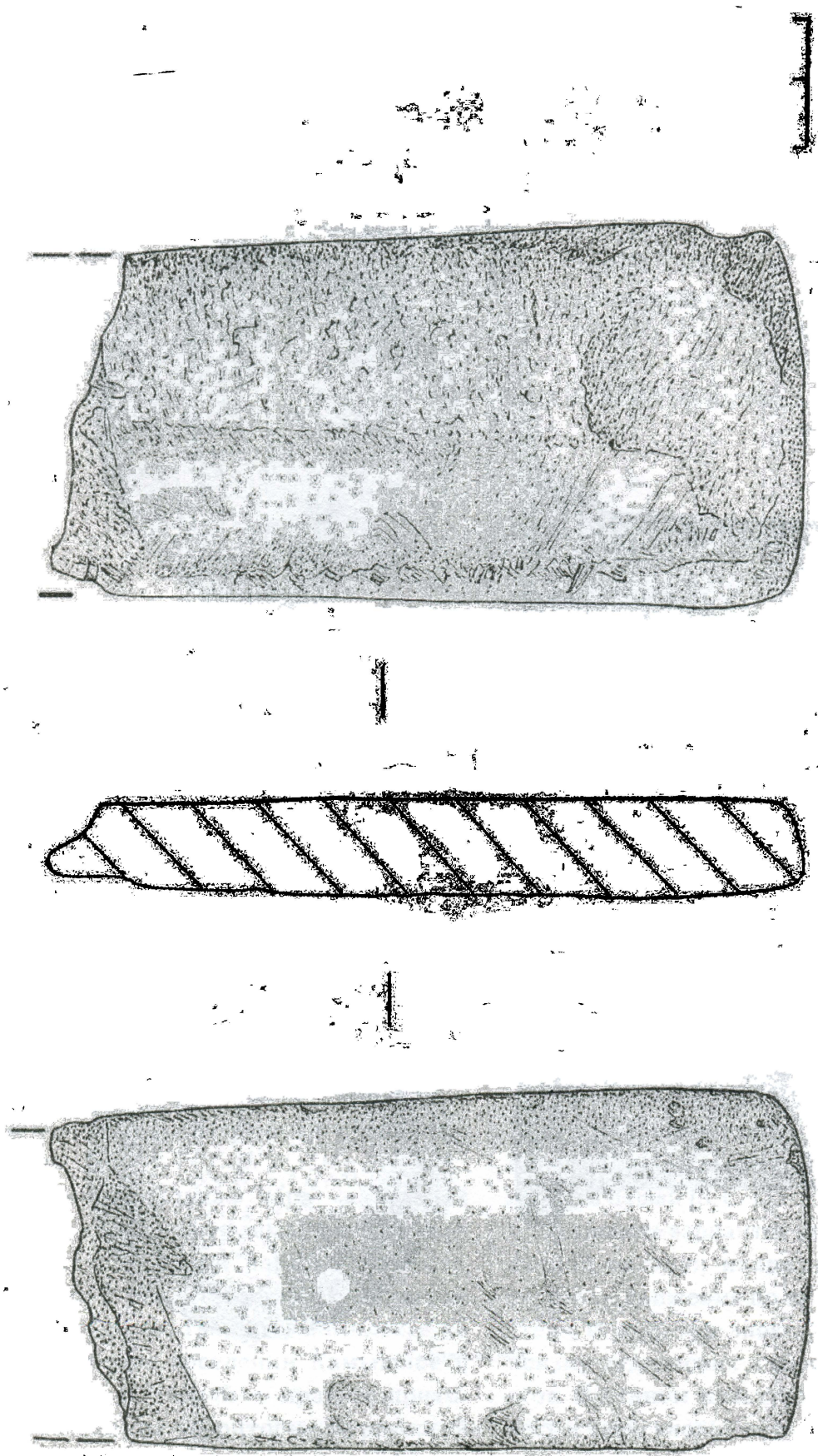

Рис. 3. Створка литейной формы из талькохлорита с поселения Хрустальное III

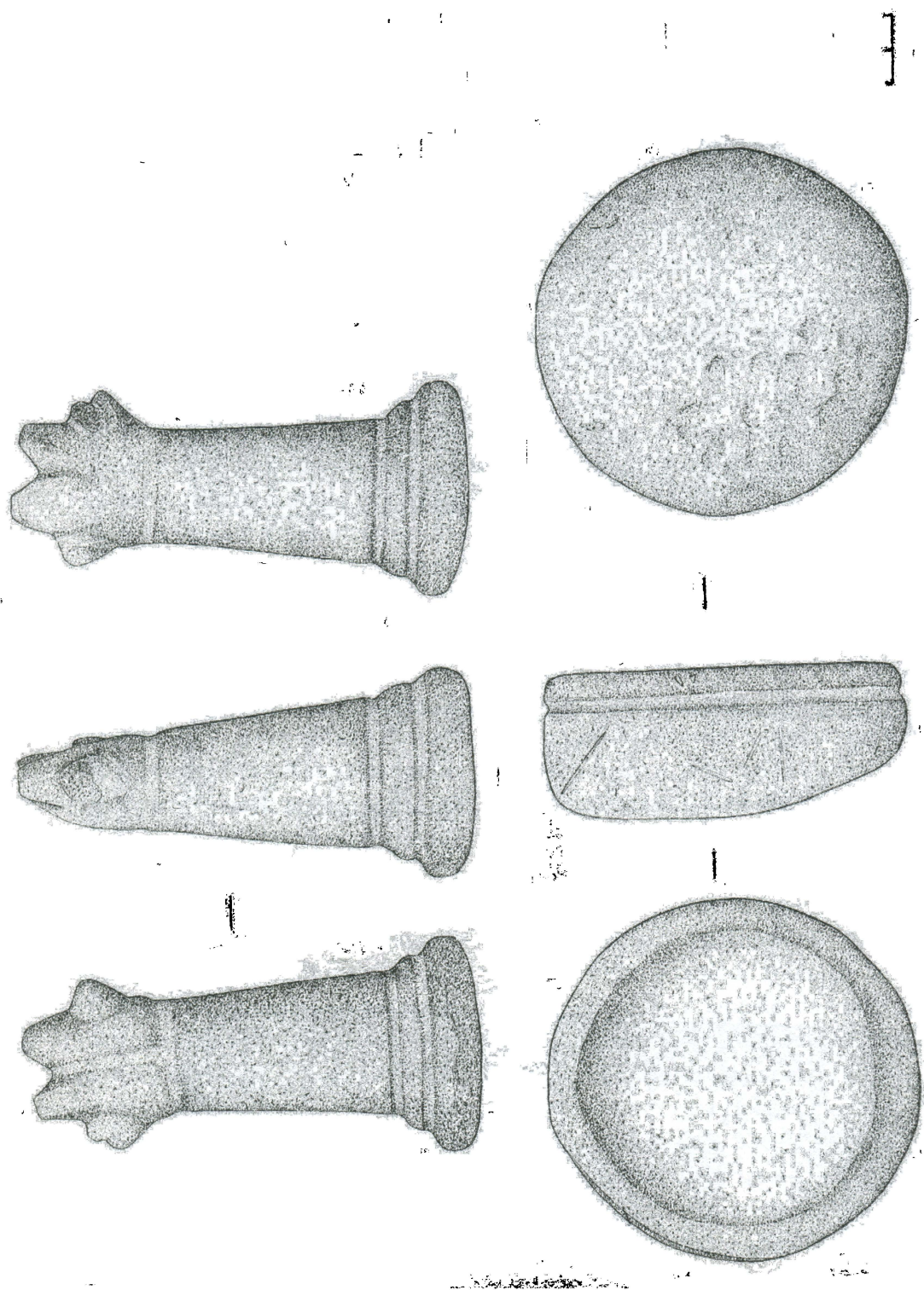

Рис. 4. Каменный пест и чаша в основных проекциях

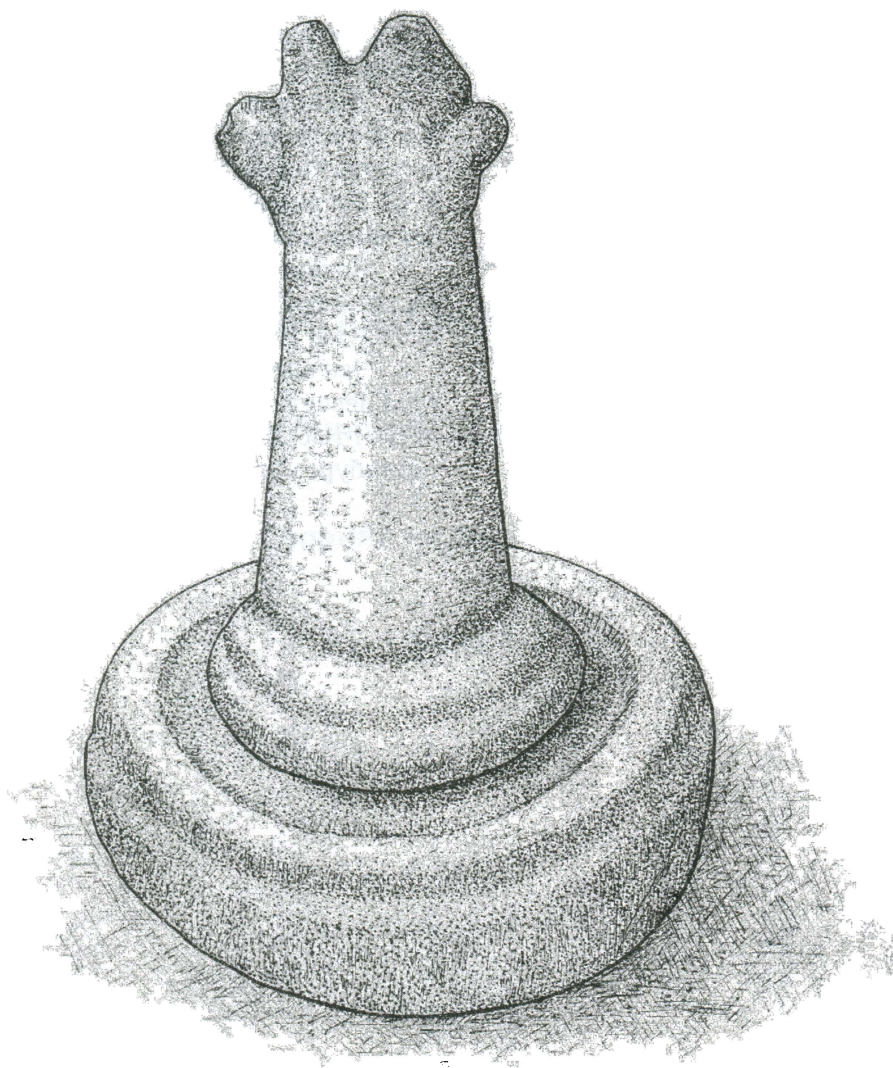

Рис. 5. Каменный пест и чаша — функциональная пара

Пест с поселения Хрустальное III является совершенно индивидуальным уникальным художественным произведением.

Функциональная пара «каменный пест — каменная чаша», аналогичная реконструируемой нами, была обнаружена Т. М. Потёмкиной в закрытом (вероятно, жертвенном) комплексе на алакульском поселении Камышное I, в долине р. Чёрной — правого притока Тобола, на территории Курганской области. Эта чаша имеет существенно

более сложнопрофилированную форму, чем наша, а пест без скульптурного навершия, фаллической формы, но сама по себе функциональная пара вполне аналогична нашей [З. С. 111–113].

При поиске вариантов интерпретации данной находки напрашивается проторённое движение по пути трактовки степных культур эпохи бронзы через призму ведических и авестийских текстов. В данном культурном контексте пест и чашу вполне естественно интерпретировать как обладающие высокой

семантической значимостью орудия для изготовления ритуального напитка сомы-хаомы — например, путём перетирания стеблей произрастающей в наших краях эфедры. Данная интерпретация настолько самоочевидна в системе современной археологической мифологии, что, на наш взгляд, едва ли имеет хоть какое-то отношение к действительности. Необходимым, но при этом отнюдь не достаточным, условием серьёзного обсуждения интерпретации данной находки является проведение её трасологического анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Древности Урало-Казахстанских степей : кат. выст. / сост. Н. О. Иванова. Челябинск : [б. и.], 1991. 60 с.
2. Зданович, Г. Б. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина, Н. В. Левит, С. А. Батанин. Челябинск : ЮУКИ, 2003. 240 с.
3. Потёмкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т. М. Потёмкина. М. : Наука, 1985. 376 с.
4. Ченченкова, О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. / О. П. Ченченкова. Екатеринбург : Тезис, 2004. 360 с.

Научное издание

АРКАИМ — СИНТАШТА: ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ ЮЖНОГО УРАЛА

К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича

Сборник научных трудов

Часть 1

Редактор *М. В. Трифонова*

Макет, вёрстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 12.02.10.

Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 300 экз. Заказ 5.

Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета

454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

